

кихъ условіяхъ работать ему удавалось лишь въ зимніе мѣсяцы, да и то съ большимъ трудомъ. Въ 1887 году болѣзнь постигла Гаршина поздно, среди лѣта, но зато не проходила болѣе; весною-же 1888 года обнаружилась нѣкоторые признаки возврата помѣшательства. И вотъ во время сборовъ на Кавказъ, въ припадкѣ глубокой меланхолии, Гаршинъ бросился въ пролетъ лѣстницы дома, въ которомъ жилъ, и 24-го марта его не стало.

IV.

Въ одномъ изъ писемъ къ своимъ друзьямъ, 1-го мая 1885 г., слѣдовательно, за три года до смерти, когда большинство его произведеній было уже написано, Гаршинъ, сѣтуя на неудачу своей повѣсти *Надежда Николаевна*, между прочимъ, такъ опредѣляетъ свой талантъ: «для меня прошло время страшныхъ отрывочныхъ воплей, «какихъ-то стиховъ въ прозѣ», какими я до сихъ поръ занимался: матеріалу у меня довольно, и нужно изображать не свое я, а большой внѣшній міръ».

Судя по этимъ словамъ, можно думать, что произведенія Гаршина отличаются крайнею субъективностью. Это не совсѣмъ вѣрно. Если у Гаршина и найдется не мало произведеній, въ которыхъ онъ имѣетъ дѣло съ своей собственной личностью, думами, сомнѣніями и рефлексіями, каковы: *Четыре дня*, *Трусъ*, *Ночь*, *Красный Цѣттокъ*, *Attalea princeps* и *То, чего не было*, зато наберется не менѣе такихъ, въ которыхъ онъ вполне отрѣшенъ отъ себя. Очевидно, ничего общаго съ его личностью не имѣютъ произведенія: *Встрѣча*, *Происшествіе*, *Денщикъ и офицеръ*, *Записки рядового Иванова*, *Медведи*, *Надежда Николаевна* и *Гордый Аггей*. Но должно признать, что во всѣхъ его произведеніяхъ, какъ субъективныхъ, такъ и объективныхъ, замѣчается бѣдность эпического элемента. Гаршинъ дѣйствительно имѣлъ очень мало дѣла съ внѣшнимъ міромъ, пренебрегалъ внѣшней обрисовкой лицъ и предметовъ, болѣе всего обращалъ вниманіе на внутренній міръ героевъ, на то, что они передумывали, переживали, переживали въ своей душѣ.

Обусловливаясь душевной болѣзью Гаршина, качество это вполне соответствуетъ духу времени, въ которое писались его произведенія, эпохѣ тоскующихъ, раздвоенныхъ людей съ большой совѣстью, усомнившихся и въ самихъ себѣ, и во всемъ окружающемъ, путающихся въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ.

Обратите вниманіе, что въ разсказахъ Гаршина люди цѣльные, способные беззавѣтно отдаваться страсти и наслаждаться жизнью, являются пошляками. Таковы, на примѣръ, благодушествующій инженеръ въ разсказѣ *Встрѣча*, Дѣдовъ въ разсказѣ *Художники*. Герои же мало-мальски симпатичные, къ которымъ лежитъ сердце автора и которые высказываютъ его собственные думы, являются постоянно раздвоенными и рефлектирующими Гамлетами. Это совершенно согласуется съ дѣленіемъ людей на два разряда, какое дѣлаетъ Гаршинъ въ своемъ письмѣ къ Латкину 9-го декабря 1883 г., высказывая здѣсь, очевидно, завѣтный свой взглядъ и на людей вообще, и на самого себя.

„Все люди,—говоритъ онъ,—которыхъ я зналъ, раздѣляются (между прочими дѣлениями, которыхъ, конечно, множество: умные и дураки, Гамлеты и Донъ-Кихоты, лѣнтяи и дѣятельные и проч.) на два разряда, или, вѣрнѣе, распредѣляются между двумя крайностями: одни обладаютъ хорошимъ, такъ сказать, самочувствіемъ, а другіе—сквернымъ. Одинъ живетъ и наслаждается всаками ощущеніями: ѣсть—онъ радуется, на небо смотреть—радуется. Даже низшія физиологическія отравленія совершаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. Придетъ изъ ватерклозета и говоритъ: „ну, братъ, да и хорошо же я и пр.“. Это я не вѣрю ни Толстому, ни кому иному, что такое свойство Платоши зависитъ отъ міросозерцанія, а не отъ устройства. Другіе же совсѣмъ напротивъ: озолоти его, онъ все брюжжитъ; все ему скверно; успѣхъ въ жизни не доставляетъ никакого удовольствія, даже если онъ вполнѣ налицо. Просто человекъ неспособенъ чувствовать удовольствія,—неспособенъ да и все тутъ“...

Обо всѣхъ лучшихъ герояхъ Гаршина слѣдуетъ сказать, что они именно оказываются неспособны чувствовать удовольствія. Все они раздвоенные, рефлектирующіе Гамлеты. Такимъ Гамлетомъ является даже герой *Четырехъ дней*, повидимому, менѣе всѣхъ другихъ подходящій къ этому типу. Онъ шелъ на войну, какъ истый Лаэртъ, сознательно и добровольно, увлеченный идеею. Онъ не понималъ даже, въ силу чего окружающіе смѣялись надъ его военнымъ задоромъ и называли его юродивымъ. Но и онъ обратился въ Гамлета, испытавъ, что такое война на самомъ дѣлѣ. Вотъ онъ лежитъ въ кустахъ, раненый, забытый, рядомъ съ трупомъ турка, котораго передъ тѣмъ убилъ, и тутъ, среди мукъ нестерпимой боли отъ ранъ, пожирающей жажды и отчаянія, его начинаетъ преслѣдовать рядъ скептическихъ рефлексій о жестокой бессмысленности войны вообще и тѣмъ большей бессмысленности его собственнаго убійства.

Еще въ большей степени Гамлетомъ является передъ нами герой *Труса*. Извѣстія съ поля войны производятъ на него потрясающее впечатлѣніе.

„Нервы,—спрашиваетъ онъ себя,—что ли у меня такъ устроены, только военныя телеграммы, съ обозначеніемъ числа убитыхъ и раненыхъ, производятъ на меня дѣйствіе, гораздо болѣе сильное, чѣмъ на окружающихъ. Другой спокойно читаетъ: „потери наши незначительны, ранены такіе-то офицеры, нижнихъ чиновъ убито 50, ранено 100“, и еще радуется, что мало; а у меня при чтеніи такого извѣстія тотчасъ появляется передъ глазами цѣлая кровавая картина. Пятдесятъ мертвыхъ, сто изувѣченныхъ—это незначительная вещь! Отчего же мы такъ возмущаемся, когда газеты приносятъ извѣстіе о какомъ-нибудь убійствѣ, когда жертвами являются нѣсколько человекъ? Отчего вилъ провинныхъ пулями труповъ, лежащихъ на полѣ битвы, не поражаетъ насъ такимъ ужасомъ, какъ видъ внутренности дома, разграбленнаго убійцей? Отчего катастрофа на тингульской насыпи, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человекъ, заставляетъ кричать о себѣ всю Россію, а на аванпостныхъ дѣла съ „незначительными“ потерями, тоже въ нѣскольکو десятковъ человекъ, никто не обращаетъ вниманія“.

Отъ подобныхъ общихъ соображеній онъ переходитъ къ своей личности:

„Куда же дѣнется твое „я“?—спрашиваетъ онъ:—мы всѣмъ существомъ протестуемъ противъ войны, а все-таки война заставитъ тебя взять на плечи ружье, идти умирать и убивать. Да вѣтъ, это не возможно! Я, смиренный, добродушный молодой человекъ, знавшій до сихъ поръ только свои книги да аудиторіи, да семью и еще нѣсколько близкихъ людей, думавшій черезъ годъ-два начать новую работу, трудъ любви и правды; я, наконецъ, привыкшій смотреть на міръ объективно, привыкшій ставить его передъ собою, думавшій, что всюду я пошмаю въ немъ зло и тѣмъ самымъ избѣгаю этого зла,—я вижу все мое зданіе, спокойствіе разрушеннымъ, а самого себя напяливающимъ на плечи то самое рубище, дыры и нитки котораго я сейчасъ только-что разсматривалъ. И никакое развитіе, никакое познаніе себя и міра, никакая духовная свобода не дадутъ мнѣ никакой физической свободы располагать своимъ тѣломъ“.

Далѣе затѣмъ приходятъ ему вдругъ въ голову сомнѣнія въ своей храбрости.

„Быть можетъ,—думаетъ онъ,—все мои возмущенія противъ того, что все считаютъ великимъ дѣломъ, исходятъ изъ страха за собственную кожу? Стоитъ ли дѣйствительно заботиться о какой-нибудь одной не-

важной жизни, въ виду великаго дѣла! И въ силахъ ли я подвергнуть свою жизнь опасности вообще ради какого-нибудь дѣла?"

Но герой началъ припоминать всю свою жизнь, всѣ тѣ случаи— правда, немногіе—въ которыхъ ему приходилось стоять лицомъ къ лицу съ опасностью, и не могъ обвинить себя въ трусости.

"Тогда, — говоритъ онъ, — я не боялся за свою жизнь и теперь не боюсь за нее. Стало быть, не смерть пугаетъ меня".

Но уклониться отъ предстоящей участи, воспользовавшись кое-какими вліятельными знакомствами, и остаться въ Петербургѣ, состоя въ то же время на службѣ, герой не былъ въ состояніи; его претило прибѣгать къ подобнымъ средствамъ. Что-то неподчиняющееся опредѣленію сидѣло у него внутри, обсуждало его положеніе и запрещало ему уклоняться отъ войны. «Не хорошо»—говорилъ ему внутренній голосъ.

Этотъ внутренній голосъ ясно сформировался предъ нимъ устами одной знакомой барышни Марьи Петровны:

"Они (т. е. другіе), — сказала она, — тоже не пошли бы, если бы могли, но они не могутъ, а вы можете... Они идутъ воевать, а вы останетесь въ Петербургѣ, живой, здоровый, счастливый только потому, что у васъ есть знакомые, которые пожальютъ послать знакомаго человѣка на войну. Я не беру на себя рѣшить: можетъ быть, это и извинительно, но мнѣ не нравится, нѣтъ!"

И онъ пошелъ, своего рода «невольникъ чести», умирать подъ непріятельскими пулями безъ малѣйшаго энтузіазма и съ полнымъ отвращеніемъ къ дѣлу ненавистной ему войны.

Съ поля войны Гаршинъ, въ своемъ разсказѣ *Художники*, ведетъ насъ въ художественныя студіи, но и здѣсь мы находимъ такое же развитіе гамлетизма, отвлекающаго талантливыхъ художниковъ отъ искусства, подобно тому, какъ мужественные люди получаютъ отвращеніе отъ войны. Дѣдовъ и Рябининъ—тѣ же Лаэртъ и Гамлетъ. Дѣдовъ—въ своемъ родѣ цѣльный человѣкъ: онъ до мозга костей преданъ искусству, и въ самомъ искусствѣ—пейзажной живописи; внѣ этого конька ничего для него не существуетъ. Онъ понять не въ силахъ, какъ можно сомнѣваться и задавать себѣ вопросы о значеніи и цѣляхъ искусства. Для него искусство само въ себѣ и по себѣ составляетъ цѣлый міръ, имѣющій свои начало и конецъ, исходъ и цѣль.

Рябининъ же весь изъѣденъ рефлексіями. Для него мало искусства въ самомъ себѣ; онъ безпрестанно спрашиваетъ, какое значеніе имѣетъ оно въ жизни. Это происходитъ отъ той причины, что истинные художественные таланты въ родѣ Рябинина—люди съ крайне чуткими, впечатлительными нервами, и какъ бы они ни старались устраниваться отъ жизни,—послѣдняя со всѣми ужасами, гадостями и грязью непрестанно волнуется ихъ, бѣситъ, терзаетъ, вызываетъ на страшный бой. Нужно имѣть нервы Дѣдова, чтобы смотрѣть и не видѣть, слышать и не содрогаться, и при возмущающихъ зрѣлищахъ думать лишь о красотѣ тоновъ неба, раскинушагося надъ людскими безобразіями. Рябининъ этого не можетъ, и въ немъ происходитъ мучительное раздвоеніе: жизнь тянетъ его въ одну сторону, искусство—въ другую. Онъ пытается помирить этотъ разладъ, посвятивши искусство жизни, пишетъ картину, на которой изображаетъ испытанный имъ ужасъ при видѣ адской каторги рабочаго-котельщика, собственною грудью выдерживающаго на днѣ котла страшные удары молотомъ при утвержденіи заклепокъ. Картина выхо-

дить поразительная по страшному впечатлѣнію. Но ожидаемаго примиренія художнику не приноситъ. Онъ представляетъ себя ее на выставкѣ; воображаетъ равнодушныя лица и пошлыя фразы зрителей. А затѣмъ, какое бы вопіющее содержаніе ни заключала картина, все равно неизбежная участь ея затеряться въ покояхъ какого-нибудь Саламатова или Утробина, гдѣ она будетъ играть такую же роль аксессуаровъ богатой обстановки, какъ стоящіе возлѣ нея канделябры. Чтобы выйти изъ этого ада сомнѣній, Рябинину остается одно: бѣжать отъ искусства, несмотря на всю любовь къ нему и могущественный талантъ, и онъ кончаетъ тѣмъ, что отдается непосредственному дѣлу борьбы съ безобразіями жизни.

Въ разсказѣ *Ночь* изображается совершенно такой же герой, какихъ мы видѣли въ разсказахъ Новодворскаго. Онъ рисуется здѣсь въ послѣдней фазѣ своей жизни, когда судьба успѣла уже поднести ему рядъ горькихъ опытовъ и разочарованій, вслѣдствіе которыхъ онъ отрезвѣлъ отъ своихъ самообольщеній и, вмѣсто величественнаго полубога, созналъ въ себѣ ничтожнѣйшаго пресмыкающагося червя и къ тому же обманщика, шулера.

„Въ прошломъ нѣтъ опоры,—говоритъ онъ себѣ,—потому что все ложь, обманъ. И лгать, и обманывать я самъ и самого себя, не оглядываясь... Такъ обманываетъ другихъ мошенникъ, притворяющійся богачемъ, разсказывающій о своихъ богатствахъ, которыя гдѣ-то „тамъ“ „не получены“, но которыя есть, и занимающій деньги направо и налѣво. Я всю жизнь долженъ самому себѣ. Теперь настала срокъ расчета—и я банкротъ, злостный, завѣдомый“...

Но и это сознаніе не излечиваетъ героя отъ недуга самообожанія. У него все-таки не хватаетъ настолько мужества, чтобы, честно сознавши въ несостоятельности, смириться и подавить въ себѣ гордыню: сознавая себя ничтожнѣйшимъ изъ ничтожнѣйшихъ, онъ продолжаетъ красоваться передъ собой въ гордомъ величіи, устраивая изъ самоуничженія пышную мантию, въ которую драпируется. Даже падая съ пьедестала, онъ и не помышляетъ о томъ, что ударится въ грязь лицомъ. Правда, онъ банкротъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ хуже другихъ; это показываетъ только, что и всѣ банкроты, а онъ во всякомъ случаѣ цѣлой головой выше человѣческаго рода, потому что люди не сознаютъ своего банкротства и продолжаютъ пресмыкаться, а онъ созналъ и желаетъ честно отдѣлаться отъ жизни. И вотъ на прощанье съ жалкимъ человѣческимъ родомъ онъ пишетъ письмо, въ которомъ излагаетъ, «что умираетъ спокойно, потому что жалѣть нечего: жизнь есть сплошная ложь; люди, которыхъ онъ любилъ—если только онъ дѣйствительно любилъ кого-нибудь, а не притворялся передъ самимъ собой, что любить,—не въ состояніи удержать его жизнь, потому что «выдохлись». Да и не выдохлись, «нечему было выдохаться», а просто потеряли для него интересъ, разъ онъ понялъ ихъ; онъ понялъ и себя, понялъ, что въ немъ, кромѣ лжи, ничего нѣтъ и не было; если онъ сдѣлалъ что-нибудь въ своей жизни, то не изъ желанія добра, а изъ тщеславія; онъ не дѣлалъ злыхъ и нечестныхъ поступковъ не по неимѣнію злыхъ качествъ, а изъ малодушнаго страха передъ людьми. Тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ себя хуже «остающихся лгать до конца дней своихъ» и не проситъ у нихъ прощенія, а умираетъ съ презрѣніемъ къ людямъ, не меньшимъ, чѣмъ къ самому себѣ. И жестокая, бессмысленная фраза сорвалась въ концѣ письма: «Прощайте, люди! прощайте, кровожадные, кривляющіяся обезьяны».

Но пустить себя пулю въ лобъ ему не удалось. Давно извѣстно, что подобнымъ людямъ хотя и свойственно приходитъ къ мысли о самоубійствѣ, но приводить ее въ дѣйствіе бываетъ очень трудно. Онъ и не замѣтилъ, какъ просидѣлъ въ своей комнатѣ, въ креслѣ, собираясь раздѣлаться съ жизнью, всю ночь до разсвѣта. Наконецъ, начали звонить къ заутрени. Звуки колокола пробудили его отъ мрачнаго раздумья.

„Колоколъ,—говоритъ авторъ,—сдѣлалъ свое дѣло: онъ напомнилъ запутавшемуся человѣку, что есть еще что-то, кромѣ своего собственнаго, узкаго мірка, который его измучилъ и довелъ до самоубійства. Неудержимой волной нахлынули на него воспоминанія, отрывочныя, безсвязныя и всѣ какъ будто совершенно новыя для него. Въ эту ночь онъ многое уже передумалъ и многое вспомнилъ, и воображалъ, что ясно видѣлъ самого себя. Теперь же почувствовалъ, что въ немъ есть другая сторона,—та самая, о которой говорилъ ему робкій голосъ его души“.

Однимъ словомъ, воспоминанія дѣтства воскресили въ немъ совершенно иной строй души, простой, безхитростный, чуждый раздѣлающихся рефлексій, но чуждый и узкаго эгоизма, когда «онъ думалъ именно то, что думалъ, любилъ отца и зналъ, что любить».

„Вѣдь, есть же міръ,—воскликнулъ онъ подъ обаяніемъ всѣхъ тѣхъ воспоминаній,—колоколъ напомнилъ мнѣ про него. Когда онъ прозвучалъ, я вспомнилъ церковь, вспомнилъ огромную человѣческую массу, вспомнилъ настоящую жизнь. Вотъ куда нужно уйти отъ себя и вотъ гдѣ нужно любить, и такъ любить, какъ любить дѣти... Обратиться и сдѣлаться какъ дитя!.. Это значитъ, не ставить во всемъ на первое мѣсто себя! Вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ, это отвратительное Я, которое, какъ глисть, сосетъ душу и требуетъ себя все новой и новой пищи“.

Это были, однимъ словомъ, тѣ старые, но вѣчно новыя народныя демократическіе идеалы, которые были чужды ему до сей поры, но теперь наполнили сердце его невѣдомымъ восторгомъ.

„Онъ почувствовалъ, что не все еще пограно идеомъ, которому онъ столько лѣтъ поклонялся, что осталась еще любовь и даже самоотверженіе; что стоитъ жить для того, чтобы излѣить этотъ остатокъ. Куда, на какое дѣло,—онъ не зналъ, да въ эту минуту ему и не нужно было знать, куда снести свою повинную голову. Онъ вспомнилъ горе и страданіе, какое довелось ему видѣть въ жизни, настоящее, житейское горе, передъ которымъ всѣ его мученія въ одиночку ничего не значили, и повялъ, что ему нужно идти туда, въ это горе, взять на свою долю часть его, и только тогда въ душѣ его настанетъ миръ“.

Къ сожалѣнію, это великое сознаніе явилось къ нему слишкомъ поздно. Не одинъ запасъ нравственныхъ силъ его былъ истощенъ, но и физическія до такой степени оказались надломлены, что онъ не въ состояніи былъ вынести восторга, которымъ преисполнился; новое вино не удержалось въ старыхъ мѣхахъ; съ героемъ произошло нѣчто въ родѣ разрыва сердца, и онъ умеръ, не доживя до утра.

Въ заключеніе укажемъ еще на одну особенность, замѣчающуюся въ большинствѣ произведеній Вс. Гаршина; именно страсть его къ кровавымъ катастрофамъ. Не говоря уже о *Четырехъ дняхъ*, гдѣ онъ заставляетъ героя четыре дня томиться жаждою и мучительною болью раны и въ то же время созерцать быстрое разложеніе трупа убитаго имъ же врага, вспомните концы *Труса*, *Происшествія*, *Краснаго Цветка*, *Сигнала*, *Надежды Николаевны*. Трагическое лежало въ крови Гаршина, и, быть можетъ, эта страсть къ ужасному была предчувствіемъ его собственной трагической смерти.

V.

Антонъ Павловичъ Чеховъ (псевдонимъ Чехонте) родился 17-го января 1860 г. въ Таганрогѣ. Дѣдъ и отецъ его, уроженцы Воронежской

губерніи, были изъ крѣпостныхъ. Учился Чеховъ въ Таганрогской гимназіи. Получивъ аттестатъ зрѣлости, онъ отправился въ Московскій университетъ, гдѣ въ 1884 г. кончилъ курсъ по медицинскому факультету. Литературная дѣятельность его началась въ 1879 г. въ газетахъ: *Стрекоза*, *Будильникъ*, *Петербургская Газета*, *Новое Время*, рядомъ мелкихъ фельетонныхъ рассказиковъ. Живые, веселые, полные юмора и блестящаго остроумія, рассказы эти не замедлили обратить вниманіе на

А. П. Чеховъ.

ихъ автора, и имя Чехова получило общую извѣстность, когда всѣ эти рассказы появились отдѣльными изданіями — въ 1887 г. *Юмористическіе рассказы* и *Въ сумеркахъ*, въ 1890 г. — *Хмурые люди*.

Но окончательно расцвѣлъ и развился во всей своей величинѣ талантъ Чехова, когда въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ началъ печататься въ толстыхъ журналахъ, перейдя къ крупнымъ произведеніямъ и по размѣру, и по художественнымъ достоинствамъ. Таковы: *Степь*, *Огни*, *Скучная исторія*, *Палата № 6*, *Записки неизвестнаго* и пр. Въ послѣдніе годы Чеховъ сверхъ всего этого написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, таковы: *Дядя Ваня*, *Чайка*, *Три сестры*, *Вишневый садъ*.

Подобно большинству беллетристовъ, появившихся въ теченіе 80-хъ годовъ, Чеховъ отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ то пессимистическое настроеніе, какое присуще этому мрачному 10-лѣтію. Напрасно будете вы искать въ его произведеніяхъ положительные типы, свѣтлыя, отрадные явленія, утѣшительныя перспективы. Безысходный мракъ царитъ въ нихъ. Герои его по большей части люди, извѣрившіеся въ себя и въ ближнихъ, нервно-развинченные, нравственно больные, вслѣдствіе чего глубокой и тонкой, поразительной психической анализъ его очень часто принимаетъ психіатрической характеръ. Когда, на примѣръ, вы читаете *Палату № 6*, вамъ кажется, что не одни только главные герои — люди душевно-больные, но и жители всего города, въ которомъ совершается дѣйствіе, нѣсколько тронуты. Обращаемъ вниманіе на эти черты, не какъ на недостатокъ таланта Чехова, а какъ на особенность его, зависящую отъ характера времени и ни мало не мѣшающую Чехову быть любимцемъ публики и занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной беллетристикѣ. Умеръ въ ночь на 2 июля 1904 г.

ихъ автора, и имя Чехова получило общую извѣстность, когда всѣ эти рассказы появились отдѣльными изданіями — въ 1887 г. *Юмористическіе рассказы* и *Въ сумеркахъ*, въ 1890 г. — *Хмурые люди*.

Но окончательно расцвѣлъ и развился во всей своей величинѣ талантъ Чехова, когда въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ началъ печататься въ толстыхъ журналахъ, перейдя къ крупнымъ произведеніямъ и по размѣру, и по художественнымъ достоинствамъ. Таковы: *Степь*, *Огни*, *Скучная исторія*, *Палата № 6*, *Записки неизвестнаго* и пр. Въ послѣдніе годы Чеховъ сверхъ всего этого написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, таковы: *Дядя Ваня*, *Чайка*, *Три сестры*, *Вишневый садъ*.

Подобно большинству беллетристовъ, появившихся въ теченіе

VI.

Михаилъ Ниловичъ Альбовъ родился въ Петербургѣ 8-го ноября 1851 г. Отецъ его былъ діакономъ церкви почтоваго департамента, мать—полудворянскаго рода. Альбовъ лишился ея, когда ему было полтора года. Грамотѣ Альбовъ научился довольно рано, чему былъ обязанъ теткѣ, Т. М. Башмаковой.

Десяти лѣтъ отдалъ Альбова во 2-ю Петербургскую гимназію, гдѣ со второго уже класса мальчикъ началъ пописывать. Когда же ему было 13 лѣтъ, онъ написалъ разсказецъ въ формѣ дневника, подъ заглавіемъ *Записки подвального жильца*, и послалъ его по почтѣ въ *Петербургскій Листокъ* Ильи Арсеньева. Разсказъ былъ напечатанъ, авторъ былъ, конечно, на седьмомъ небѣ, цѣлый день ходилъ, какъ въ чаду. Но этотъ быстрый и преждевременный успѣхъ имѣлъ очень дурныя послѣдствія: мальчикъ бросилъ заниматься ученьемъ, началъ получать единицы и двойки, застрѣвалъ въ каждомъ классѣ по два года, а въ четвертомъ остался на третій годъ и вслѣдствіе этого долженъ былъ оставить гимназію.

Первое время онъ весь былъ подавленъ бѣдою, сознаниемъ негодности. Но мало-по-малу успокоился и снова принялся за литературные труды. Тогда же (1866) онъ написалъ большую часть своей первой большой повѣсти *На новую дорогу*, напечатанной позднѣе у того-же Ильи Арсеньева. Въ 1867 г. Альбовъ поступилъ въ четвертый классъ пятой гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1873 году. Съ 1873 по 1879 годъ онъ находился на юридическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, при чемъ съ лѣта 1877 по весну 1878 г. провелъ въ дунайской арміи, въ качествѣ брата милосердія, при чемъ необходимыя для этого фельдшерскія познанія приобрѣлъ на открывшихся весной въ 1877 г. курсахъ первой помощи раненымъ. По выходѣ изъ университета Альбовъ всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности.

Первымъ произведеніемъ, замѣченнымъ публикою и критикою, была повѣсть *День итога*, напечатанная въ *Словѣ* 1879 г. №№ 1 и 2. Повѣсть эта написана, очевидно, подъ сильнымъ влияніемъ Ф. Достоевскаго. Вы найдете здѣсь цѣлыя страницы, отъ которыхъ на васъ вѣтъ романомъ *Преступленіе и наказаніе*: таковы сны на яву и галлюцинаціи героя Глазкова, его полоумныя скитанія по городу, связь съ швейкою Катей Ершовой и высококомѣрное обращеніе съ нею; сама эта Катя Ершова напоминаетъ Соню Мармеладову.

Гамлетическій, рефлексивный элементъ играетъ большую роль въ произведеніяхъ Альбова. Онъ встрѣчается и въ самомъ обширномъ, но не конченномъ его романѣ *До пристани*, и въ *Рясѣ*, и въ *Главахъ изъ недописанной повѣсти*, и въ разсказѣ *Какъ горѣли дрова*.

Рядомъ съ этимъ субъективно-рефлексивнымъ элементомъ, лежащимъ въ основѣ таланта Альбова, мы встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ и элементъ объективный. Альбовъ обнаруживаетъ немалое мастерство въ изображеніи внѣшнихъ явленій жизни, при чемъ въ рисункахъ его преобладаютъ мелкія детали и нюансы; въ этомъ отношеніи Альбовъ принялъ манеру протоколизма французскихъ натуралистовъ. Самыми лучшими

его произведеніями объективнаго характера считаются: *До пристани*, *Невъдомая улица*, *Конецъ Невъдомой улицы*, *Раса*, *Тоска*, *Юбилей*. Къ сожалѣнію, кругъ его вѣдѣній наблюденій узокъ. Онъ ограничивается одной петербургскою жизнью, да и въ ней знаетъ лишь бытъ мѣщанства и духовенства. Попытки изображать великосвѣтскихъ людей, обнаруженные имъ въ романѣ *До пристани*, крайне неудачны; всѣ такія изображенія страдаютъ стереотипностью.

VII.

Казиміръ Станиславовичъ Баранцевичъ родился 22-го мая 1851 г. въ Петербургѣ, отъ отца-поляка и матери-француженки. Отецъ Баранцевича служилъ чиновникомъ въ комиссіи погашенія государственныхъ долговъ, почти совершенно обрусѣлъ, охотно заводилъ знакомства среди русскихъ и пристрастился къ чтенію русскихъ книгъ. Страсть эта перешла и къ сыну. Читать научился мальчикъ пяти, шести лѣтъ, самъ, безъ азбуки, по клочкамъ печатной бумаги, приносимой изъ лавочки. Семи или восьми лѣтъ онъ зачитывался *Сыномъ Отечества* и Пушкинымъ, надъ которымъ просиживалъ дни и ночи, и подъ влияніемъ этого чтенія девяти лѣтъ написалъ героическую поэму *Понятовскій*. Одновременно съ этимъ развилась у мальчика страсть къ рисованію и музыкѣ.

Въ 1862 году Баранцевичъ поступилъ въ 1-й классъ второй гимназіи и первые два года учился недурно, получалъ даже похвальные листы, но съ переходомъ въ третій классъ сталъ учиться хуже и хуже, зато читалъ до одуренія. Пользуясь черезъ отца бібліотекою министерства финансовъ, онъ читалъ книги самаго разнообразнаго содержанія, не исключая и медицинскихъ. Въ то же время не переставалъ писать стихами и прозой. Подружившись съ товарищемъ Альбовымъ, онъ взапуски съ нимъ между уроками писалъ повѣсти, издавалъ рукописные журналы, но дальше 4-го класса онъ не пошелъ. Подъ влияніемъ тогдашняго броженія, журнальныхъ статей и толковъ о народѣ, онъ приваялся народничать: бродить по деревнямъ, сливаться съ мужиками, крестить у нихъ ребятъ, пить съ ними водку, ходить на покосъ и пр.

Когда зимою 1870 г. умеръ отецъ Баранцевича, положеніе семьи сдѣлалось безвыходнымъ. Баранцевичъ принужденъ былъ искать мѣста. Онъ поступилъ въ контору подрядчика, который обращался съ нимъ скверно, грубо, платя въ мѣсяць 35 р. и страшно обременяя работой.

Занимаясь его дѣлами, Баранцевичъ удосужился урывками переписать романъ А. Толстого *Князь Серебряный* въ драму бѣлыми стихами, подъ названіемъ *Опричнина*. Драма въ октябрѣ 1873 г. была поставлена на Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ актера Виноградова, шла 5 или 6 разъ и дала автору около 600 рублей.

Послѣ женитьбы на Д. Н. Алексѣевой матеріальное положеніе Баранцевича еще болѣе ухудшилось: пошли дѣти, а ему пришлось длинный рядъ годовъ сидѣть на 40 р. жалованья, которые онъ получалъ въ качествѣ конторщика «Русскаго строительнаго общества»; литературный

же трудъ плохо вознаграждалъ его, тѣмъ болѣе, что и писать ему было некогда. Лишь въ 1878 году, когда появилась въ *Словѣ* повѣсть его *Порванныя струны*, онъ былъ замѣченъ, и произведенія его начали появляться въ крупныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ разсказѣ *Муть* Баранцевичъ заставляеть одного изъ своихъ героев, художника, говорить о проклятой петербургской мути, которая лежитъ гнетомъ на творческой фантазіи и мѣшаетъ развитію таланта. И дѣйствительно, *Мутное небо и мутные люди*—этими словами вполне опредѣляются и содержаніе, и колоритъ произведеній г. Баранцевича. Рѣдкій разсказъ его обходится безъ большихъ, умирающихъ, гробовъ, кладбищъ, могилъ, монотоннаго шума дождя и воя осенняго вѣтра, задувающего и безъ того едва мерцающіе фонари на утопающихъ въ грязи улицахъ петербургскихъ окраинъ, и т. п.

Изображаются г. Баранцевичемъ по большей части люди, изнемогающіе подъ бременемъ жизни, недугующіе душевно и тѣлесно, умирающіе, и, конечно, ужъ преждевременно. Въ одномъ разсказѣ мужъ съ уныніемъ и ужасомъ наблюдаетъ, какъ постепенно таетъ и разрушается подъ гнетомъ нужды нѣжно любимая имъ жена, въ другомъ—мать хоронитъ блуднаго, но все-таки любимаго сына; въ третьемъ товарищъ везетъ въ больницу сожителя, внезапно захворавшаго тифомъ, и затѣмъ хоронитъ его. Картины всякаго рода смертей отличаются въ разсказахъ Баранцевича большимъ мастерствомъ, тщательной отдѣланностью и ужающими подробностями. Авторъ, словно Мефистофель, паритъ надъ головами читателей и не даетъ имъ ни на одну минуту забытья свѣтлыми иллюзіями. Онъ не вѣритъ въ возможность прочнаго счастья, и къ тому же оно по самому существу представляется ему чѣмъ-то въ высшей степени преступнымъ; оно, по его мнѣнію, немисливо безъ забвенія святыхъ завѣтовъ юности, узкаго и черстваго эгоизма, отступничества.

Наиболѣе крупными произведеніями Баранцевича являются *Чужакъ*, романъ, напечатанный въ *Устояхъ* въ 1882 году, въ которомъ въ лицѣ героя Радунцева авторъ заплатилъ дань своей школѣ, изобразивъ все того же нравственно-несостоятельнаго героя; затѣмъ—*Раба*, романъ, напечатанный въ *Дѣлѣ* 1887 г. и изданный отдѣльно въ 1888 г. Затѣмъ слѣдуетъ масса мелкихъ разсказовъ и очерковъ, печатаемыхъ въ различныхъ періодическихъ органахъ и потомъ издающихся отдѣльно въ видѣ небольшихъ сборниковъ, нося какое-нибудь общее заглавіе. Таковы сборники: *Подъ гнетомъ*, Спб. 1885 г., *Порванныя струны*, Спб. 1886 г., *Маленькіе разсказы*, Спб. 1887 г., *Новые разсказы*, Спб. 1889 г., *Старое и новое*, Спб. 1890 г.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

I. Владиміръ Галактионовичъ Короленко. Его біографія.—II. Произведенія В. Г. Короленко.—III. Игнатій Николаевичъ Потапенко. Дмитрій Наркисовичъ Маминъ.

I.

Но, конечно, далеко не всѣ молодые беллетристы ударились въ субъективный пессимизмъ, псевдонародническія тенденціи или идеи гр. Л. Толстого. Нѣкоторые изъ молодыхъ беллетристовъ остались въ сторонѣ

отъ этого теченія, или же пребываютъ вѣрны лучшимъ традиціямъ 60-хъ годовъ, или же идутъ своимъ самостоятельнымъ путемъ. Таковъ прежде всего Владиміръ Галактіоновичъ Короленко,—писатель, котораго можно поставить во главѣ современной беллетристики по силѣ таланта, по богатству художественнаго матеріала, по широтѣ сферы наблюдательности, наконецъ, по самому міросозерцанію, обнаруживающему человѣка, стоящаго въ уровнѣ вѣка по своему образованію.

Владиміръ Галактіоновичъ Короленко родился 15 іюня 1853 года въ г. Житомирѣ. Отецъ его изъ дворянъ Полтавской губерніи былъ чиновникъ. Дѣдъ былъ директоромъ таможи сначала въ Радзивиловѣ, потомъ въ Бессарабіи. Прадѣдъ былъ запорожецъ, казацкій старшина. Мать же Короленка была полька — дочь шляхтича-посессора.

Первоначальное образованіе Короленко получилъ въ пансіонѣ В. Рыхленскаго, въ свое время лучшимъ заведеніемъ этого рода въ Житомирѣ. Затѣмъ, поступивъ во второй классъ Житомирской гимназіи, мальчикъ пробылъ въ ней два года. Въ это время отецъ, переведенный сначала въ г. Дубно на мѣсто уѣзднаго судьи, затѣмъ перешелъ на службу въ уѣздный городокъ Ровно, куда за нимъ переѣхала вся семья. Короленко съ

В. Г. Короленко.

братями поступилъ здѣсь въ третій классъ реальной гимназіи, въ которой въ 1870 году и окончилъ курсъ съ серебряной медалью. Этотъ небольшой городокъ, нынѣ оживившійся послѣ проведенія желѣзной дороги, съ полною точностью, по словамъ Короленка, описанъ имъ въ разсказѣ *Въ дурномъ обществѣ*.

Въ 1868 г. (31-го іюня) умеръ отецъ Короленка. Это былъ чиновникъ строгой и рѣдкой по тому времени честности. Получивъ скудное воспитаніе и проходя службу съ низшихъ ступеней среди дореформенныхъ канцелярскихъ порядковъ и общаго взяточничества, онъ никогда не позволялъ себѣ принимать даже того, что по тому времени называлось «благодарностію», т. е. приношеній уже послѣ состоявшагося рѣшенія дѣла. А такъ какъ въ тѣ годы это было недоступно пониманію средняго обывателя, отецъ же Короленка былъ чрезвычайно вспыльчивъ, то сынъ помнить много случаевъ, когда онъ прогонялъ изъ своей квартиры «благодарныхъ людей» палкой, съ которой никогда не разставался (онъ былъ хромъ, вслѣдствіе односторонняго паралича). Понятно поэтому, что семья (вдова и пятеро дѣтей) остались послѣ его смерти безъ всякихъ средствъ, съ одной пенсіей. Короленко былъ въ то время въ 5-мъ классѣ. Частью казенному пособію, выданному во вниманіе къ выдающейся честности отца, но еще болѣе истинному героизму, съ которымъ мать отстаивала будущее семьи среди нужды и лишеній, обязанъ былъ Короленко тѣмъ, что могъ окончить курсъ гимназіи и въ 1871 г. поступить въ Технологическій институтъ.

Здѣсь почти три года прошли въ напрасныхъ попыткахъ соединить ученіе съ необходимостью зарабатывать хлѣбъ. Пособіе съ окончаніемъ гимназическаго курса прекратилось, и Короленко теперь рѣшительно не можетъ дать отчета, какъ удалось ему прожить первый годъ въ Петербургѣ и не погибнуть прямо отъ голода. Безпорядочное, неорганизованное, но душевное и искреннее товарищество, связывавшее студенческую гольтѣбу въ тѣ годы, одно является въ качествѣ нѣкотораго объясненія. Какъ бы то ни было, но даже 18-ти-копеечный обѣдъ въ тогдашнихъ дешевыхъ кухмистерскихъ вел. кн. Елены Павловны для Короленка и его сожителей былъ въ то время такою роскошью, которую они позволяли себѣ не болѣе 6, 7 разъ во весь этотъ годъ. Понятно, что объ экзаменахъ и систематическомъ ученіи не могло быть и рѣчи. Въ слѣдующемъ году Короленко нашелъ работу, сначала раскрашиваніе ботаническихъ атласовъ г. Ж., потомъ—корректуру. Видя однако, что все это ни къ чему не ведетъ, Короленко уѣхалъ въ 1874 г. съ десяткомъ заработанныхъ рублей въ Москву и поступилъ въ Петровскую академію. Выдержавъ экзаменъ на второй курсъ, онъ, получивъ стипендію, считалъ себя окончательно устроившимся; но благополучіе это продолжалось недолго: въ 1876 году Короленко былъ исключенъ съ третьяго курса за подачу директору коллективнаго заявленія студентовъ и высланъ съ двумя товарищами изъ Москвы въ Вологодскую губернію, но съ дороги былъ возвращенъ въ Кронштадтъ, гдѣ въ это время жила семья его. Годъ спустя онъ переселился съ семьей въ Петербургъ, гдѣ съ братьями опять занялся корректурой. Къ 1879 году относятся первыя его литературныя попытки.

Съ того же 1879 г. начинаются послѣ предварительнаго ареста странствія Короленка по отдаленнымъ восточнымъ мѣстамъ: сначала онъ попалъ въ Глазовъ Вятской губерніи, затѣмъ—въ глухія дебри Глазовскаго уѣзда; оттуда—въ Томскъ; изъ Томска—въ Пермь; оттуда въ 1881 году—въ Якутскую область. Изъ Перми Короленко послалъ въ *Слово* два очерка, которые и были напечатаны (въ 1880 г.). Вернувшись изъ Якут-

ской области въ 1885 году, Короленко окончательно отдался литературѣ, вновь дебютируя *Сномъ Макара* въ *Русской Мысли* (1885 г., № 3).

Въ 1887 г. вышло первое изданіе его рассказовъ. Книга *Очерковъ и рассказовъ* его переведена на нѣмецкій, французскій, англійскій и чешскій языки. *Слѣпой музыкантъ* въ свою очередь былъ изданъ въ Лондонѣ и Бостонѣ.

II.

Всѣ эти біографическія данныя свидѣлствуютъ, что передъ нами писатель, возросшій не въ городской атмосферѣ, а на лонѣ природы, подъ горячимъ солнцемъ юга: образы его такъ ярки и сочны, юморъ такъ веселъ и задумчивъ. Короленко любитъ рисовать сельскіе ландшафты, и они представляются не искусственно-вклеенными заплатками, не декалькоманическими виньетками, какъ это мы видимъ у нѣкоторыхъ беллетристовъ, а тѣсно сливаются съ рассказомъ, составляя неотъемлемую его принадлежность, дышать одною жизнью съ выводимыми людьми.

Въ то же время мы видимъ въ Короленкѣ человѣка бывалаго, извѣдывшаго Россію вдоль и поперекъ, и поэтому богатаго опытами и наблюденіями жизни, проявляющимися въ роскошномъ разнообразіи его картинъ. Гдѣ только не переживаете вы вмѣстѣ съ авторомъ и кого только не встрѣтите, читая его произведенія: передъ вами раскроются и жизнь мелкаго городка юго-западнаго края, и дремучіе боры Полѣсья, и сибирская тайга съ ея 40-градусными морозами, и сахалинскія дебри, и нищія, пріютившіяся въ развалинахъ стараго кладбища въ Княжъ-Городѣ, и полу-русскіе, полу-якутскіе обитатели тайги, и бѣглые каторжники Сахалина, и навсегдаги сибирскихъ тюремъ въ видѣ сектантовъ, съ ихъ фантастическими ученіями, не помнящіе родства бродяги и разбойничьи притоны подъ видомъ заимокъ. Вы не встрѣтите у Короленка ни одного повторенія, ничего, что хотя бы одною чертою напоминало читанное вами въ предшествовавшихъ произведеніяхъ того же автора. Каждое произведеніе его представляетъ свой особенный міръ, вполне этимъ произведеніемъ исчерпывающійся. Короленко не ограничивается одними блѣдными и едва намѣченными эскизами, чѣмъ отличаются многіе изъ молодыхъ писателей: каждое выведенное имъ лицо представляетъ собою рельефно-очерченный характеръ, каждая картина дорисована до конца и не требуетъ ни малѣйшей лишней черточки. Художественная полнота, законченность и гармоничность, составляющія рѣдкое въ наше время и дорогое качество, являются неотъемлемою принадлежностью рассказовъ Короленка.

Первое произведеніе Короленка, обратившее вниманіе публики и критики на автора, было, какъ мы видѣли, *Сонъ Макара*, напечатанное въ № 4 *Русской Мысли* 1885 г. Общій голосъ по прочтеніи этого произведенія былъ тотъ, что послѣ *Подлиповцевъ* Рѣшетникова ничего не появлялось въ этомъ родѣ въ литературѣ нашей до такой степени сильнаго и поразительнаго. Рассказъ подкупаетъ прежде всего содержаніемъ своимъ, силой объективности, съ которой автору удалось изобразить дикаря-якута во всѣхъ мелочахъ его внѣшняго быта и внутренняго пси-

хического міра, но хороша и внѣшняя форма, весьма рѣдкая въ наше время по выдержанности, отсутствію излишнихъ подробностей и растянутостей, наконецъ, по лиризму, который въ концѣ разсказа захватываетъ читателя и освѣщаетъ все подробности свѣтомъ глубокой идеи, лежащей въ произведеніи. Оригиналенъ и сюжетъ повѣсти, заключающійся въ путешествіи на «тотъ свѣтъ» полу-якута, полу-русскаго дикаря, который, напившись пьянъ наканунѣ Рождества, заснулъ у себя дома, и ему пригрезилось, что онъ замерзъ въ тайгѣ, и затѣмъ давно умершій попикъ Иванъ ведетъ его въ родѣ Виргилія по загробнымъ мытарствамъ на судъ великаго Тойона. Въ этомъ путешествіи и судѣ Тойона заключается суть разсказа, полная глубокой бытовой и философской правды.

Затѣмъ послѣдовали *Очерки сибирскаго туриста* въ первыхъ номерахъ *Сѣвернаго Вѣстника* за 1885 г., въ которыхъ авторъ знакомитъ насъ съ нѣсколькими весьма любопытными типами сибирской жизни, по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе отставшей отъ жизни Европейской Россіи. Читаете вы эти очерки словно старый историческій романъ 30-хъ годовъ, съ разбойничьими притонами въ дремучихъ лѣсахъ, ночными нападеніями на трепещущихъ отъ ужаса путешественниковъ и прочими необыкновенными, неожиданными и захватывающими духъ приключеніями на большихъ дорогахъ. Особенно мастерски обрисованъ типъ ямщика *убивцы*, съ его богатырской физической силой, пытливымъ умомъ и нѣжно-гуманнымъ сердцемъ. При всѣхъ этихъ качествахъ понятно мистическое обаяніе, какое производилъ онъ на разбойниковъ, внушая имъ суевѣрный ужасъ, такъ что они, убѣжденные, что никакая пуля его не возьметъ и ножъ сломается объ него, не смѣли нападать на проѣзжихъ, когда онъ правилъ тройкой. Полная кровавыхъ приключеній жизнь и трагическая смерть его составляютъ главное содержаніе *Очерковъ*.

Въ томъ же, 1885 году, въ № 10 *Русской Мысли* появилась повѣсть Короленка *Въ дурномъ обществѣ*, еще болѣе упрочившая извѣстность автора. Фабула разсказа проста и незамысловата, что не мѣшаетъ ей быть въ высшей степени поэтической. Героємъ является мальчикъ, сынъ мѣстнаго судьи въ небольшомъ городкѣ юго-западнаго края. Мать у него недавно умерла, а отецъ до такой степени предался горю, что совсемъ упустилъ изъ виду дѣтей, младшую дочку Соню, бывшую еще на рукахъ у няньки, и мальчика семи лѣтъ, который былъ предоставленъ вполнѣ самому себѣ и скитался по городу безъ призора.

Маленькій городокъ имѣлъ свои историческія преданія. Въ немъ были развалины замка прежнихъ владѣльцевъ городка, польскихъ графовъ, когда-то богатыхъ, нынѣ захудалыхъ. Потомки ихъ давно уже оставили жилище предковъ. Большая часть дукатовъ и всякихъ сокровищъ перешла за мостъ въ еврейскія лачуги, и послѣдніе представители славнаго рода выстроили себѣ прозаическое бѣлое зданіе на горѣ, подалеже отъ города. Замокъ-же сдѣлался прибѣжищемъ бездомнаго бродячаго населенія. «Живетъ въ замкѣ»—эта фраза стала формулой для выраженія крайней степени нищеты и паденія. Когда графскій офиціалъ Янушъ, выхлопотавшій себѣ нѣчто въ родѣ владѣтельной хартіи, при помощи полиціи изгналъ бездомныхъ обитателей замка, они пере-

селились въ полуразрушенную уніатскую часовню, находившуюся неподалеку отъ замка, и въ подземные склепы заброшеннаго кладбища.

Авторъ изображаетъ нѣсколько типовъ этихъ обитателей жилищъ мертвецовъ—одинъ другого оригинальнѣе. Наболѣе ярко рисуется вождь босой команды Тыбурцій Дроба. У пана Тыбурція было двое дѣтей: сынъ Ванёкъ, мальчикъ высокій, тонкій, черноволосый, угрюмо шатавшійся по городу, заложивъ руки въ карманы и кидая по сторонамъ взгляды, смущавшіе сердца калачницъ, и дѣвочка Маруся, хиленькій, рахитическій ребенокъ, увядавшій во мракѣ подземнаго жилища. Герой разсказа, шатаясь по городу безъ призора, вздумалъ однажды изъ дѣтскаго любопытства, вмѣстѣ съ двумя уличными товарищами, осмотрѣть внутренность уніатской часовни, тамъ неожиданно нашелъ дѣтей Тыбурція и познакомился съ ними. Описаніе внутренности заброшенной часовни, экскурсіи дѣтей въ эти мрачныя развалины, ихъ суевѣрнаго страха и паническаго ужаса—верхъ художественности и представляется однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ разсказѣ Короленка. Мальчикъ подружился съ дѣтьми нищаго бродяги. Они были голодны; мальчикъ же, не пригрѣтый любовью и лаской и заброшенный, мучился духовнымъ голодомъ, и въ то время, какъ онъ носилъ друзьямъ яблоки и всякую снѣдь, они платили ему дружеской привязанностью. Мальчикъ сошелся и со всѣми обитателями склепа. Дружба эта составляла тайну его отъ родныхъ. Когда же родные проникли въ эту тайну, послѣдовала домашняя буря. Отецъ набросился на сына, требуя полнаго признанія. Мальчикъ героически молчалъ. Трудно и предположить, что послѣдовало бы, если бы не явился Тыбурцій и не разъяснилъ пану судьбъ, въ чемъ дѣло.

Не менѣе поразила мрачнымъ содержаніемъ небольшая повѣсть *Лесъ шумитъ*, напечатанная въ № 1 *Русской Мысли* 1886 года. Сюжетъ этой повѣсти относится къ эпохѣ крѣпостнаго права; дѣйствіе происходитъ въ южной Россіи. Героями являются лѣсничій Романъ и доѣзжачій Опанасъ Швидкій. Панъ, которому они оба принадлежали, насильно выдалъ замужъ крестьянку Оксану за Романа въ то время, какъ ее любилъ Опанасъ, и затѣмъ самъ началъ ухаживать за нею. Тогда Опанасъ и Романъ стоворились и убили пана. Опанасъ, принявъ всю вину на себя, сдѣлался разбойникомъ, Романъ же остался жить въ своей лѣсной хатѣ съ Оксаною въ полномъ согласіи, какъ ни въ чемъ не бывало. Опанасъ изрѣдка заходилъ къ нимъ, чаще всего, когда Романа не бывало дома,—придетъ, посидитъ и пѣсню споетъ, и на бандурѣ сыграетъ. Случалось приходиться ему и съ товарищами, когда Романъ былъ дома, и послѣдній всегда принималъ его радушно, несмотря на то, что изъ двухъ дѣтей его одинъ былъ похожъ на него, а другой былъ вылитый Опанасъ.

Но верхомъ совершенства, лучшимъ, что только было до сихъ поръ написано Короленкомъ, является *Слѣпой музыкантъ*, напечатанный въ № 6 *Русской Мысли* за 1886 годъ. Трудно представить себѣ сюжетъ болѣе простой и незатѣпчивый. Все содержаніе разсказа заключается въ томъ, что въ помѣщицкѣмъ семействѣ въ юго-западномъ краѣ родился слѣпой мальчикъ; впоследствии изъ него образовался музыкантъ, и онъ женился на подругѣ своего дѣтства. Все дѣйствіе разсказа совершается въ душѣ героя и представляетъ собой картину его умственнаго и музыкальнаго развитія при условіи отсутствія чувства зрѣнія. Передъ вами

психологическій этюдъ, ко своей отвлеченности рискующій быть сухимъ и скучнымъ. А между тѣмъ, едва начнете читать его, не оторветесь, пока не дочитаете до конца. Съ первой же страницы въ вашу душу вторгается могучій потокъ поэзи безыскусственной, простой, но сильной, свѣжей, быющей ключомъ и благоухающей такой гуманностью и нравственной чистотой, что, прочтя рассказъ, вы чувствуете себя словно обновленнымъ; какъ будто въ вашу комнату влетѣлъ лучезарный призракъ, исполненный мира и любви, открывъ вамъ глубокій смыслъ жизни: она исполнилась для васъ новымъ, невѣдомымъ очарованіемъ, возвысилась въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ все грязное и дрянное, накопившееся въ нѣдрахъ вашей души, исчезло и разсѣялось, какъ дымъ. Вы встрѣчаете мѣста, которыя производятъ на васъ потрясающее впечатлѣніе; вы едва удерживаетесь отъ рыданій, а между тѣмъ ничего особенно чувствительнаго нѣтъ въ этихъ мѣстахъ: описывается что-нибудь въ родѣ того, какое впечатлѣніе произвела на слѣпца впервые услышанная народная пѣсня «Ой тамъ на гори, тай женці жнуть».

Сверхъ этихъ, наиболѣе выдающихся, произведеній Короленка, были напечатаны въ разныя времена слѣдующія, имѣвшія меньшій успѣхъ, хотя и отмѣченныя тѣмъ-же высокимъ талантомъ: *Въ ночь подъ Свѣтлымъ Праздникъ, Старый звонарь, Прохоръ и студенты, Съ двухъ сторонъ, Павловскіе очерки.*

III.

Игнатій Николаевичъ Потапенко родился въ декабрѣ 1856 года въ селѣ Федоровкѣ Херсонской губерніи. Отецъ его былъ въ то время офицеромъ уланскаго полка, мать происходила изъ крестьянъ-малороссовъ. Впослѣдствіи отецъ перешелъ въ духовное званіе и сдѣлался священникомъ. Первоначальной грамотѣ Потапенко научился дома; восьми лѣтъ былъ отданъ въ духовное училище въ Херсонѣ, гдѣ засталъ бурсу стараго фасона, благами которой наслаждался въ теченіе двухъ лѣтъ, былъ сѣченъ и всячески битъ и пр. Кончивъ духовную семинарію въ Одессѣ (общеобразовательный курсъ безъ двухъ богословскихъ классовъ), поступилъ въ Новороссійскій университетъ, откуда перешелъ въ Петербургскій на филологическій факультетъ. Но, обладая хорошимъ голосомъ и увлекаясь музыкой, онъ оставилъ университетъ и поступилъ въ Петербургскую консерваторію, которую и кончилъ по пѣнію, занимаясь также специальной теоріей.

Литературное поприще свое Потапенко началъ въ 1881 году, когда въ № 1 *Вѣстника Европы* былъ помѣщенъ первый очеркъ его *Федонька*, подписанный И. П. До 1886 года онъ помѣщалъ въ *Днѣ* и *Вѣстникѣ Европы* небольшіе рассказы, изъ которыхъ наиболѣе выдается повѣсть *Святное искусство*, изображающая нравы петербургской литературной богемы, напечатанная въ № 8 *Вѣстника Европы* за 1885 годъ. Повѣсть эта положила начало извѣстности Потапенка. Съ 1886 и по 1890 годъ Потапенко работалъ въ одесскихъ газетахъ и жилъ въ Одессѣ. Въ 1890 году онъ вернулся въ Петербургъ и упрочилъ свою извѣстность двумя большими произведеніями: *На дѣйствительной службѣ*—повѣсть, помѣщенная въ №№ 7 и 8 *Вѣстника Европы*, и *Здравья понятія*—романъ, появившійся въ №№ 8, 9 и 10 *Сѣвернаго Вѣстника*. Въ томъ же

году появилась въ *Вѣстникъ Европы* въ № 9 повѣсть его *Секретарь его превосходительства*, а въ *Артистъ*—разсказъ *Проклятая Слава*. Въ томъ же, 1890, году вышло первое собраніе его сочиненій, изданное Ф. О. Павленковымъ.

Главная особенность таланта Потапенка—ясный и бодрый взглядъ на жизнь, исполненный добродушно-незлобиваго оптимизма, и совершенное отсутствіе мрачнаго скептицизма современной беллетристики. Какія бы ужасныя вещи ни изображались въ произведеніи Потапенка, читатель выноситъ бодрящее чувство отрады; на душѣ у него становится свѣтло, и онъ готовъ бываетъ даже воскликнуть: «а какъ бы то ни было, все-таки хорошо на бѣломъ свѣтѣ!»

И. Н. Потапенко.

Дмитрій Наркисовичъ Маминъ, сынъ священника, родился въ 1852 г. на Уралѣ, въ Высимо-Шайтанскомъ заводѣ. Окончивъ Пермскую семинарію въ 1871 г., онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, по ветеринарному отдѣленію, а въ 1876 г. перешелъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, но курса кончить ему не удалось. На литературное поприще выступилъ онъ въ первой половинѣ семидесятихъ годовъ въ качествѣ газетнаго репортера. Литературную же извѣстность приобрѣлъ повѣстью *На рубежѣ Азии*, помѣщенной въ №№ 3, 4 и 5, 1882 г. журнала *Утопи*. Затѣмъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*

1883 г. обратила вниманіе публики повѣсть его *Золотуха*. Романъ же *Горное гнѣздо*, напечатанный въ первыхъ трехъ книжкахъ 1884 г., окончательно упрочилъ его литературную репутацію, какъ беллетриста, обладающаго очень симпатичнымъ и весьма недюжиннымъ талантомъ. Главная спеціальность Мамина, особенно въ началѣ литературнаго поприща, заключается въ изображеніи быта зауральскаго края и западной Сибири. Лучшими произведеніями его въ этомъ родѣ являются—*Три конца* (*Русская Мысль*, 1890 г.), *Братья Гордѣевы* (*Русск. Мысль*, 1891 г.), *Хлѣбъ* (*Русск. Мысль*, 1895 г.). Но однимъ уральскимъ и сибирскимъ бытомъ не ограничивается Маминъ: не мало произведеній написано имъ изъ жизни интеллигенціи вообще. Таковы: романъ *На улицѣ* (1886 г.), *Первые студенты* (1887 г.), *Надо поощрять искусство* (1887 г.), *Ученое горе* (1892 г.), *Очерки изъ жизни Пенко* (1894 г.). Въ то же время Маминъ славится какъ прекрасный разсказчикъ для дѣтей. Его разсказы и сказки, печатающіеся въ дѣтскихъ журналахъ (преимущественно въ *Дѣтскомъ*

Чтеніи); своєю задушевностію и художественностію представляются въ высшей степени замѣчательными и выдающимися явленіями современной литературы. Наибольшаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ его *Аленушкины сказки*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

I. Беллетристы 90-хъ годовъ. Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ (М. Горькій). Биографическія свѣдѣнія о немъ.—II. Характеристика его произведеній.—III. Викторъ Викентьевичъ Сидовскій (Вересаевъ). Сергій Яковлевичъ Елпатьевскій. Леонидъ Андреевъ и пр.—IV. *Детскія писателицы*: Софья Ивановна Смирнова. Ольга Андреевна Шапиръ. Марія Всеволодовна Крестовская. Лидія Ивановна Веселитская (Микуличъ). Александра Станиславовна Монтвидъ (Шабельская) и пр.

I.

Въ продолженіе 90-хъ годовъ успѣли выступить нѣсколько новыхъ беллетристовъ, болѣе или менѣе талантливыхъ, самостоятельныхъ и оригинальныхъ, отражающихъ тѣ новыя вѣянія, какими ознаменовались 90-е годы, но въ художественномъ отношеніи идущіе пока по старымъ, протореннымъ дорогамъ, и не отличающихся какимъ-либо рѣзкимъ и смѣлымъ новаторствомъ.

Во главѣ молодыхъ беллетристовъ, какъ одаренный наиболѣе сильнымъ талантомъ и пользующійся громкою популярностью, заслуживаетъ стоять Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Максима Горькаго.

М. Горькій родился 14-го марта 1869 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ семьѣ красильщика Василия Каширина, отъ дочери его Варвары и пермскаго мѣщанина Максима Саватіева Пѣшкова, обойщика.

Первые годы дѣтства Горькаго протекли очень неважно: въ 1873 году, когда Горькому было всего 4 года, отецъ его умеръ въ Астрахани отъ холеры. Мать его вскорѣ вышла вторично замужъ и передала его на руки дѣду, который научилъ его чтенію по Псалтирю и Часослову и затѣмъ опредѣлилъ его въ школу, гдѣ онъ пробылъ всего пять мѣсяцевъ, послѣ чего, заразившись оспой, кончилъ ученіе и уже больше не возобновлялъ его. Въ это время мать его умерла отъ скоротечной чахотки въ Канавинѣ-слободѣ, а дѣдъ разорился, и потому Горькій, всего девяти лѣтъ отъ роду, попадаетъ въ «мальчики» въ магазинъ обуви. Пробывъ тамъ мѣсяца два, онъ сварилъ себѣ руки кипящими щами и былъ отосланъ хозяиномъ вновь къ дѣду.

Родственники относились къ нему либо враждебно, либо равнодушно, и потому по выздоровленіи его отдали въ ученики къ чертежнику, отъ котораго вслѣдствіе тяжелыхъ условий жизни онъ сбѣжалъ и поступилъ въ иконописную мастерскую, а потомъ на пароходъ въ ученики къ повару.

„На пароходѣ,—пишетъ Горькій въ автобіографіи,—когда былъ поваренкомъ, на образованіе мое сильно вліялъ поваръ Смурый, который заставлялъ меня читать житія святыхъ, Энциклопедію, Гоголя, Габба Успенскаго, Дюма-отца и многія книжки франкъ-масоновъ. До повара терять не могъ книгъ и всякой печатной бумаги, до паспорта включительно“.

Побывавъ еще послѣ того помощникомъ садовника, Горькій серьезно задумываетъ учиться.

„Послѣ 15 лѣтъ,—пишетъ онъ,—возымѣлъ я свирѣное желаніе учиться, съ какою цѣлью поѣхалъ въ Казань, предполагая, что науки желающимъ даромъ преподаются. Оказалось, что оное не принято, вслѣдствіе чего я поступилъ въ креденское заведеніе, по 3 руб. въ мѣсяць. Это—самая тяжкая работа изъ всѣхъ опробованныхъ мною“.

Максимъ Горькій.

изъ себя «крупную общественно-активную силу», съ глубокими, грызущими сердце сомнѣніями. Результатомъ этой борьбы между подъемомъ и упадкомъ духа является въ 1888 году покушеніе на самоубійство. Но судьба сохранила намъ, къ счастью, талантливаго писателя: пуля не имѣла смертельнаго исхода. «Прохворавъ, сколько требовалось, — пишетъ Горькій, — я ожилъ, дабы приняться за торговлю яблоками».

Послѣ Казани Горькій появляется въ Царицынѣ въ качествѣ желѣзно-дорожнаго сторожа и затѣмъ опять въ Нижнемѣ, по случаю призыва къ отбыванію военной повинности. Въ солдаты Горькій, впрочемъ, не попадаетъ: «дырявыхъ не берутъ», и онъ становится продавцомъ баварскаго кваса, а затѣмъ попадаетъ въ писемоводители къ присяжному повѣренному А. И. Ланину.

По признанію самого г. Горькаго, адвокатъ Ланинъ имѣлъ большое вліяніе на его образованіе. Однако, Горькій скоро «чувствуетъ себя не

Въ это же время Горькій часто сходитъ съ *бывшими людьми*.—«Я работалъ,—пишетъ онъ—на Устьѣ, пилилъ дрова, таскалъ грузы». Почитывая книги, конечно, урывками, между нелегкимъ дѣломъ, Горькій все болѣе и болѣе знакомится съ грызущими всякаго мыслящаго чловѣка «проклятыми» вопросами. Вообще разскавъ «Бывшіе люди», какъ намъ кажется, является, какъ и «Коноваловъ», отраженіемъ личнаго житія автора. Метеромъ явился онъ среди этихъ людей, когда-то разныхъ положеній и состояній, теперь «отверженныхъ» отъ общества. Но, какъ метеоръ, онъ скоро исчезаетъ изъ ихъ среды.

Въ Казани же Горькій сближается со студентами, начинаетъ бывать въ кружкахъ самообразованія, и тутъ-то еще болѣе начинается у него чередованіе настроеніе оптимистическое, когда онъ надѣется вскорѣ выработать

на мѣстѣ среди интеллигенціи», и въ 1890 году онъ уходитъ изъ Нижняго опять въ Царицынъ, затѣмъ исходитъ Донскую область, Украину, былъ въ Бессарабіи, вдоль южнаго берега Крыма прошелъ на Кубань и затѣмъ на Кавказъ.

Въ Тифлисѣ, гдѣ Горькій работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, онъ въ 1892 году напечаталъ свой первый рассказъ Макаръ Чудра въ мѣстной газетѣ Кавказъ. Вернувшись затѣмъ на Волгу, Горькій началъ писать рассказы для Волжскаго Вѣстника, но, помимо этого, помѣстилъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ рассказъ Емельянъ Пилляй (1893 г.).

«Въ 1893—1894 г.,—пишетъ Горькій,—я познакомился въ Нижнемъ-Новгородѣ съ В. Г. Короленкомъ, которому обязанъ тѣмъ, что попалъ въ большую литературу. Онъ очень много сдѣлалъ для меня, многое указалъ, многому научилъ». Результатомъ этого знакомства является помѣщеніе въ Русск. Бог. 1895 г. рассказа Челкашичъ. Этотъ рассказъ рѣшаетъ судьбу писателя: имъ начинаютъ зачитываться, и всѣ его произведенія съ того времени помѣщаются въ толстыхъ журналахъ.

Въ томъ же году появляется его очеркъ Ошибка въ Русской Мысли. Въ 1896 году въ Новомъ Словѣ печатаются его рассказы Тоска и Коноваловъ, въ Сѣверномъ Вѣстникѣ—рассказъ Мальва и др. Въ то же время, однако, Горькій не оставляетъ и провинціальной прессы. Въ 1895 г. имъ напечатанъ въ Самарской Газетѣ цѣлый рядъ рассказовъ, подъ общимъ заглавіемъ Тюневыя картинки. На страницахъ этой газеты появились Старуха Изергиль, Пѣсня о Соколѣ, На плотахъ, Скуки ради, Однажды осенью, а также не вошедшіе въ отдѣльно изданныя книжки рассказы: На соли, Сказка (1895 г., №№ 162, 168), большой рассказъ О маленькой фетѣ и молодомъ чабанѣ (1895 г., №№ 98, 100—105—107), стихотвореніе На черноморьѣ (1895 г., № 71) и др. Кромѣ того съ весны 1895 г. (съ № 159) и въ теченіе всего 1896 г. Горькій велъ въ этой же газетѣ маленькій фельетонъ, помѣщая ежедневно свои замѣтки на злобу дня въ рубрику Между прочимъ, подъ псевдонимомъ Тегудилъ Хламида.

Въ 1899 г. было напечатано въ журналѣ Жизнь первое большое произведеніе М. Горькаго Ома Гордѣевъ. Въ концѣ 1900 и началѣ 1901 года въ Жизни же было помѣщено начало новой его большой повѣсти Трое, цѣликомъ появившейся, послѣ прекращенія Жизни, въ отдѣльномъ изданіи. Собраніе его сочиненій, изданное нынѣ въ пяти уже томахъ, быстро расходится въ десяткахъ изданій. Въ то же время осенью 1900 года появилась первая театральная пьеса его Мѣщане, поставленная въ началѣ 1901 года на сценѣ Художественнаго общедоступнаго театра въ Москвѣ и имѣвшая блестящій успѣхъ. Въ концѣ же 1902 года съ немалымъ успѣхомъ была поставлена въ томъ же театрѣ пьеса На днѣ.

II.

Скитальческою жизнью Горькаго обуславливается жанръ, преобладающій въ произведеніяхъ его. Именно онъ является поэтомъ босой команды, золоторотцевъ, вѣчно бродящихъ изъ одного конца Россіи въ другой,

беззаботно проживающихъ послѣдніе гроши, которые имъ случится заработать, и, какъ птицы небесныя, не думающихъ, что съ ними будетъ завтра.

Но этимъ далеко еще не опредѣляется ни характеръ разсказовъ Горькаго, ни та популярность, которую приобрѣлъ онъ въ послѣдніе годы, особенно среди молодежи. Изображеніе босяковъ вовсе не составляетъ новости въ нашей литературѣ. Не мало найдете вы ихъ у Рѣшетникова, и у Левитова, и у Гл. Успенскаго, и у Мамина, и у Петропавловскаго, и у Ясинскаго и пр. Но до сей поры босяки изображались, какъ подонки населенія, жалкіе пропойцы, воры и душегубы, доходившіе порою до послѣдней степени нравственнаго паденія. Изображавшіе ихъ писатели, если не задавались однимъ лишь этнографическимъ интересомъ, во всякомъ случаѣ не шли дальше возбужденія въ читателяхъ жалости къ нимъ, какъ къ жертвамъ общественной неурядицы, и протеста противъ враждебныхъ условій жизни, доводящихъ людей до столь ужаснаго состоянія.

Совсѣмъ не такихъ босяковъ выводитъ въ своихъ разсказахъ Горькій. Начать съ того, что, при всей своей объективности въ общемъ, онъ является субъективенъ при изображеніи наиболѣе выдающихся своею удачью и безшабашностью героевъ, каковы: Чудра, Челкашъ, Коноваловъ, Орловъ и проч. Онъ любитъ на нихъ, словно сливается съ ними, идеализируя ихъ и вкладывая въ ихъ уста порою такія рѣчи, которыя какъ будто и не подъ-стать людямъ совершенно неграмотнымъ. Они не только не тяготятся своею несчастною долею, — напротивъ, рисуются своимъ босячествомъ, видятъ идеалъ жизни въ своемъ бездомовничествѣ и вѣчномъ скитальчествѣ. Всѣ они повторяютъ съ разными варіаціями одинъ и тотъ же гимнъ бродяжничеству.

— „А я вотъ, смотри, говоритъ Макаръ Чудра, въ 58 лѣтъ сколько видѣлъ... А, ну-ка, скажи, въ какихъ краяхъ я не былъ?.. Такъ нужно жить—иди, иди, и все тутъ. Долго не стой на одномъ мѣстѣ—чего въ немъ? Вотъ, какъ день и ночь вѣчно бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ, вокругъ земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобы не разлюбить ея“.

— „И, братъ, рѣшилъ, говоритъ въ свою очередь Коноваловъ, ходить по землѣ въ разныя стороны—это всего лучше. Идешь, и все видишь новое... и ни о чемъ не думается... Дуешь тебѣ вѣтерокъ на встрѣчу, и точно онъ выгоняетъ изъ души разную пыль. Легко и свободно... Никакого ни отъ кого стѣсненія: захотѣлось ѣсть—присталъ, поработалъ чего-нибудь на полтану; нѣтъ работы—попроси хлѣба, дадутъ. Такъ хоть земли много увидишь... Красоты великой. Айда?“

Тоже говоритъ и Кузьма Косякъ (*Тоска*):—„Волю мою ни на какую жену, ни на какія хаты не променяю. Родился я, слышь, подъ амбаромъ и помру подъ нимъ. Судьба такая. По сѣдые волосы вдоль да поперекъ шлаться буду... А на одномъ мѣстѣ скучно мнѣ“...

Присоедините къ этому враждебное отношеніе ко всякой подчиненности, осѣдлости, мѣщанскому счастью и скопидомству, и у васъ получится въ своемъ родѣ романтическіе герои, издавна любимые у насъ и поэтами, и беллетристами, и ихъ читателями.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ продолженіе всего истекшаго столѣтія лелѣлся въ нашей литературѣ идеалъ бездомнаго шатуна. Что такое представляли собою такъ называемые *Герои времени*—Чацкій, Евгенийъ Онегинъ, Печоринъ, Бельтовъ, Рудинъ, какъ не въ своемъ родѣ бездомныхъ бродягъ. Чѣмъ отличается презрительное отношеніе Челкаша къ Гаврилѣ отъ того, какъ относятся Чацкій къ Молчалину, или Бельтовъ къ Круциферскому? Какъ нельзя болѣе понятно, что читатели, и

и особенно читательницы, привыкшіе сочувствовать всѣмъ этимъ интеллигентнымъ бродягамъ, какъ протестантамъ противъ прозябанія и пресмыканія пошлой толпы, и предпочитаая ихъ буржуазно добродѣтельнымъ и солиднымъ Ленскимъ, Круциферскимъ, Волынцевымъ, Лежневымъ и проч., съ такимъ же сочувствіемъ отнеслись и къ новымъ героямъ въ томъ же родѣ Горькаго.

Замѣчательно при этомъ, что, вѣрный излюбленнымъ традиціямъ интеллигентной литературы, Горькій, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоитъ и на чисто народной почвѣ. Бездомный, шатающійся по всей матушкѣ Россіи, бродяга и до послѣдняго времени представляется въ глазахъ народа чѣмъ-то идеальнымъ, въ силу чего народъ относится къ бродягамъ съ особеннымъ почетомъ и уваженіемъ: мирволить имъ, укрываетъ ихъ, даже слагаетъ въ ихъ честь пѣсни, смѣшивая ихъ съ своими старинными богатырями.

„Бродяжничествомъ“ — говоритъ С. Максимовъ въ своей *Сибири и Каторгѣ* — жила Русь далеко послѣ тѣхъ временъ, когда плыли ее въ государство; бродягами расширила она свои предѣлы и ими же отстояла свою независимость отъ кочевыхъ ордъ, направившихъ на нее съ востока и юга. Бродяги колонизировали сѣверъ, завоевали Сибирь, населили Донъ и Уралъ, когда это слово не получило еще настоящаго своего значенія и нынѣшніе бродяги носили названіе *чулциговъ, пришлыхъ, волыныхъ людей*. Не умалило это народное коренное свойство искать способныхъ и выгодныхъ мѣстъ на широкомъ раздольѣ земли своей и Московское государство, когда ослаблено было экономическое значеніе и государственное значеніе Филиппова заговѣнья и уничтоженъ крестьянскій выходъ въ Юрьевъ день. Бродяжество, какъ вольный переходъ съ однихъ земель на другія, и теперь живетъ въ народѣ на всѣхъ путяхъ, хотя и подъ другими именами, съ иными отгѣнками“.

Слѣдуетъ, кромѣ того, взять во вниманіе и то, что въ послѣдніе два, три года Горькій значительно расширилъ рамки своихъ произведеній и изображаетъ не однихъ только босяковъ. Такъ, въ *Оломъ Гордѣевъ* изображены правы волжскаго купечества, въ *Троицкѣ* — городской пролетаріатъ, въ *Мѣщанахъ* — мѣщане захолустныхъ городовъ.

Ко всему этому слѣдуетъ присоединить яркую художественность и поэтичность, ключомъ бюющія изъ-подъ каждой строки разсказовъ Горькаго, и вы поймете, почему молодой писатель быстро занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной беллетристикѣ, наравнѣ съ В. Г. Короленкомъ и А. Чеховымъ.

III.

Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе еще на нѣсколькихъ беллетристовъ, появившихся въ теченіе 90-хъ годовъ и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ подвизающихся на страницахъ періодической прессы. Таковы:

Викентій Викентьевичъ Сидовскій, болѣе извѣстный публикѣ подѣ псевдонимомъ Вересаева. Онъ родился въ Тулѣ 4-го января 1867 года въ семьѣ врача. Учился въ Тульской гимназій. Затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ прорешелъ курсъ филологическаго факультета, а въ 1888 г. перешелъ на медицинскій факультетъ Юрьевскаго университета, гдѣ получилъ званіе врача въ 1894 г. Литературную дѣятельность началъ Вересаевъ стихотвореніями, помѣщаемыми имъ въ *Модномъ Свѣтѣ*. Затѣмъ во *Всемирной Иллюстраціи* и *Недѣлькѣ* онъ помѣщалъ и проза-

ические рассказы. Извѣстность же приобрѣлъ повѣстью *Безъ дороги*, появившейся въ *Русскомъ Богатствѣ* въ 1895 г. Затѣмъ произведенія его начали постоянно появляться во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ: въ *Новомъ Словѣ*, *Началѣ*, *Жизни*, *Мирѣ Божьемъ* и проч. Всѣ они отличаются крайне реальными изображеніями современной молодежи, не только чуждыми малѣйшей идеализаціи, но, напротивъ того, иногда пересаливающими въ скептическихъ взглядахъ на успѣхи юныхъ героевъ въ «благородныхъ порывахъ». Такова, между прочимъ, послѣдняя его повѣсть *На поворотѣ*, вышедшая въ первыхъ книжкахъ *Мира Божьяго* 1902 г. Наибольшую же сенсацію произвели его *Записки врача*, печатавшіяся въ первыхъ пяти книжкахъ того же журнала 1901 г. и затѣмъ вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ. Трактатъ этотъ, обстоятельно, на основаніи личнаго опыта, раскрывающій всѣ и хорошія, и дурныя стороны врачебной практики, возбудилъ большой шумъ и въ публикѣ, и въ медицинскомъ мірѣ. Строгіе адепты медицинской профессіи, горой стоящіе за ея неприкосновенность и въ каждомъ указаніи на тѣ или другіе ея грѣшки готовые видѣть нѣчто въ родѣ измѣны отечеству, вышли изъ себя, онолчились на нескромнаго коллегу и разоблачителя врачебныхъ тайнъ грозными перунами и устно на медицинскихъ собраніяхъ, и печатно на столбцахъ медицинскихъ газетъ, и завязалась ожесточенная полемика.

Елпатьевскій, Сергѣй Яковлевичъ, родился 22-го октября 1854 г. въ Александровскомъ уѣздѣ, Владимірской губ., въ семьѣ сельскаго священника. Образование получилъ въ Виѣанской семинаріи; затѣмъ кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета и получилъ званіе врача въ 1878 г. Служилъ земскимъ врачомъ въ Рязанской губ., откуда былъ высланъ въ Уфимскую губ., потомъ въ Восточную Сибирь, гдѣ прожилъ три года. Съ 1887 г. по 1896 г. жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, служа городскимъ врачомъ.

Литературную дѣятельность началъ въ *Новомъ Обозрѣніи* въ 1881 г. Извѣстность получилъ онъ романомъ *Озимы*, появившимся въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* въ 1887 г. Затѣмъ произведенія его начали печататься въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, *Русской Мысли*, *Русск. Богат.*, *Востокахъ* и друг. Особенно выдвинулся онъ *Очерками Сибири*, печатавшимися сначала въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, затѣмъ вышедшихъ отдѣльно въ 1897 г. и быстро разошедшихся въ двухъ изданіяхъ. Въ 1898 г. вышли отдѣльно его *Очерки и рассказы*, лучшей изъ которыхъ *Спирька*. Изъ позднѣйшихъ произведеній Елпатьевского замѣчательны: *Снѣгурочка* (*Русск. Богат.* 1900 г., № 4), *Въ подвалѣ*, *Рассказы о прошломъ* (*Русск. Мысль* 1901—1902) и проч.

Въ послѣдніе два-три года большую популярность приобрѣлъ недавно выступившій на литературное поприще молодой писатель Леонидъ Андреевъ. Родился онъ въ 1881 г., въ Орлѣ; тамъ же учился въ гимназій. Рано лишившись отца (землемѣра), терпѣлъ сильную нужду въ гимназій и въ университетѣ. Сначала онъ слушалъ лекціи въ Спб. университетѣ, кончилъ же курсъ по юридическому факультету въ Московскомъ въ 1897 г.; записался было въ помощники присяжнаго, но увлекся литературными работами въ газетѣ *Курьеръ*, гдѣ онъ первоначально давалъ судебные отчеты; а съ 1898 года принялся и за беллетристику.

Разказы его, являющіеся нынѣ на страницахъ различныхъ журналовъ, издаются затѣмъ отдѣльными сборниками и быстро расходятся десятками тысячъ экземпляровъ. Произведенія его, блестя художественными достоинствами высокой степени, и по языку, и по содержанію, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательны своимъ психіатрическимъ анализомъ, не уступающимъ таковому же анализу Ф. Достоевскаго. Героями его разказовъ являются большею частію дегенераты, неврастеники или же люди вполне душевнобольные. Какъ на лучшіяго произведенія, укажемъ на *Красный смѣхъ*, *Мысль*, *Туманъ*, *Молчаніе*, *На рѣкѣ* и пр.

Затѣмъ, не входя въ подробности, напомнимъ, какъ болѣе или менѣе усердныхъ поставщиковъ беллетристики въ современныя періодическія изданія, слѣдующія личности: Петра Петровича Гнѣдича, Дмитрія Петровича Голицына (Муравлина), Григорія Александровича Мачтета, Василія Михайловича Михѣева, Валеріана Яковлевича Тимченка (Свѣтлова), Николая Ивановича Тимковскаго, Петра Алексѣевича Сергѣенка, Николая Дмитриевича Телешова, Александра Ивановича Эртеля и пр.

IV.

Послѣднія двадцать лѣтъ ознаменовались появленіемъ массы женщинъ-беллетристокъ. Считаемо нелишнимъ указать на слѣдующихъ изъ нихъ, какъ на наиболѣе талантливыхъ и выдающихся.

Софья Ивановна Смирнова родилась въ Москвѣ, училась во второй Московской гимназіи. Затѣмъ прожила безвыѣздно восемь лѣтъ въ деревнѣ, откуда посылала свои произведенія въ столичныя изданія. Первое ея произведение, обратившее на писательницу вниманіе публики, былъ романъ *Огонекъ*, появившійся въ *Отеч. Зап.* 1871 г.

Затѣмъ послѣдовали ея романы: *Соль земли* (*Отеч. Зап.* 1872 г., №№ 1—5), *Попечитель учебнаго округа* (*Отечественныя Записки* 1873 г., №№ 10—12) и *Сила характера* (*Отеч. Зап.* 1876 г., №№ 3—4). Романы Смирновой пользовались большимъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ въ свое время, такъ какъ въ нихъ обнаружился талантъ сильный и вполне оригинальный. Особенно привлекало въ молодой писательницѣ стремленіе не ограничиваться одной узкой сферой любовныхъ и семейныхъ отношеній, что мы видимъ у большинства беллетристокъ, а затрагивать тѣ или другіе общественные вопросы, отражать духъ времени. Однимъ словомъ, писательница, соотвѣтственно заглавію ея перваго романа, сама была съ *огонькомъ*. Ей недоставало только по молодости лѣтъ знанія жизни, а также наблюденій и опыта.

Къ сожалѣнію, Смирнова, выйдя замужъ за извѣстнаго актера Сазонова, замолкла, почти совсѣмъ сошла съ литературнаго поприща, и въ продолженіе 17 лѣтъ ничего не появилось въ печати изъ-подъ ея пера, кромѣ небольшой пьески, поставленной на петербургскую сцену въ 1887 г., и нѣсколькихъ остроумныхъ фельетоновъ въ *Новомъ Времени*. Но въ 90-хъ годахъ произведенія ея снова начали появляться въ печати. Такъ, въ №№ 11 и 12 *Сѣв. Вѣстн.* за 1893 г. были напечатаны повѣсть ея *Въ огонь и воду*; въ томъ же журналѣ, въ №№ 1—3-й 1897 г. повѣсть

Химера. Оба произведенія обнаруживаютъ полную зрѣлость таланта, являются наиболѣе выдающимися среди нашей беллетристики и были прочтаны публикою съ большимъ удовольствіемъ.

Валентина Гововна Дмитріева, не говоря о ея выдающемся талантѣ, заслуживаетъ вниманія уже тѣмъ однимъ, что это первая писательница на Руси, вышедшая прямо изъ народа. Отецъ ея былъ крѣпостной крестьянинъ Нарышкина. Она родилась въ 1859 г. въ селѣ Воронинѣ, Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи; дѣтство провела въ деревнѣ, потомъ поступила въ 4-й классъ Тамбовской женской гимназіи. По окончаніи курса служила въ сельскихъ учительницахъ и тутъ въ первый разъ начала писать корреспонденціи и небольшіе рассказы въ *Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ* и *Саратовскомъ Дневникѣ*. Въ 1878 г. пріѣхала въ Петербургъ и поступила на врачебные курсы, гдѣ и окончила свое образованіе въ 1885 г. За это время были написаны ею слѣдующіе рассказы: *По душѣ, да не по разуму* (*Р. Мысль* 80 г., IV), *Ахметкина жена* (*Русс. Богат.* 81 г., I), *Отъ совѣсти* (*Русс. Мысль* 82 г., III), *Въ тихомъ омутѣ* (*Дѣло* 82 г., VI), *Въ разныхъ стороны* (*Русск. Мысль* 83 г., III и IV), *Злая воля* (*Дѣло* 83 г., IV—VII), *Тюрьма* (*В. Евр.* 87 г., VIII—X), *Своимъ судомъ* (*Сѣв. В.* 88 г., I), *Доброволецъ* (*В. Евр.* 89 г., IX—X).

Происхожденіе изъ народа сказывается во всѣхъ произведеніяхъ Дмитріевой: они отличаются основательнымъ знаніемъ крестьянской жизни, мастерскимъ психическимъ анализомъ и глубокимъ общественнымъ смысломъ. Въ то же время въ рассказахъ Дмитріевой поражаетъ васъ чисто мужское перо, отсутствіе сантиментальности и страсти вдаваться въ подробности перипетій страсти нѣжной, чѣмъ такъ грѣшитъ большинство женщинъ.

Ольга Андреевна Шапиръ (урожденная Кислякова) родилась въ г. Ораніенбаумѣ, образованіе получила въ Петербургской Александровской женской гимназіи. Первою появившеюся въ печати вещью ея былъ рассказъ *На порогъ жизни*, напечатанный въ книжкахъ *Недѣли* въ 1879 г. Наиболѣе лучшими произведеніями ея являются романы *Безъ любви* и *Мишура* и масса повѣстей: *Кандидатъ Куратовъ*, *Изъ семейной прозы*, *Дорогой цѣной*, *Бабѣ лѣто*, *На порогъ жизни*, — напечатанныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, затѣмъ выпущенныхъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1888 г. Произведенія О. А. Шапиръ имѣютъ дѣло исключительно съ вопросами сердечными и семейными. Замкнувшись въ эту маленькую сферу жизни, въ которой писательница чувствуетъ себя вполне дома, она затѣмъ игнорируетъ все остальное. Герои Шапиръ что-то дѣлаютъ на общественномъ поприщѣ: служатъ или хозяйничаютъ въ качествѣ помѣщиковъ, но хорошо ли или дурно они это дѣлаютъ, успѣшно или безуспѣшно, довольны или недовольны своею дѣятельностью, объ этомъ и не упоминается. Зато въ своей специальной сферѣ Шапиръ безукоризненна, и ея повѣсти и романы отличаются тонкимъ и мастерскимъ анализомъ женской любви и семейныхъ отношеній.

Такою же специальностью отличается не менѣе талантливая беллетристка Марія Всеволодовна Крестовская, дочь писателя Всева. Крестовскаго. Она родилась въ 1862 г. Сначала готовила себя къ сценѣ и съ успѣхомъ играла на частныхъ театрахъ. Въ 1886 году появилось въ *Русс.*

Вѣстн. первое ея произведеніе *Уголки театральнаго міра*. Затѣмъ, въ 1887 году, въ томъ же журналѣ, былъ напечатанъ первый романъ ея *Ранняя гроза*, обратившій на себя общее вниманіе. Вниманіе это обусловливалось и нѣкоторыми побочными обстоятельствами: во-первыхъ, тутъ дѣйствовало совпаденіе имени Крестовской съ псевдонимомъ Хвоцинской, а во-вторыхъ, она—дочь извѣстнаго писателя В. Крестовскаго и представляетъ замѣчательное явленіе наслѣдственной передачи беллетристическаго таланта. Въ 1889 году появилось отдѣльное изданіе ея сочиненій, гдѣ, кромѣ *Раннихъ грозъ*, были напечатаны повѣсти: *Испытаніе*, *Внѣ жизни*, *Уголки театральнаго міра* и проч. Въ 1891 году былъ напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы* обширный ея романъ *Артистка* и т. д.

М. В. Крестовская раздѣляетъ участь, свойственную многимъ писательницамъ и зависящую отъ особенности женской жизни: бѣдность наблюденій внѣшней жизни и преобладаніе психическаго анализа любовныхъ страстей и семейныхъ отношеній. Въ произведеніяхъ М. В. Крестовской вы видите отсутствіе внѣшней обрисовки предметовъ. Дѣйствующія лица являются не тщательно и рельефно вырисованными типами со всѣми ихъ индивидуальными особенностями, а неопредѣленными, стереотипными фигурами, при чемъ вниманіе писательницы обращено на внутреннія психическія особенности характеровъ. Но зато психическій анализъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ этомъ отношеніи произведенія М. В. Крестовской безукоризненны, и кромѣ того неотъемлемымъ достоинствомъ ея таланта представляется обиліе чувства, особенно сильно проявляющагося въ наиболѣе драматическихъ мѣстахъ ея произведеній.

Лидія Ивановна Веселитская, пишущая подъ псевдонимомъ В. Микуличъ, родилась въ 1859 г. въ южно-русской дворянской семьѣ. Училась въ Павловскомъ институтѣ и на педагогическихъ курсахъ. Въ печати выступила нѣсколькими сказками въ дѣтскихъ журналахъ. Въ 1883 году въ *В. Евр.* № 9 была напечатана первая повѣсть ея *Мимочка невеста*, оставшаяся незамѣченной. Затѣмъ въ *В. Евр.* 1891 г. въ № 2 и 3 появилась повѣсть *Мимочка на водахъ*, обратившая на себя общее вниманіе, а затѣмъ повѣсть *Мимочка отравилась* (*В. Евр.* 1893 г., № 9 и 10) упрочила репутацію Микуличъ, какъ одной изъ талантливѣйшихъ современныхъ писательницъ. Всѣ три повѣсти изображаютъ одну и ту же героиню,—современную свѣтскую барыньку, неглупую, незлую, но въ то же время поражающую своею безхарактерностью и пустотою. Все, что ни дѣлаетъ она, и выходитъ замужъ, и измѣняетъ мужу, и отравляется—дѣлаетъ какъ-то зря, до послѣдней степени легкомысленно, точно во снѣ, а не на яву. Типъ этотъ, конечно, не новый, изображенъ съ увлекательнымъ художественнымъ мастерствомъ и тонкимъ юморомъ. Къ позднѣйшимъ произведеніямъ Микуличъ относятся *Зарницы*, повѣсть, напечатанная въ №№ 1—4 *Сѣв. В.* 1894 г., и *Черемуха* (*С. В.* 1898 г., №№ 1—2). Въ повѣстяхъ этихъ мы встрѣчаемъ ту же художественную изобразительность, тотъ же тонкій юморъ, но лишь тамъ, гдѣ дѣло касается отрицательныхъ сторонъ жизни; положительные же типы не удаются писательницѣ; они шаблонны и стереотипны.

Александра Станиславовна Монтевидъ (Шабельская) родилась въ 1845 г. въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., въ дворянскомъ семействѣ литовскаго происхожденія; окончила образованіе въ Харьковскомъ

институтѣ. На литературное поприще выступила въ 1881 г., когда въ *Дѣль* былъ напечатанъ романъ ея *Горе побѣжденнымъ*. Изъ послѣдующихъ ея произведеній наиболѣе выдаются *Три теченія* (*Сѣв. Вѣст.*, 1888), *Друзья* (*Русск. Бог.*, 1894), повѣсть *Магистръ и Фрося* (*Русс. Мысль*, 1894). Но не такъ хороши ея большіе романы, какъ мелкіе рассказы, печатавшіеся разновременно въ *Отеч. Запискахъ*, *Русс. Мыс.*, *Сѣверн. Вѣст.*, *Русс. Бог.*, подъ общимъ заглавіемъ *Наброски карандашомъ*. Рассказы эти обнаруживаютъ въ писательницѣ большое знаніе народной жизни въ отношеніяхъ этой жизни къ прочимъ классамъ общества.

Анастасія Алексѣевна Вербицкая родилась 10 февр. 1861 г. въ Воронежѣ, въ семьѣ полковника, воспитывалась въ московскомъ Елизаветинскомъ институтѣ. Литературную дѣятельность начала повѣстью *Разладъ*, помѣщенной въ *Русс. Мыс.* 1887 г. Печаталась затѣмъ во всѣхъ журналахъ либеральнаго направленія. Какъ на особенно выдающіяся ея произведенія, можемъ указать на *Пробужденіе*, *Освободилась*, *Преступленіе Марьи Ивановны*, романъ *Вовочка*, *Исторію одной жизни* и пр. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Вербицкая является горячей защитницей женскихъ правъ и вообще женскаго вопроса, при чемъ обнаруживаетъ нѣсколько излишнюю восторженность, идеализацію а мѣстами и сантиментальность.

Считаемъ нелишнимъ упомянуть сверхъ вышеозначенныхъ еще и слѣдующихъ писательницъ, появляющихся въ современной беллетристикѣ: Пр. Ал. Лачинову (П. Лѣтневу), К. В. Назарьеву, Ю. И. Яковлеву (Юлію Безродную), Ек. Лѣткову, Т. Л. Щепкину-Куперникъ, А. А. Виницкую, А. Р. Крандіевскую и пр.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Александръ Николаевичъ Островскій, какъ создатель русской сцены. Дѣтство и юность его.—II. Начало литературной дѣятельности и первый періодъ ея до эпохи реформъ.—III. Факты послѣдующихъ лѣтъ его жизни; недостатокъ матеріальныхъ средствъ и несправедливости. Улучшеніе его положенія въ послѣдніе годы жизни.—IV. Общая характеристика пьесъ Островскаго: ихъ образцовая реальность, классическая простота и жизнерадостность.—V. Разносторонность точекъ зрѣнія Островскаго на жизнь и сложность изображаемыхъ явленій. Отсутствие односторонняго увлеченія какой-либо доктриной и слабость славянофильскаго вліянія въ пятидесятые годы.—VI. Глубокое проникновеніе демократическимъ духомъ времени и отраженіе этого духа въ пьесахъ перваго періода: *Не въ свои саки не садись*, *Блѣдность не порокъ*. Драма *Не такъ живи, какъ хочется*, какъ апогей славянофильскихъ вліяній.

I.

Обновленіе, которое мы видимъ въ разсматриваемый періодъ во всѣхъ отрасляхъ нашей литературы, не могло не отразиться и на судьбахъ русской сцены. Здѣсь оно выразилось еще ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ пятидесятые и шестидесятые годы ознаменовались въ исторіи нашего театра великимъ событіемъ созданія русской самобытной сцены.

Русская комедія существовала со времени Сумарокова. И до сихъ поръ рядомъ съ Островскимъ ставятся такія великія имена, какъ Фонвизинъ, Грибоедовъ, Гоголь. Но, какъ ни высоки творенія этихъ писателей, какія

крупныя дани ни заплатили они русскому театру, они все-таки не могутъ быть названы создателями его въ истинномъ смыслѣ этого слова, потому что пьесы ихъ являются словно оазисами, раздѣлены значительными промежутками времени и не оставили послѣ себя прочныхъ школъ. Что касается Фонвизина, то онъ подарилъ русскому театру всего три комедіи, и, хотя въ нихъ не мало самобытнаго и оригинальнаго, все-таки онѣ скроены по образцамъ французской сцены, которые сильно сказываются въ нихъ на каждомъ шагу.

Горе отъ ума славится въ русской литературѣ скорѣе какъ гениальная общественная сатира, чѣмъ какъ образцовая комедія, и по своему типу она въ свою очередь носитъ характеръ французской сцены.

Что касается комедій Гоголя, то, при всей ихъ гениальности, онѣ не оставили послѣ себя ни одного послѣдователя и остались безъ подражателей. Въ тридцатые и сороковые годы обыденный репертуаръ русскаго театра составлялся изъ пьесъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ *Горемъ отъ ума*, ни съ *Ревизоромъ* или *Женитьбою*; послѣднія давались лишь изрѣдка и имѣли столь же мало общаго съ большинствомъ пьесъ, ежедневно ставившихся на сценѣ, какъ мало общаго между душистымъ ананасомъ и селедкой, подающимися за однимъ и тѣмъ же обѣдомъ. Щеголяя этими классическими пьесами, сцена пробавлялась ежедневно или переводами раздирательныхъ французскихъ мелодрамъ, или же патриотическими трагедіями съ оглушительными рычаніями трехаршинныхъ трагиковъ, въ родѣ Каратыгина I. Вполнѣ понятна скорбь, которою былъ преисполненъ Гоголь при постановкѣ *Ревизора*, не найдя на сценѣ Александринскаго театра ни одного актера, который вполнѣ удовлетворительно сыгралъ бы роль Хлестакова. Изъ этого не слѣдовало, чтобы на этой сценѣ не было ни одного талантливаго артиста. Но артисты эти были воспитаны совсѣмъ въ иномъ духѣ, для иныхъ пьесъ.

Нужно было, чтобы появился сильный талантъ, который въ продолженіе сорока лѣтъ успѣлъ бы поставить до пятидесяти пьесъ, т. е. болѣе, чѣмъ по одной пьесѣ въ годъ, для того, чтобы, наполнивъ сцену своими произведеніями, произвести въ ней переворотъ, совершенно преобразовать вкусы публики и создать новыхъ актеровъ, не имѣющихъ ничего общаго съ прежними.

Это совершилъ Александръ Николаевичъ Островскій.

А. Н. Островскій родился въ 1823 году въ Москвѣ. Отецъ его былъ бѣдный подъячій, занимающійся ходатайствами по дѣламъ замоскворѣцкаго купечества, въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются въ комедіяхъ Островскаго. Такимъ образомъ въ дѣтствѣ уже пришлось Островскому не только наблюдать, но и на своихъ близкихъ испытывать тяготу нравовъ Замоскворѣчья. Но не одно Замоскворѣчье давало пищу чуткой наблюдательности ребенка и юноши. Несмотря на то, что Островскій былъ исключительно городской писатель, всю жизнь съ небольшими лишь перерывами прожившій въ Москвѣ, онъ былъ именно въ качествѣ москвича поставленъ въ выгодныя условія для наблюденій русской жизни въ разнообразныхъ ея слояхъ и историческихъ пластахъ. Москва тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ была фокусомъ Россіи, вмѣщавшимъ въ своихъ стѣнахъ все ея историческія и современныя особенности. Здѣсь сосредоточивалось въ эту эпоху высшее умственное движеніе интеллигентнаго об-

щества, издавались лучшіе журналы: *Московский Телеграфъ*—Полевого, *Телескопъ*—Надеждина, позже—*Московский Наблюдатель*, *Молва*. Здѣсь развивались кружки шеллингистовъ,—Станкевича, Герцена, шли оживленные споры о судьбахъ Европы и Россіи на основаніи послѣднихъ словъ европейской философіи и науки. Тутъ же, рядомъ съ интеллигентными верхами, жили въ своихъ дворцахъ бары во всей деревенской и степной простотѣ, окруженные многочисленными дворнями крѣпостныхъ и сворами собакъ, и беззащитно производили жестокія расправы на конюшняхъ почти всенародно. Рядомъ съ чиновниками-бюрократами петербургскаго склада, щеголями и карьеристами, здѣсь гнѣздились чиновничьи типы и нравы московскихъ подъячихъ до-петровской старины. Еще ниже, въ купеческихъ семьяхъ, тронутыхъ цивилизаціей, можно было наблюдать тотъ первоначальный процессъ внѣшняго обьевроенія, какой въ дворянскихъ слояхъ совершался при Петрѣ. Наконецъ, на самомъ низу сохранялся въ полной неприкосновенности домостроевскій порядокъ, какой имѣлъ мѣсто въ до-петровской Руси. Такимъ образомъ, проживая въ Москвѣ, Островскій видѣлъ Русь во всемъ ея историческомъ и современномъ разнообразіи.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Островскій былъ отданъ въ 1-ю Московскую гимназію, и изъ воспоминаній *Θ. А. Бурдина* (*В. Евр.* 1886 г., № 12) мы видимъ, что въ 1840 году, когда Островскій былъ семнадцати лѣтъ, на выпускѣ, онъ успѣлъ уже пристраститься къ театру. И это очень понятно, если взять во вниманіе высокое мѣсто, какое занималъ въ то время московскій театръ. Это была лучшая сцена въ Россіи, на которой славились такіе крупные таланты, какъ Мочаловъ и Щепкинъ. Вся московская молодежь тогда бредила театромъ, дѣлилась на партіи, спорила и шумѣла изъ-за сценическихъ любимцевъ и любимицъ. Вспомните восторженный дифирамбъ театру, пропѣтый Бѣлинскимъ въ первой своей статьѣ, равно и прочія статьи его о московскихъ и петербургскихъ знаменитостяхъ.

Слѣдуя примѣру сверетниковъ, Островскій въ старшихъ классахъ гимназіи любилъ театръ и часто посѣщалъ его, и товарищи, по словамъ *Θ. А. Бурдина*, съ великимъ удовольствіемъ и интересомъ слушали его мастерскіе рассказы объ игрѣ Мочалова, Щепкина, Львовой-Синедкой и пр. Интересно было бы знать, читалъ ли Островскій въ то время статьи о театрѣ Бѣлинскаго. Во всякомъ случаѣ, если не въ то время, то позднѣе навѣрное запечатлѣлись въ памяти его мысли Бѣлинскаго объ отношеніи актера къ автору, заключающіяся въ томъ, что сценическое искусство онъ почитаетъ творчествомъ, а актера—самобытнымъ творцомъ, а не рабомъ автора, что актеръ дополняетъ своей игрой идею автора, и въ этомъ дополненіи состоитъ его творчество, и что особенно въ комедіи актеръ иногда можетъ придать персонажу такія черты, о которыхъ авторъ и не думалъ, пересоздать роль, вдохнуть живую душу даже въ совершенно мертвыя и плохія созданія.

Что подобныя идеи руководили Островскаго въ его творствѣ, мы можемъ судить по тому, что, начиная съ первой пьесы его и до послѣдней, онъ постоянно избѣгалъ вырисовывать характеры и лица настолько, чтобы они были отчеканены до послѣдней черточки и актеру оставалось бы быть лишь слѣпымъ исполнителемъ; напротивъ того, онъ оставлялъ на долю актера значительную степень довершенія роли и представлялъ

полную свободу проявленію сценическаго творчества и выраженію индивидуальности. Въ этомъ отношеніи комедіи Островскаго представляютъ незамѣнимую школу и пробу для каждаго истиннаго сценическаго дарованія.

II.

Послѣ гимназическаго курса, въ началѣ сороковыхъ годовъ, Островскій поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, но курса не окончилъ по неприятностямъ, которыя у него вышли съ однимъ профессоромъ. По выходѣ изъ университета въ 1843 году Островскій поступилъ на службу въ коммерческой судъ и здѣсь имѣлъ возможность еще болѣе расширить кругъ наблюденій надъ жизнью замоскворѣцкихъ купцовъ. Черезъ четыре года мы видимъ уже первый дебютъ его на литературномъ поприщѣ: въ 1847 г., когда ему было около 25-ти лѣтъ, появилось первое произведеніе его *Картины семейнаго счастья въ Московскомъ Листкѣ*, издававшемся В. Н. Драшусовымъ. Эта картинка изъ купеческой жизни привлекла вниманіе Москвы; о ней заговорили въ литературныхъ кружкахъ. Вскорѣ затѣмъ въ томъ же *Листкѣ* было напечатано нѣсколько сценъ изъ комедіи *Свои люди—сочтемся*, и это еще болѣе упрочило извѣстность молодого драматурга. Онъ оставилъ службу и предался литературѣ, сблизившись съ редакціей *Москвитянина* и найдя тамъ постоянныя занятія въ видѣ корректуры, составленія мелкихъ статейъ и переписки. Каждый день приходилось ему проходить пѣшкомъ около шести верстъ отъ Николы Воробина, у Яузскаго моста, на Дѣвичье поле, при чемъ зарабатывалъ онъ не болѣе 15 р. въ мѣсяцъ, на которые и кормился, пользуясь отъ отца одной квартирой. «Это было тяжелое время,—вспоминалъ впослѣдствіи Островскій,—но въ молодости нужда легко переносится».

Въ *Москвитянинѣ* въ 1847 г. была напечатана комедія его, носившая первоначально заглавіе *Банкротъ* и лишь по цензурнымъ соображеніямъ переименованная въ *Свои люди—сочтемся*. Когда Островскій прочелъ у Погодина эту пьесу, Шевыревъ, обратясь къ слушателямъ, сказалъ: «Поздравляю васъ, господа, съ новымъ драматическимъ свѣтиломъ въ русской литературѣ».—«Я не помню, какъ я пришелъ домой,—говорилъ Островскій,—я былъ въ какомъ-то туманѣ и, не ложась спать, проходилъ всю ночь по комнатѣ,—такими сказочными словами мнѣ показался отзывъ Шевырева».

Тѣмъ не менѣе новое драматическое свѣтило получило такую малость отъ Погодина за свою пьесу, что потомъ Островскій стыдился и говорить, какъ ничтоженъ былъ гонораръ.

Пьеса надѣлала много шума въ Москвѣ. Садовскій почти ежедневно читалъ ее въ обществѣ, и всѣ наперерывъ стремились послушать ее въ чтеніи знаменитаго артиста. По словамъ Садовскаго, извѣстный генералъ А. П. Ермоловъ, выслушавъ пьесу, сказалъ: «она не написана, она сама родилась!»

Но московскіе купцы оскорбились пьесою, пожаловались Закревскому, который призналъ ее вредной и оскорбительной для цѣлаго сословія, до-

несъ куда слѣдуетъ, и автора взяли подъ надзоръ полиціи, а о комедіи запретили говорить въ журналахъ.

Эта опала произвела на Островскаго угнетающее впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что съ 1847 г. по 1852 г. онъ написалъ одну лишь небольшую пьеску *Утро молодого человека*, и лишь въ 1852 г. появилась его *Бѣдная невѣста*, а въ 1853 г. — *Не въ свои сани не садись*.

Комедія *Не въ свои сани не садись* была первою пьесою Островскаго, поставленною на сцену въ Москвѣ, въ бенефисъ Косицкой, а такъ какъ бенефисныя пьесы, по положенію того времени, поступали въ собственность дирекціи, то Островскій ни гроша не получилъ за пьесу, несмотря на то, что она имѣла громадный успѣхъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, выдержавши сотни представлений. Не обошлось дѣло и безъ цензурныхъ гоненій. Когда пьесу поставили въ Петербургѣ, въ администраціи возбужденъ былъ вопросъ, не слѣдуетъ ли снять ее со сцены, такъ какъ въ ней опозоривается дворянство на счетъ купечества, и театральное чиновничество сильно перетрусило, когда на первое представленіе явился самъ императоръ со своимъ семействомъ. Но императоръ спасъ пьесу, она такъ ему понравилась, что онъ выразился о ней: «Очень мало пьесъ, которыя доставили бы мнѣ такое удовольствіе, — *ce n'est pas une piéce c'est une leçon*».

Вслѣдъ затѣмъ была поставлена комедія *Бѣдная невѣста*, за которую авторъ впервые получилъ отъ дирекціи единовременную плату въ 700 р.

Наконецъ, въ 1854 г. появилась на сценѣ *Бѣдность не порождъ* и утвердила за Островскимъ славу первостепеннаго писателя: это была первая пьеса, за которую онъ получилъ поспектакльную плату въ размѣрѣ двадцатой части отъ $\frac{2}{3}$ сбора.

Пьесой *Не такъ живи, какъ хочется*, написанной тоже въ 1854 году, завершается первый, до-реформенный, періодъ дѣятельности Островскаго. Періодъ этотъ распадается на двѣ серіи: въ двухъ первыхъ своихъ пьесахъ, *Семейной картинѣ* и *Банкротѣ*, Островскій является еще послѣдователемъ натуральной гоголевской школы, и образы его носятъ исключительно отрицательный характеръ, безъ малѣйшаго просвѣта. Совсѣмъ не то мы видимъ въ послѣдующихъ пьесахъ его, особенно въ комедіяхъ: *Не въ свои сани не садись*, *Бѣдность не порождъ*, *Не такъ живи, какъ хочется*. Здѣсь видно подчиненіе вліянію московскаго славянофильства: вѣрность исконнымъ началамъ русской жизни торжествуетъ въ этихъ пьесахъ надъ отклоненіями отъ нея и выставляется, какъ нѣчто положительное, желанное, иногда даже и въ поэтическомъ ореолѣ. Близость къ редакціи *Москвитянина* и славянофильское движеніе, которое особенно сильно было въ Москвѣ въ пятидесятые годы, не остались безъ воздѣйствія на творчество Островскаго, и не даромъ критики того времени по отношенію къ Островскому раздѣлились на два враждебные лагера: въ то время, какъ московскіе критики, съ А. Григорьевымъ во главѣ, восхваляли Островскаго не только прозою, но и стихами за новое слово, которое онъ произнесъ въ русской литературѣ, въ видѣ вѣрности исконнымъ народнымъ началамъ, петербургскіе критики, считавшіе себя западниками, отвергли значеніе пьесъ, несмотря на громадный успѣхъ, который онѣ имѣли.

Замѣчательно, что и московская сцена была болѣе расположена къ

Островскому, чѣмъ петербургская. Хотя начальникъ репертуарной части, А. Н. Верстовскій, и ворчалъ, что русская сцена «провоняла отъ полушубковъ Островскаго», пьесы его давались часто и исполнялись съ тѣмъ высокимъ совершенствомъ и блестящимъ ансамблемъ, какимъ въ то время славился московскій театръ. Между тѣмъ въ Петербургѣ процвѣтала въ то время Кукольникъ, мелодрама и водевильный репертуаръ; ставилась такая дребедень, какъ *Дятскій докторъ*, *Донъ-Сезаръ-де-Базанъ*; артисты, за исключеніемъ Мартынова и нѣсколькихъ челоѣкъ молодежи относились къ Островскому холодно, и начальство неохотно ставило его пьесы, несмотря на большіе сборы, какіе онѣ давали.

III.

Послѣ крымской кампаніи, мы видимъ новую струю въ творчествѣ Островскаго. Наступившее движеніе не замедлило оказать свое вліяніе на него. Въ драмѣ *Въ чужомъ миру похмелье*, относящейся къ 1852 году, мы видимъ совершенно уже другую коллизію, чѣмъ въ предыдущихъ; отрицательныя явленія жизни являются здѣсь въ видѣ самодурства (въ этой драмѣ впервые употреблено слово самодуръ), обусловливаемаго неограниченной властью капитала, и этимъ отрицательнымъ явленіямъ противопоставляется уже не чистота русской самобытности, а интеллигентный челоѣкъ съ его неподкупной честностью и непоколебимымъ сознаниемъ челоѣческаго достоинства. Далѣе слѣдуютъ такія драмы, какъ: *Доходное мѣсто* (1856 г.), *Воспитанница* (1859 г.), прямо навѣяныя броженіемъ, предшествовавшимъ крестьянской реформѣ. Какое сильное впечатлѣніе производили эти драмы въ политическомъ отношеніи, можно судить по тому, что, несмотря на всю мягкость цензуры того времени, обѣ онѣ показались администраціи опасными. *Доходное мѣсто* было запрещено наканунѣ перваго представленія и лишь впоследствии вновь дозволено. *Воспитанница*, въ свою очередь, не была одобрена къ представленію, и когда Бурдинъ, хлопоча о ея дозволениі, спросилъ у шефа жандармовъ Потапова, въ чемъ же вредное направленіе ея, Потаповъ отвѣчалъ:

— Въ насмѣшкѣ и издѣвательствѣ надъ дворянствомъ. Дворяне дѣйствуютъ патриотически, приносятъ огромныя жертвы, освобождаютъ крестьянъ, и за это же потѣшаются надъ ними.

Впоследствии эта пьеса была дозволена, лишь благодаря счастливому случаю. Временно былъ назначенъ исправляющимъ должность шефа жандармовъ генералъ Анненковъ, братъ П. В. Анненкова. Послѣдній, какъ другъ Тургенева, началъ хлопотать у брата о разрѣшеніи бывшей подъ запрещеніемъ пьесы Тургенева *Нахлебникъ*.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ генералъ Анненковъ, — и не только эту, а всѣ тѣ, которыя ты признаешь нужными; только присылай поскорѣе, потому что я на этомъ мѣстѣ останусь недолго.

Въ 1859 году Островскій впервые нашелъ въ русской критикѣ достойную его произведеній обстоятельную оцѣнку въ извѣстныхъ статьяхъ Добролюбова *Темное царство*, и надо полагать, что какъ вообще возбужденію творческихъ силъ духу времени, такъ между прочимъ и статьямъ

Добролюбова былъ обязанъ Островскій плодovitостью, какую онъ обнаружилъ въ 1860 г., который вполне можетъ быть названъ зенитомъ его литературной дѣятельности. Къ этому году относятся три пьесы его: *Старый другъ лучше новыхъ двухъ*, *Тяжелые дни*, а главное дѣло—*Гроза*, это chef d'oeuvre творчества Островскаго,—пьеса, которая одна могла бы доставить неуывадаемую славу драматургу.

Такая плодovitость обусловливается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что Островскій обзавелся семьей, пошли дѣти, и нужды стали возрастать въ грозной пропорціи. Онъ работалъ безъ усталы, по цѣлымъ днямъ не разгибая спины. Едва кончивъ одну пьесу, принимался за другую. Въ то же время отношенія дирекціи къ нему становились все холоднѣе; явилось какое-то недоброжелательство, которое, по словамъ Ѳ. А. Бурдина, происходило вслѣдствіе отчужденности Островскаго отъ театральнаго начальства и нежеланія угождать. Пьесы его, дававшія полныя сборы, снимались съ репертуара и замѣнялись переводными мелодрамами, на постановку которыхъ тратили большія деньги, а на постановку пьесъ Островскаго не давали ничего.

Находясь въ подобныхъ условіяхъ, работая черезъ силу, оскорбленный нравственно, Островскій тогда уже утратилъ свое здоровье. И безъ того слабый организмъ его не вынесъ непосильной борьбы, и нервная система его была потрясена до основанія. Началось сердцебіеніе, безотчетная пугливость, постоянное тревожное состояніе, отсутствіе сна и аппетита, а вслѣдствіе этого—бесиліе работать. Въ связи со всѣмъ этимъ пьесы Островскаго шестидесятыхъ годовъ, начиная съ *Грозы*, носятъ преимущественно мрачный, трагическій характеръ, таковы: *Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*, *Шутники*, *Пучина*, *На бойкомъ мѣстѣ*, *На всякаго мудреца довольно простоты*.

Болѣзненность Островскаго дошла до того, что онъ рѣшился отказаться отъ театра. Вотъ что писалъ онъ Бурдину 27-го сентября 1866 года:

„Объявляю тебѣ по секрету, что я совсѣмъ оставилъ театральное поприще. Причины вотъ какия: выхождъ отъ театра я почти не имѣю, хотя всѣ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ. Начальство театральное ко мнѣ не благоволитъ, а мнѣ ужъ пора видѣть не только благоволеніе, но и нѣкоторое уваженіе; безъ хлопотъ и поклонновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается, а ты самъ знаешь, способенъ ли я къ низкопоклонству; при моемъ положеніи въ литературѣ играть роль вѣчно кланяющагося просителя тяжело и унижительно. Я замѣтно старѣю и постоянно нездоровъ, а потому ѣздить въ Петербургъ, ходить по высокимъ дѣстницамъ мнѣ ужъ нельзя. Повѣрь, что я буду имѣть гораздо больше уваженія, которое я заслужилъ и котораго стою, если развяжусь съ театромъ“.

„Давши театру 25 оригинальныхъ пьесъ, я не добился, чтобы меня хоть мало отличили отъ какого-нибудь плохого переводчика. По крайней мѣрѣ, я приобрѣту себѣ спокойствіе и независимость, вмѣсто хлопотъ и униженія. Современныхъ пьесъ больше писать не стану; я уже давно занимаюсь русской исторіей и хочу посвятить себя исключительно ей; буду писать хроники, но не для театра. На вопросъ: отчего я не ставлю своихъ пьесъ, я буду отвѣчать, что онѣ неудобны. Я беру форму *Бориса Годунова*, —такимъ образомъ постепенно и незамѣтно я отстану отъ театра“.

И дѣйствительно, къ этому времени относится увлеченіе Островскаго исторіей, выразившееся въ рядѣ историческихъ хроникъ: *Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ* (1862 г.), *Воевода* (1865 г.), *Дмитрій Самозванецъ* и *Василій Шуйскій* (1867 г.), *Тушино* (1867 г.), *Василиса Мелентьевна* (1868 г.).

Къ концу шестидесятыхъ годовъ появился у Островскаго новый опасный конкурентъ,—оперетки, заповнившія наши сцены. Пьесы Островскаго стали даваться еще рѣже; матеріальное положеніе его еще болѣе

ухудшилось. «Изъ его писемъ, — говоритъ Бурдинъ, — я видѣлъ, что настроеніе его духа стало еще мрачнѣе; тревога за семью и непосильный трудъ болѣе и болѣе разстраивали его здоровье. Это было самое тяжелое время его жизни — время нужды и неоплатныхъ долговъ».

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ ко всѣмъ невгодамъ присоединился ропотъ критиковъ на то, что онъ исписался, повторяется, что новыя комедіи его далеко не имѣютъ прежней силы. Но если въ этомъ и была доля правды, и Островскому не суждено уже было написать ни одной столь сильной пьесы, какъ *Свои люди* и *Гроза*, все-таки сѣтованія рецензентовъ были преувеличены. До конца дней Островскій чутко присматривался ко всему, что его окружало, и представлялъ рядъ ужасающихъ картинъ того растлѣнія нравовъ, которое обуславливалось помѣщичьимъ разореніемъ и жадной легкой наживы. Картины эти безспорно имѣютъ свое значеніе. Онѣ составляютъ преобладающую струю въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности Островскаго.

Подъ конецъ жизни матеріальное положеніе Островскаго значительно улучшилось съ того времени, какъ было утверждено общество русскихъ драматическихъ писателей, и Островскій былъ избранъ предсѣдателемъ его. Не было театра въ Россіи, гдѣ не давались бы его пьесы, и, получая за нихъ хотя и небольшую плату, онъ все-таки съ частныхъ театровъ имѣлъ больше, чѣмъ съ казенныхъ.

Въ самое послѣднее время была образована комиссія для пересмотра старыхъ театральныхъ постановленій. Приглашенный въ эту комиссію, съ юношескимъ жаромъ принялся Островскій за работу для пользы страстно любимаго дѣла, цѣлые дни проводилъ за составленіемъ записокъ, историческихъ докладовъ, проектовъ, но самой завѣтной мечтой его было устройство школы для драматическаго искусства. «Если я доживу до тѣхъ поръ, — говорилъ онъ, — то исполнится мечта всей моей жизни, и я спокойно скажу: нынѣ отпускаешь раба твоего съ миромъ».

Мечты его, повидимому, осуществились въ послѣдній годъ его жизни: ему довѣренъ былъ московскій театръ и устройство театральной школы на предполагаемыхъ имъ основаніяхъ. Онъ сдѣлался, наконецъ, хозяиномъ русскаго театра, любимое дѣло было въ его собственныхъ рукахъ; ничто не мѣшало ему поставить его на надлежащую высоту; онъ устроитъ садникъ юныхъ талантовъ, очиститъ русскую сцену отъ плевелъ и подниметъ вкусъ публики!.. Сколько свѣтлыхъ надеждъ, какое ликованье между артистами. Поставленныя имъ пьесы: *Воевода* и *Марія Стюартъ*, — возбуждали восторгъ въ публикѣ, и на эти спектакли съ трудомъ доставали билеты. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали обновленія русской сцены.

Но дни Островскаго были сочтены. Переходъ отъ тихой кабинетной дѣятельности къ кипучей, гдѣ онъ ни минуты не имѣлъ отдыха и покоя, былъ не подъ силу изнеможенному организму. По словамъ пользовавшаго его доктора, А. А. Остроумова, онъ не успѣвалъ остывать и приходитъ въ нормальное положеніе, и это — при болѣзни сердца, удушья, ревматизмъ.

«Посѣщая его почти каждый день, — говорилъ Ѳ. А. Бурдинъ, — я видѣлъ, въ какомъ состояніи онъ возвращался со службы. Усталый, измученный, съ потухшимъ взглядомъ, онъ опускался въ кресло и въ продолженіе нѣкотораго времени не могъ вымолвить слова». «Дай мнѣ опомниться, прійти въ себя, — начиналъ онъ, — я сегодня чуть не умеръ; мнѣ не хва-

тало воздуха, нечѣмъ было дышать... ревматизмъ не позволялъ отъ боли пошевелить руками... народу, съ которымъ надо было объясняться, пропасть... потому докладъ, я сегодня подписалъ шестьдесятъ бумагъ,— и вотъ видишь, въ какомъ состояніи воротился домой...»

«Едва отдохнувъ,—продолжалъ Бурдинъ,—онъ отправлялся въ театры, большей частью посѣщая тотъ и другой, волновался тамъ, видя какія-нибудь неисправности, и дома засыпалъ безпокойнымъ, тревожнымъ сномъ. Такова была его жизнь въ послѣднее время. Съ грустью каждый день я убѣждался, что онъ не только не работникъ, но и не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Къ довершенію несчастія, передъ самымъ отъѣздомъ въ деревню онъ простудился; ревматическія боли усилились въ крайней степени: по цѣлымъ часамъ онъ не могъ пошевелиться, перенося ужасныя страданія. Докторъ объявилъ, что нѣтъ болѣе никакой надежды, и черезъ три дня по приѣздѣ въ деревню, 2-го іюня 1886 года, его не стало».

IV.

Какъ и всѣ писатели сороковыхъ годовъ, Островскій ведетъ свое начало отъ Гоголя; но, подобно имъ, это нисколько не помѣшало ему создать свою особенную школу и съ первыхъ же пьесъ встать на самостоятельную почву. Пьесы его имѣютъ съ гоголевскими комедіями лишь одно общее: содержаніе ихъ точно такъ же берется изъ обыденной, сѣренькой русской жизни, изъ среды мелкаго люда. Но далѣе между ними лежитъ пропасть. Пьесы Гоголя—комедіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Главнымъ героемъ является въ нихъ смѣхъ автора, даже безъ тѣхъ незримыхъ слезъ, присутствіе которыхъ чувствуется въ прочихъ произведеніяхъ Гоголя. Сюжеты гоголевскихъ комедій имѣютъ анекдотическій характеръ; цѣль ихъ—въ достаточной мѣрѣ осмѣять дѣйствующія лица, наиболѣе рельефно выставить пошлыя стороны ихъ характера, и, разъ эта цѣль достигается, герои сходятъ со сцены безъ малѣйшихъ измѣненій въ ихъ судьбѣ.

Совершенно не то мы видимъ у Островскаго. Въ большинствѣ его пьесъ развиваются передъ вами существенныя измѣненія въ судьбѣ героевъ, при чемъ авторъ не только не смѣется надъ ними, а совсѣмъ отсутствуетъ въ своихъ пьесахъ, и дѣйствующія лица говорятъ и дѣйствуютъ словно помимо его воли, какъ бы они говорили и дѣйствовали въ самой жизни.

Про Островскаго говорятъ, что онъ создалъ русскій театръ; но онъ сдѣлалъ неизмѣримо большее: онъ довель сцену до идеальнаго реализма, показавши, чѣмъ должна она быть, чтобы вполне заслуживать названія реальной. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ нѣтъ особенной заслуги. Разъ всѣ искусства встали на реальную почву, и на всѣхъ европейскихъ сценахъ преобладаютъ пьесы, изображающія обыденную, современную жизнь,—что же мудренаго, что и Островскій пошелъ по общему теченію? Но дѣло въ томъ, что въ самыхъ реальнѣйшихъ пьесахъ, какія только существуютъ въ Европѣ, при всемъ ихъ реализмѣ, сильны еще старыя традиціи. Дѣйствующія лица, реплики, сцены взяты непосредственно изъ жизни; но въ цѣломъ вы видите болѣе или менѣе хитросплетенныя интриги, построенныя искусственно, въ видахъ проводимыхъ

тенденцій, сценическихъ эффектовъ, занимательности и т. п. Ничего подобнаго нѣтъ у Островскаго. Сюжеты большинства его пьесъ отличаются простотою, поистинѣ классическою. Въ иной пьесѣ словно совсѣмъ нѣтъ никакого дѣйствія. Сцена идетъ за сценою, все такія обыденныя, будничныя, сѣренькія, и вдругъ совершенно незамѣтно разворачивается передъ вами потрясающая драма. Можно положительно сказать, что не дѣйствіе вами потрясающая драма. Можно положительно сказать, что не дѣйствіе пьесы разыгрывается, а сама жизнь течетъ по сценѣ медленною, незамѣтною струею. Точно какъ будто авторъ только всего и сдѣлалъ, что сломалъ стѣну и предоставилъ вамъ смотрѣть, что дѣлается въ чужой квартирѣ.

Стремленіе къ изображенію жизни во всей неподкрашенной, трезвой правдѣ доходитъ у Островскаго до такого пуризма, что онъ скромно избѣгаетъ эффекта даже тамъ, гдѣ эффектъ самъ напрашивается подъ перо автора. Въ большинствѣ пьесъ Островскаго занавѣсъ падаетъ не въ самый роковой и потрясающій моментъ пьесы, какъ это обыкновенно дѣлаютъ драматурги, а немного спустя, во время обыденной сцены, чуть-что ни на полусловъ какого-нибудь второстепеннаго дѣйствующаго лица. Что стоило бы, напримѣръ, Островскому закончить комедію *Свои люди* прощаніемъ Большова съ дѣтьми и словами: «не забудь насъ, бѣдныхъ заключенныхъ», послѣ которыхъ онъ уходитъ съ Аграфеной Кондратьевной. Слушатели въ этотъ моментъ охвачены драматичностью этой сильной сцены: нигдѣ черствость Подхалюзина и Олимпиады Самсоновны и безпомощное отчаяніе стараго плута, который, вырвыши яму ближнимъ, самъ въ нее попалъ, не выступаютъ столь рельефно, какъ въ этой сценѣ, бросающей яркій свѣтъ на всю драму и являющейся ея послѣднимъ исходомъ. Но Островскій повелъ пьесу далѣе и закончилъ ее комическою, но ни мало не эффектною сценою Подхалюзина съ Ризположенскимъ и будничнымъ обращеніемъ Подхалюзина къ публикѣ:—«А вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ! Малаго ребенка пришлите—въ луковицѣ не обочтемъ».

Или, напримѣръ, въ *Бѣдной невѣстѣ*—отчего бы пьесѣ не окончиться потрясающимъ финаломъ четвертаго дѣйствія. Пятое дѣйствіе, заключающее въ себѣ картину сговора, ничего не прибавляетъ къ пьесѣ; заканчивается же драма незатѣйливымъ разговоромъ глазющихъ на свадьбу бабъ. И вездѣ вы найдете подобные же блѣдные, скромные финалы. Пьесы Островскаго словно не оканчиваются, а прерываются, и авторъ старается внушить вамъ, что въ жизни нѣтъ ни начала, ни конца; и не найдете вы въ ней ни одного момента, послѣ котораго смѣло можно было бы поставить точку, такъ какъ далѣе слѣдовала бы полная пустота.

Вторая, не менѣе существенная особенность пьесъ Островскаго заключается въ томъ, что онѣ не подходятъ ни подъ одну извѣстную намъ сценическую рубрику. По старымъ традиціямъ Островскій называлъ свои пьесы то драмами, то комедіями; но эти названія ни мало не соотвѣтствуютъ характеру пьесъ Островскаго. Добролюбовъ очень мѣтко назвалъ ихъ *пьесами жизни*, и это названіе могло бы утвердиться за ними, если бы не было нѣсколько тяжеловато. Еще правильнѣе можно было бы назвать пьесы Островскаго вульгарнымъ словомъ *представленія*. Дѣйствительно, онѣ ничего болѣе, какъ объективно-безпристрастныя представленія жизни, безъ малѣйшаго побужденія что-либо осмѣять или оплакать,

и, въ свою очередь, въ этомъ заключается ихъ идеальная реальность. Въ жизни вы нигдѣ не найдете ни исключительно комическаго, ни исключительно трагическаго, не встрѣтите ни одного человѣка, который только и дѣлалъ бы, что смѣшилъ васъ или заставлялъ ужасаться. Люди существуютъ изо дня въ день, опутанные разными мелочами и дразгами, при чемъ высокое и низкое, великое и смѣшное перемѣшано бываетъ въ самомъ пестромъ хаосѣ. Цѣль истинно реальной сцены заключается не въ томъ, чтобы непроходимо стѣною отдѣлать контрасты жизни, какъ это дѣлала старинная сцена, а чтобы раскрывать радужную игру жизни во всѣхъ прихотливыхъ комбинаціяхъ ея безконечно сложныхъ элементовъ. Это именно мы и видимъ въ пьесахъ Островскаго.

Нѣтъ никакой возможности подвести эти пьесы подъ одно какое-нибудь начало, въ родѣ, напримѣръ, борьбы чувства съ долгомъ, коллизіи страстей, ведущихъ за собою фатальныя возмездія, антагонизма добра и зла, прогресса и невѣжества и пр. Это—пьесы самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ отношеній. Люди становятся въ нихъ, какъ и въ жизни, другъ къ другу въ различныя обязательныя условія, созданныя прошлымъ, или случайно сходятся на жизненномъ пути, а такъ какъ характеры ихъ и интересы находятся въ антагонизмѣ, то между ними возникаютъ враждебныя столкновенія, исходъ которыхъ случаенъ и непредвидѣнъ, завися отъ разнообразныхъ обстоятельствъ: иногда побѣждаетъ наиболѣе сильная сторона къ общему благополучію или къ общему несчастію и гибели. Но развѣ мы не видимъ въ жизни, что порою вдругъ вторгается какой-нибудь новый и посторонній элементъ и рѣшаетъ дѣло совершенно иначе? Ничтожная случайность, произведя ничтожную перемѣну въ расположеніи духа героевъ драмы, можетъ повести за собою совершенно неожиданныя послѣдствія.

Поэтому, въ пьесахъ Островскаго, какъ и въ жизни, вы не предвидите, чѣмъ кончится дѣло, свадьбою или смертью. Такъ, напримѣръ, въ комедіи *Бѣдность не порожъ*, не явись Любимъ Торцовъ, непрошенный, негаданный, не разсерди Коршунова и не растрогай сердца своего брата, и быть бы Любови Гордѣевнѣ замужемъ за ненавистнымъ Коршуновымъ. Драма *Не въ свои сани* могла бы и совсѣмъ не состояться: не подвернись Вихоревъ съ его исканьемъ богатой невѣсты, и вышла бы Авдотья Максимовна спокойно за Бородкина, къ которому ранѣе уже была равнодушна. Въ драмѣ *Воспитанница* автору ничего не стоило бы устроить сцену утопленія Нади въ прудѣ, и зрители были бы потрясены трагическимъ финаломъ, но и здѣсь онъ ограничился, по своему обыкновенію, прозаическимъ финаломъ слѣдующаго рода:

Надя (съ отчаяніемъ). Ни помощниковъ, ни заступниковъ мнѣ не надо! не надо! не хватитъ моего терпѣнія, такъ прудъ-то у насъ не далеко.

Леонидъ (робко). Ну, а, пожалуй, уйдъ... только что она говоритъ! вы, пожалуйста, смотрите за ней. Прощайте! (*идетъ къ дверямъ*).

Надя (всмыль ему громко). Прощайте! (*Леонидъ уходитъ*).

Лиза. Видно, правда пословица-то: кошкѣ—игрушки, а мышкѣ—слезки.

Такимъ образомъ авторъ является настолько добросовѣстнымъ передъ правдою, что простодушно отказывается рѣшить, чѣмъ кончится драма, хватитъ или не хватитъ терпѣнія у Нади. И дѣйствительно, подобнаго рода драмы, развивавшіяся на почвѣ крѣпостнаго права, рѣшались разнообразно: дворовыя дѣвушки, обольщенные барчатами и выданные на-

сильно замужь за пьянаго лакея, когда и въ воду бросались, когда и покорялись своей участи. Могло случиться и такъ, что Уланбекова, потрясенная всѣмъ происшедшимъ, умерла бы, а Надя могла-бы занять ея мѣсто полновластной хозяйки, сдѣлавшись фавориткою Володи.

При такой случайности возникновенія и исхода драмы, казалось бы, не можетъ имѣть и мѣста идея фатума, тяготѣвшаго надъ судьбою героевъ. Тѣмъ не менѣе въ пьесахъ Островскаго вы найдете своего рода фатумъ, еще въ большей степени дѣлающій героевъ неотвѣтственными, чѣмъ фатумъ древней трагедіи. Онъ заключается въ томъ, что, разъ извѣстная среда и масса условій создали тотъ или другой типъ, человѣкъ фатально дѣйствуетъ въ рамкахъ этого типа, не можетъ поступать иначе и сознаетъ себя въ полномъ правѣ въ этомъ отношеніи. Обратите вниманіе, что у Островскаго чувствуютъ угрызенія совѣсти одни безхарактерные герои въ родѣ Кисельникова въ *Пучинѣ*. Настоящіе же трагическіе злодѣи, какковы: Безсудный, Уланбекова, Кабанова, считаютъ себя правыми передъ судомъ своей совѣсти послѣ самыхъ ужасныхъ поступковъ. Кабанова оказывается способна даже глумиться надъ трупомъ Катерины, убитой ея безчеловѣчнымъ деспотизмомъ, говоря сыну: «о ней и плакать-то грѣхъ».

Этотъ глубоко-философскій взглядъ на невѣжественность людей, чисто евангельское «не вѣдятъ-бо, что творять», ведетъ Островскаго къ высокому безпристрастію. Подобно Пимену Пушкина, Островскій «спокойно зрять на правыхъ и виновныхъ, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва». Въ этомъ сознаніи безотвѣтственности лицъ лежитъ глубоко-примиряющее начало, проникающее произведенія Островскаго. Ни изъ одной пьесы, какъ бы она мрачно ни кончилась, не выносите вы безусловно мрачнаго и безотраднaго чувства, въ родѣ того, что правда всегда страдаетъ, а зло торжествуетъ, и что жизнь есть грязный аггломератъ пошлостей и гадостей; напротивъ того, всѣ дѣла человѣческія, со всею ихъ суетою, страстями, пороками, пошлостями и мерзостями, являюся ничтожными частностями, сливающимися и ступневывающимися въ красотѣ и гармоніи Божьяго міра, взятаго въ его цѣломъ. Такъ, на замѣчаніе Aeони въ драмѣ *Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*, что ему все надоѣло и ничего не мило, слѣпой Архипъ отвѣчаетъ:

„Оттого тебѣ и не мило, что ты сердцемъ не покоенъ. А ты гляди чаще да больше на Божій міръ. а на людей-то меньше смотри; вотъ тебѣ на сердца и легче станеть. И ночи будешь спать, и сны тебѣ хорошіе будутъ сниться... Красень, Aeоня, красень Божій міръ! Вотъ теперь роса будетъ падать, отъ всякаго цвѣта духъ пойдетъ; а тамъ звѣздочки зажгутся, а надъ звѣздочками, Aeоня, нашъ Творецъ милосердный. Кабы мы получше помнили, что Онъ милосердъ, сами были бы милосерднѣе“.

Прямой выводъ изъ такой философіи—свѣтлая жизнерадостность, не смотря на всѣ невзгоды и ужасы, какіе творятся въ жизни, и этою жизнерадостностью проникнуты пьесы Островскаго. Замѣчательно при этомъ, что словно для большей убѣдительности Островскій заставляетъ проповѣдывать свою жизнерадостность такихъ убогихъ людей, отъ которыхъ менѣе всего можно было бы ожидать этого. Мы только-что видѣли, что о красотѣ Божьяго міра ратуетъ слѣпой Архипъ. Въ драмѣ же *Трудовой слѣбѣ* нищій-пропойца и неудачникъ Корпѣловъ послѣ того, какъ потерялъ единственную радость и утѣшеніе свое въ лицѣ Наташи, которая, выйдя замужъ, сдѣлалась уже чужая ему, и ничего ему болѣе не остается, какъ шататься изъ города въ городъ, прося подаенія, вдругъ разражается гимномъ во славу жизни, хотя бы самой что ни на есть нищенской:

— „Да развѣ жизнь-то мила только деньгами, развѣ только и радости, что въ деньгахъ? А птичка-то поетъ, чему она рада, деньгамъ что-ли? Нѣтъ, тому она рада, что на свѣтѣ живетъ. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь, и бѣдная, и горькая — все радость. Озябъ да согрѣлся, — вотъ и радость. Голодень, да накормил, — вотъ и радость. Вотъ я теперь бѣдную племянницу замужъ отдаю, на бѣдной свадьбѣ пировать буду, развѣ это не радость? Потомъ пойду по бѣлу-свѣту бродить, отъ города до города, по курнымъ избамъ почевать (*поетъ и пляшетъ*)».

Пойду ли по городу гулять,
Пойду ли по Бѣжескому,
Куплю ли я покуску себѣ...

Это мировоззрѣніе жизнерадостное, всепрощающее и примиряющее васъ со всѣми частными преходящими напастями, во имя вѣры въ вѣковѣчную Премудрость, ведущую міръ ко всеобщему благу, составляетъ глубоко народную черту произведеній Островскаго, и одно это ставитъ его на недосыгаемую высоту.

V.

Мы уже говорили, что у Островскаго въ различные періоды его жизни замѣтно было подчиненіе тѣмъ или другимъ литературнымъ направленіямъ. Но это слѣдуетъ принимать условно. Направленія и вѣянія времени, которымъ подчинялся Островскій, отражались въ пьесахъ его лишь до нѣкоторой степени, и ни одному не отдавался онъ всецѣло, а шелъ своей самостоятельной дорогой, оставаясь непреклонно вѣренъ самому себѣ и повинуваясь лишь призывамъ своего творчества, подобно магнитной стрѣлкѣ, которая, какъ бы ни отклонялась вправо или влево, никогда не забываетъ завѣтнаго полюса.

Этимъ завѣтнымъ полюсомъ для Островскаго была жизнь, представляющая рядъ явленій относительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сложныхъ. Островскій всегда памятовалъ, что явленія эти нельзя подводить подъ одну какую-нибудь мѣрку, что ничего не найдете вы въ жизни ни безусловно совершеннаго, ни безнадежно дурного, и то, что заслуживаетъ полнаго отрицанія подъ однимъ угломъ зрѣнія, можетъ представиться совсѣмъ инымъ, если мы взглянемъ на это же самое съ другой точки зрѣнія и при иныхъ сопоставленіяхъ. Такъ, напримѣръ, та же замоскворѣцкая жизнь съ точки зрѣнія просвѣщеннаго европеизма можетъ представиться сплошнымъ агломератомъ непроходимаго невѣжества, дикой грубости нравовъ, возмутительнаго самодурства, наглого надувательства и отсутствія малѣйшихъ понятій о чести, совѣсти, чувствѣ человѣческаго достоинства. Но при этомъ могутъ быть приняты во вниманіе и многія иныя стороны того же быта; напримѣръ, что сквозь всю грубую, зако-рузную кору его пробиваются здѣсь часто живые, горячіе ключи славянскаго добродушія, мягкости и любвеобилія, что, наконецъ, если поставить эту среду рядомъ съ помѣщицъей той же эпохи, первая, пожалуй, выиграла бы и по чистотѣ нравовъ, по цѣльности характеровъ и богатству жизненной энергіи.

Вслѣдствіе стремленія Островскаго не упустить изъ виду разнородныхъ элементовъ, какіе входили въ изображаемыя имъ явленія жизни, и происходило то странное явленіе, что многія пьесы его производили неопредѣленное впечатлѣніе, смущавшее рецензентовъ, не знавшихъ, къ какому лагерю отнести писателя. Славянофиламъ не нравилось, что Остров-

скій ко многимъ явленіямъ относится такъ же отрицательно, какъ относилась къ нимъ натуральная школа; западники подозрѣвали въ тѣхъ же самыхъ пьесахъ славянофильскія тенденціи. На самомъ же дѣлѣ въ нихъ была одна только правда жизни въ тѣхъ сложныхъ комбинаціяхъ, въ какихъ эта правда существуетъ въ дѣйствительности.

Замѣчательно, что по мѣрѣ того, какъ Островскій жилъ и развивался, въ слѣдующихъ одна за другою пьесахъ его вы встрѣчаете все большія и большія осложненія. Ни одного новаго направленія и вѣянія не упу-

А. Н. Островскій.

скалъ онъ изъ виду и, какъ пчела, изъ каждаго вновь расцвѣтающаго цвѣтка высасывалъ для себя одинъ медъ, бралъ изъ направленія лишь то, что было въ немъ наиболѣе жизненнаго, оставляя на долю другихъ пользоваться односторонностями и крайностями ученія.

Такъ, въ первыхъ двухъ пьесахъ: *Семейная картина* и *Свои люди — сочтемся*, Островскій держался еще исключительно на почвѣ натуральной школы гоголевскихъ традицій. Отношеніе его къ изображеннымъ въ этихъ пьесахъ московскимъ купеческимъ нравамъ является отрицательнымъ; ни одного контраста, ни одного сопоставленія, оттѣнка, отрадной

черточки, просвѣта, чего-либо примиряющаго вы не найдете здѣсь и слѣда. Нѣтъ ничего мудренаго, что пьеса *Свои люди—сочтемся* произвела самое безотрадное впечатлѣніе на современниковъ, что купечество было обижено, а начальство не допустило пьесу на сцену.

Но послѣ 1847 года, когда появилась пьеса *Свои люди*, и до 1853 г.— времени появленія *Не въ свои сани не садись*, утекло не мало воды; въ эти годы Островскій успѣлъ проникнуться новыми вѣяніями, какія лежали въ духѣ времени, и явился инымъ. Правда, среди этихъ вѣяній не послѣднюю роль играло славянофильство, которому молодой драматургъ не могъ не подчиниться, особенно при близкихъ сношеніяхъ его съ московскимъ славянофильскимъ кружкомъ, группировавшимся вокругъ *Москвитянина*, но вліяніе это сказалось лишь въ томъ, что въ комедіи *Не въ свои сани не садись* наибольшую симпатію возбуждаютъ люди, не тронутые западною цивилизаціею и остающіеся вѣрными старымъ, самобытнымъ укладамъ русской жизни, каковы: Русаковъ, Авдотья Максимовна, Бородинъ. Противъ нихъ стоятъ Вихоревъ, Броничевскій и Анна Федотовна, какъ представители западныхъ вліяній, и вносятъ въ семью Русакова разладъ и растлѣніе. Русаковъ отзывается даже о своей дочери: «она будетъ любить всякаго мужа, надо найти ей такого, чтобы ее-то любилъ, да могъ бы понять, что это за душа... душа у ней русская». Конечно, эта «русская душа» должна была приводить въ восторгъ славянофиловъ того времени.

Точно такъ же и въ комедіи *Бѣдность не порокъ* вы можете видѣть подобное же сопоставленіе людей, пребывающихъ самобытно русскими, каковы: Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, Митя, Яша, Гуслинъ, а съ другой стороны—Гордѣй Торцовъ съ его погоней за вѣйшей образованностью и модами подъ вліяніемъ объевропеившагося фабриканта Коршунова. Славянофильскія сердца въ свою очередь должны были радоваться, внимая въ первомъ дѣйствіи слѣдующему разговору Разлюляева съ Гуслинымъ о заморскомъ инструментѣ, въ это время не успѣвшемъ еще войти въ общенародное употребленіе.

Гуслинъ. Эко, дуракъ! На что это гармонію-то купилъ?

Разлюляевъ. Извѣстно на что—играть. Вотъ какъ... (*играетъ*).

Гуслинъ. Ну, ужъ, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорить тебѣ.

А еще въ больший восторгъ должны были славянофилы приходиться при зрѣлищѣ во второмъ дѣйствіи справленія святокъ съ гаданьями, ряжеными, пѣніемъ подблюдныхъ пѣсенъ и слѣдующимъ разговоромъ Пелагеи Егоровны со своими гостями.

Пелагея Егоровна. Я, матушка, люблю по старому, по старому, по старому... да по вашему, по русскому. Вотъ мужъ у меня не любитъ; что дѣлать, характеромъ такой вышелъ. А я люблю, я веселая... да... чтобы потчывать, да чтобы мнѣ пѣсни пѣли... я въ родню свою: у насъ весь родъ веселый... пѣсельники.

1-я гостья. Какъ я посмотрю, матушка Пелагея Егоровна, нѣтъ того веселья, какъ прежде, какъ мы-то были молоды.

2-я гостья. Нѣтъ, нѣту.

Пелагея Егоровна. Я молодая-то была первая затѣйница и поѣтъ, и поплясать—ужъ меня взять... да что пѣсенъ знала! Ужъ теперь такихъ не поютъ.

1-я гостья. Нѣтъ, не поютъ, все новыя пошли.

2-я гостья. Да, да, вспоминаешь старину-то.

Но какъ ни радовались славянофилы, читая подобныя сочувственныя имъ мѣста, все-таки не могли быть вполне довольными Островскимъ: они чувствовали, что не такъ сталъ бы проводить ихъ тенденціи писатель,

глубоко ими проникнутый и принадлежащій къ ихъ лагерю. Островскій не только не изобразилъ въ самомъ идеальномъ свѣтѣ людей, вѣрныхъ старорусскимъ самобытнымъ традиціямъ, но не упустилъ дурныхъ сторонъ и самыхъ этихъ традицій. Изъ этого и вытекло сѣтованіе, которое было высказано на страницахъ *Русской Бесѣды* однимъ славянофильскимъ критикомъ, что у Островскаго «иногда не достаетъ рѣшительности и смѣлости въ исполненіи задуманнаго; ему какъ будто мѣшаетъ ложный стыдъ и робкія привычки, воспитанныя въ немъ натуральнымъ направленіемъ. Оттого нерѣдко онъ затѣетъ что-нибудь возвышенное и широкое, а память о натуральной мѣркѣ испугаетъ его замыселъ; ему бы слѣдовало дать волю счастливому внушенію, а онъ какъ будто испугается высоты полета, и образъ выходитъ какой-то недодѣланный»...

VI.

Это отсутствіе односторонняго увлеченія какою-либо доктриною не мѣшало Островскому глубоко проникаться духомъ времени и принимать живое и горячее участіе въ демократическомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ. И въ самомъ дѣлѣ, плебей по происхожденію и по натурѣ, могъ ли Островскій не увлечься этимъ могучимъ духомъ и не сдѣлаться приверженцемъ новыхъ идеаловъ, вполне соответствующихъ инстинктамъ его природы, всѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ, въ духѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ. Эти идеалы проникаютъ пьесы его, составляютъ главный внутренний нервъ въ развитіи ихъ коллизій.

Но какъ истинно реальный писатель, никогда не упускавшій изъ вида жизни во всей ея сложности и относительности, Островскій не спѣшилъ воплощать свои идеалы въ безплотные образы просвѣщеннѣйшихъ демократовъ, обладающихъ всѣми совершенствами. Напротивъ того, очень часто, подъ радужною личиною высокихъ чувствъ и громкихъ фразъ, онъ разоблачалъ весьма неказистыя качества героевъ, рисовавшихся передовыми свѣтилами прогресса. Въ то же время онъ не упускалъ изъ вида свѣтлыхъ проблесковъ своихъ идеаловъ, откуда бы они ни исходили, изъ-подъ зипуна ли на первый взглядъ грубаго и неотесаннаго купчины, или изъ-подъ рубища бездомнаго бродяги-пропойцы.

Если мы примемъ во вниманіе эти идеалы Островскаго, то такія драмы, какъ *Не въ свои сани не садись* и *Бѣдность не порокъ*, въ которыхъ предполагается наибольшее подчиненіе славянофильскимъ тенденціямъ, сразу получаютъ въ глазахъ нашихъ совѣмъ иной и особенный смыслъ. Такъ, въ драмѣ *Не въ свои сани не садись* является передъ нами борьба не столько старорусскихъ началъ съ западно-европейскими, сколько двухъ общественныхъ слоевъ, находящихя въ антагонизмѣ. Островскій какъ будто нарочно, въ видахъ наибольшаго контраста, выставилъ двухъ лучшихъ представителей російской буржуазно-купеческой среды. Пусть Русаковъ ничего болѣе, какъ торгашъ-тысячникъ, а Бородинъ—самый заурядный виноторговецъ,—мы все-таки видимъ въ нихъ два качества, дѣлающихъ ихъ симпатичными: во-первыхъ, на губахъ ихъ не обсохло деревенское молоко, которымъ питались ихъ дѣды и отцы, и они сохранили еще гуманность, незлобивость, простоту и чистоту нравовъ, которыя

характеризуютъ лучшихъ людей деревни. Въ то же время—это люди энергическаго труда; всѣмъ своимъ благосостояніемъ они обязаны самимъ себѣ; они сознаютъ это и гордятся:

„Какъ остался я послѣ родителей семнадцати лѣтъ,—говоритъ Бородинъ,—всякое притѣсненіе терпѣлъ отъ родныхъ, и теверича который капиталъ отъ тятеньки остался, я даже могъ рѣшиться всего капитала; все это я перенесъ равнодушно, и когда я пришелъ въ возрастъ, какъ должно,—не токма чтобы я промоталъ или тамъ какъ прожилъ, а сами знаете, имѣю, можетъ быть, вдвое-съ, живу самъ по себѣ, своимъ умомъ, и никому уважать не намѣренъ“.

Вдругъ въ среду этихъ людей, гордыхъ тѣмъ, что они живутъ сами по себѣ, своимъ умомъ и никому уважать не намѣрены, вторгается чело-вѣкъ иной среды, иныхъ правилъ и принциповъ,—среды, въ которой искони главнымъ содержаніемъ жизни считался не трудъ, а наслажденіе, на трудъ же смотрѣли, какъ на нѣчто унизительное и презрѣнное. Въ то время, какъ писалась эта пьеса, не было еще и вопроса о дворянскомъ разореніи; но Островскій предвидѣлъ уже это явленіе, живя въ замоскворѣцкой средѣ, въ которую тогда уже вторгались первые пионеры дворянскаго разоренія поправлять разстроенное состояніе женитьбой на богатыхъ купеческихъ дочкахъ. Такимъ пионеромъ является Вихоревъ, обрисовывающійся съ головы до ногъ въ первой же сценѣ пьесы, въ разговорѣ слуги его съ половымъ. Но какъ ни велико нравственное ничтожество подобнаго рода людей, они обладаютъ блестящею внѣшностью, выхолощеною поколѣніями тунеядства, и нужна вся опытность Русакова и закалъ Бородинки, чтобы не быть ослѣпленными и сразу позвать имъ пѣну. Для такихъ же неопытныхъ дѣвушекъ, какъ Авдотья Максимовна, воспитанныхъ въ старинныхъ домостроевскихъ началахъ, подобные коптители неба являются демонами-обольстителями и сердцеѣдами, которымъ ничего не стоитъ придти, увидѣть и побѣдить. Ослѣпленіе Авдотьи Максимовны Вихоревымъ было однимъ изъ часто встрѣчающихся въ русской жизни женскихъ увлеченій новымъ, блестящимъ и загадочнымъ героемъ, не похожимъ на все прискучившее окружающее. А тутъ еще Арина Фёдоровна, помѣшанная на благородствѣ и внѣшнемъ лоскѣ дворянской образованности. И вотъ завязалась одна изъ драмъ, которыя кончаются подчасъ весьма трагически.

Существенною сценою въ драмѣ, рельефно выражающей ея внутренній смыслъ, является разговоръ Вихорева съ Русаковымъ, въ которомъ Вихоревъ проситъ руки его дочери. Здѣсь раскрывается вся непроходимая пропасть, раздѣляющая этихъ людей. Обратите вниманіе на презрительную и язвительную иронию, которою проникнуто каждое слово Русакова. Это именно та самая иронія, которую каждый простой чело-вѣкъ, чуждый тщеславія и гордый сознаниемъ, что онъ всѣмъ обязанъ самому себѣ, долженъ выказывать по отношенію къ промотавшемуся барину, помышляющему лишь о томъ, какъ бы поживиться на счетъ богатаго простачка. Вихоревъ даже въ той сценѣ, гдѣ гонитъ отъ себя Авдотью Максимовну, не столь противенъ, какъ въ объясненіи съ Русаковымъ. Тамъ онъ играетъ въ открытую; здѣсь же старается подольститься къ старику, и сквозь всѣ льстивыя рѣчи его вы чувствуете бездну несправимаго высокомерія. Онъ даже стаканъ чая не можетъ принять безъ рисовки и безтактнѣйшихъ фразъ, въ родѣ нижеслѣдующей: «впрочемъ, сколько я замѣтилъ, ужъ такой обычай у русскаго народа—

потчивать. Я, знаете ли, самъ человѣкъ русскій и, признаться сказать, люблю и уважаю все русское, особенно мнѣ нравится это гостепрѣимство, радушіе». Немудрено, что подобными пошлостями Вихоревъ достигаетъ совершенно противоположнаго: выводитъ Русакова изъ себя и тотъ его выпроваживаетъ со словами: «Пріѣдетъ незваный, непрошенный, да еще и наругается надъ тобой! Провались ты совсѣмъ!»

Послѣ этого естественъ поступокъ Бородинъ, рѣшающагося жениться на Авдотѣ Максимовнѣ, несмотря на ея измѣну и позоръ, постигшій ее послѣ бѣгства съ Вихоревымъ, и совершенно напрасно Добролюбовъ видитъ здѣсь натяжку, такъ какъ во всей пьесѣ «Бородинъ» выставляется благороднымъ и добрымъ по-старинному; послѣдній же его поступокъ во все не въ духъ того разряда людей, которыхъ представителемъ служить Бородинъ, и что авторъ хотѣлъ приписать этому лицу всевозможныя добрыя качества, и въ числѣ ихъ приписалъ даже такое, отъ котораго настоящіе Бородины, вѣроятно, отреклись бы съ ужасомъ».

Во-первыхъ, ни изъ какихъ мѣстъ пьесы нельзя заключить, чтобы Бородинъ былъ благороденъ и добръ какъ-то «по-старинному», а не «по-новому». Онъ благороденъ и добръ просто потому, что такая ужъ натура у него честная, глубокая и любвеобильная; такія натуры можно встрѣтить въ разнородныхъ слояхъ общества, независимо отъ степени образованности и новизны идей, но, конечно, въ средѣ Вихоревыхъ рѣже всего онѣ встрѣчаются.

А, во-вторыхъ, что же несообразнаго, что человѣкъ съ натурою Бородинъ принялъ подъ защиту страстно любимую дѣвушку? Неужели же подобный великодушный поступокъ только и свойственъ высокообразованной средѣ, а среди людей простыхъ и темныхъ немыслимъ? Предполагать это не значитъ ли держаться взглядовъ Вихорева, который находилъ, что, «естъ ли какая возможность говорить съ этимъ народомъ, ломить свое—ни малѣйшей деликатности!» Островскій, повидимому, нарочно выставилъ контрастъ великодушія Бородинъ и грубаго эгоизма Вихорева, чтобы показать, гдѣ слѣдуетъ искать истинной деликатности чувствъ, и это былъ первый рѣшительный и смѣлый выходъ его на путь народныхъ демократическихъ идеаловъ.

Въ комедіи *Бѣдность и порокъ* мы не видимъ столь рѣзкаго столкновения двухъ слоевъ общества. Дѣйствіе сосредоточивается здѣсь исключительно въ купеческой средѣ. Но и здѣсь въ основѣ лежитъ та же чисто демократическая идея. Сюжетъ комедіи напоминаетъ массу народныхъ легендъ о двухъ братьяхъ: богатомъ и бѣдномъ. Раздѣлили братья поровну оставшееся послѣ отца имущество; но пошли разными путями: одинъ былъ женолюбивъ и загребистъ, отцовское наслѣдіе приумножилъ вдвое и вчетверо и сдѣлался первымъ богачемъ въ городѣ; а другой былъ хотя и добръ, и тароватъ, но легкомысленъ; онъ вдался въ веселую и распутную жизнь, увлекся вѣшнимъ блескомъ и мишурою,—и все отцовское наслѣдство растрагилъ. Казалось бы, первый заслуживаетъ полной похвалы, а послѣдній—порицанія, а между тѣмъ въ результатъ вышло нѣчто совершенно противоположное: разжившійся братъ загордился, сдѣлался лютымъ тираномъ въ своей семьѣ и, высоко возмнивши о себѣ, окружилъ себя тлетворною роскошью, мечтая встать на дворянскую ногу. Разорившійся братъ, дойдя до послѣдней степени нищеты и

униженія, обратившись въ базарнаго шута, питавшагося купеческими подачками за свое гасерство, раскаялся въ прежней безпутной жизни, и горькія испытанія, какія онъ перенесъ, довели его до свѣтлаго сознанія, что не богатство, не роскошь, не блескъ, а честный трудъ возвышаетъ человѣка.

„Свели меня добрые люди въ больницу, говоритъ онъ,—какъ сталъ я выздоравливать да въ разсудокъ входить, хмели-то нѣтъ въ головѣ—страхъ на меня напалъ, ужасъ на меня напалъ!.. Какъ я жилъ? Что я дѣлалъ? Сталъ я тосковать, да такъ тосковать, что, кажется, умереть лучше. Такъ ужъ рѣшился, какъ совсѣмъ выздоровѣю, такъ сходить Богу помолиться, да идти къ брату, пусть возьметъ хоть въ дворники. Такъ и сдѣлалъ. Бухъ ему въ ноги!.. Будь, говорю, вмѣсто отца: жилъ такъ и такъ, теперь хочу за умъ взяться“.

Но совершенно согласно народнымъ легендамъ въ этомъ родѣ, богатый и возгордившійся братъ гонить отъ себя бѣднаго, раскаявшагося родственника:

„А ты знаешь,—говоритъ бѣдный братъ,—какъ братъ меня принялъ? Ему, видишь, стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человѣкъ буду. Такъ нѣтъ, говоритъ, куда я тебя дѣну? Ко мнѣ гости хорошіе ѣздить, купцы богатые, дворяне; ты, говоритъ, съ меня голову снимешь. По моимъ чувствамъ и понятіямъ мнѣ бы совсѣмъ, говоритъ, не въ этомъ роду родиться. Я, видишь, говоритъ, какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тятенька мужикъ былъ? Съ меня, говоритъ, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразилъ ты меня, какъ громъ!..“

На такой же глубоко человѣчной морали народныхъ легендъ построена комедія и въ дальнѣйшемъ развитіи. Высокомѣрная гордыня богатаго брата, Гордѣя Торцова, доводитъ его до того, что онъ готовъ погубить свою единственную дочь, выдавши ее насильно замужъ за злого старика Коршунова, вколотившаго уже въ гробъ двухъ женъ. Онъ и самъ близокъ къ гибели подъ тлетворнымъ вліяніемъ Коршунова, который, разжигая въ немъ суетныя страсти, въ концѣ концовъ обобралъ бы его подобно тому, какъ онъ обобралъ уже и Любима Торцова. Спасителемъ его является тотъ самый нищій, оборванный и запивающій братъ, котораго онъ прогналъ изъ своего дома съ черствою безчеловѣчностью. Любимъ Торцовъ останавливаетъ его на краю пропасти и пробуждаетъ въ немъ совѣсть патетическою тирадою, которую безъ преувеличенія можно назвать гимномъ труда и бѣдности:

„Человѣкъ ты или звѣрь? Пожалѣй ты и Любима Торцова! (становится на колѣни). Братъ, отдай Любашу за Мину — онъ мнѣ уголь дастъ. Назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ ваяничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то, да честно пожить. Вѣдь я народъ обманывалъ, просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. Мнѣ работишку дадутъ; у меня будетъ свой горшокъ шей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Братъ! и моя слеза до неба дойдетъ. Что онъ бѣденъ-то! Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкъ былъ. Бѣдность—не порокъ“.

Въ этой тирадѣ сосредоточена вся философія комедіи,—противопоставленіе честной, трудовой бѣдности суетному и высокомѣрному тщеславію мисурнымъ богатствомъ.

Послѣ комедіи *Бѣдность не порокъ*, въ 1854 г., Островскій написалъ народную драму изъ жизни XVIII столѣтія *Не такъ живи, какъ хочется*, и въ этой драмѣ болѣе чѣмъ въ предыдущихъ онъ подчиненъ славянофильскимъ тенденціямъ. Этою драмою Островскій словно заплатилъ послѣдній долгъ доктринамъ, которыя вліяли на него въ молодые годы, и затѣмъ окончательно освободился отъ нихъ. Замѣчательно, что эта единственная драма Островскаго, которую можно назвать реакціонною, была написана какъ разъ въ послѣдній моментъ реакціи, передъ самымъ

ме за
мисур
а за
Мину

разсвѣтомъ, когда вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ и самъ драматургъ готовился воскреснуть къ новой и болѣе широкой дѣятельности.

Въ драмѣ этой представляется торжество именно тѣхъ самыхъ мистико-аскетическихъ и домостроевскихъ идеаловъ, противъ которыхъ готова была возстать русская мысль. Вся драма переполнена тирадами въ мрачномъ духѣ семейнаго деспотизма, въ родѣ того, что «своевольщина-то и все такъ живетъ; надѣлаютъ дѣла, не спросясь у добрыхъ людей, а спросясь только у *воли своей дурацкой*, да потомъ и плачутся... известно, по своей волѣ легче жить, чѣмъ по закону; *да своя-то воля и въ пропасть ведетъ*». Тирады эти вкладываются въ уста такихъ людей, какъ Илья, Агаѳонъ, Степанида, играющихъ въ драмѣ роль хранителей спасительныхъ традицій. Противъ этихъ кряжей стоятъ молодые, своевольные люди, вздумавшіе нарушить традиціи: такъ, молодой купчикъ Петръ, вмѣсто того, чтобы честнымъ обычаемъ жениться на Дашѣ, съ благословенія родительскаго, увозить ее тайкомъ; затѣмъ охладѣваетъ къ ней, начинаетъ ухаживать за Грушей, дочерью содержательницы постоялаго двора; жена его, узнавъ объ измѣнѣ мужа, бросаетъ его и бѣжитъ къ родителямъ. Но старыя традиціи не терпѣли, чтобы жена при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ могла разойтись съ мужемъ, и отецъ Даши, Агаѳонъ, оплакивая судьбу дочери, тѣмъ не менѣе вновь водворяетъ ее въ домъ мужа, говоря: «ты одно пойми, дочка моя милая: Богъ соединилъ, человекъ не разлучаетъ. Отцы наши такъ жили, не жаловались, не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ? Пойдемъ къ мужу!»...

Конецъ драмы вполне оправдываетъ спасительность старыхъ традицій. Отвергнутый любовницей, узнавшей, что онъ женатый уже человекъ, Петръ, доведенный гульбой почти до гибели, очнулся на краю проруби, съ раскаяніемъ возвратился къ пенатамъ и повалился въ ноги родителямъ Даши со словами: «вотъ до чего гульба доводитъ!», а Агаѳонъ на это правоучительно замѣтилъ своей дочери: «что, дочка, говорилъ я тебѣ?»

Это приторное примиреніе при звонѣ великопостнаго колокола съ произнесеніемъ сентенціи прописной морали производить на зрителей впечатлѣніе рѣзкаго диссонанса. Они никакъ не могутъ повѣрить, чтобы Петръ могъ сразу раскаяться и, бросившись въ объятія жены, сдѣлаться примѣрнымъ семьяниномъ, тѣмъ болѣе, что совершенно иначе кончаются подобныя драмы въ жизни. Недаромъ и пословица сложена: повадился кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову сложить. Поэтому драма является какъ бы неоконченною, это одинъ лишь изъ ея эпизодовъ; отъ Петра можно ожидать новыхъ загуловъ, какъ это всегда бываетъ съ подобными натурами,—и мы вполне оправдываемъ Сѣрова, который, избравъ для своей оперы сюжетъ этой драмы, настоялъ на томъ, чтобы конецъ ея былъ измѣненъ въ либретто: чтобы драма завершилась убійствомъ Даши.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

I. Переломъ въ творчествѣ Островскаго съ наступленіемъ эпохи реформъ и увлеченіе прогрессивными идеями. Значеніе пьесъ *Въ чужомъ пиру похмелье* и *Не все коту масленица*, какъ похоронъ самодурства. Драма *Гроза* и противоборство ея съ драмою *Не такъ живи, какъ хочется*.—II. Общее резюме всего вышесказаннаго. Положительные типы Островскаго.—III. Отрицательные типы. Универсальность изображенія русской жизни. Богатство языка.—IV. Драматическая дѣятельность И. С. Тургенева и Писемскаго. Трилогія А. К. Толстого. Александръ Ивановичъ Пальмъ. Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.—V. Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ. И. Е. Чернышевъ. Николай Яковлевичъ Соловьевъ. Викторъ Александровичъ Крыловъ. Дмитрій Васильевичъ Аверкиевъ и проч.

I.

Послѣ драмы *Не такъ живи, какъ хочется*, Островскій, какъ мы говорили, вышелъ на новую дорогу. Въ слѣдующей же пьесѣ *Въ чужомъ пиру похмелье*, относящейся къ 1856 году, является совершенно иной духъ, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ пьесахъ. Здѣсь снова мы видимъ противоположеніе двухъ слоевъ общества, но уже не положительныя стороны купеческой среды противопоставляются отрицательнымъ среды дворянской, какъ это было въ драмѣ *Не въ свои сани не садись*. Купеческая среда изображена здѣсь въ видѣ Тита Титыча Брускова, представляющаго сложный типъ, соединяющій въ себѣ семейнаго деспота въ домостроевскомъ духѣ, необузданнаго самодура, привыкшаго, чтобы передъ силой его капитала все падало ницъ, и неотесаннаго дикаря, никогда и не слыхавшаго, что могутъ существовать такія вещи, какъ безкорыстіе, честность, чувство собственнаго достоинства и т. п. Противъ этого чудовища противопоставляется среда интеллигентнаго пролетаріата, того самаго просвѣщеннаго разночинства, какое въ то время становилось во главѣ умственнаго движенія.

Содержаніе комедіи заключается въ побѣдѣ нравственной и просвѣтительной силы Ивана Ксенофонтовича Иванова надъ грубой матеріальной и темной силой Брускова. Поступокъ Иванова производитъ на Брускова впечатлительнѣе ослѣпительнаго луча свѣта, внезапно ворвавшагося въ мглу, которая окружала старика съ колыбели. Онъ ошеломленъ этимъ свѣтомъ, потрясенъ. И еще бы: въ первый разъ въ продолженіе всей жизни онъ встрѣчаетъ человѣка бѣднаго, живущаго честнымъ трудомъ, котораго ему ничего не стоитъ раздавить, и этотъ ничтожный червякъ не преклоняется передъ его могуществомъ, отказывается отъ денегъ и честь считаетъ выше всякихъ своекорыстныхъ исканій. Онъ долго не вѣритъ возможности существованія подобнаго необычнаго явленія, смѣется надъ нимъ, подозрѣвая подвохъ, но когда сомнѣнія разсѣиваются, доходить въ глубокой задумчивости до столбняка, потрясенный всѣмъ, что раскрылось передъ нимъ, и впервые яркій лучъ сознанія врывается въ него. «Деньги и все это—тлѣнъ, металлъ звенящій! Помремъ—все останется». Въ этихъ словахъ выразилось то самоотрицаніе, на которое способенъ бываетъ русскій человѣкъ всѣхъ положеній и степеней умственнаго развитія. Правда, въ слѣдующей, заключительной сценѣ комедіи Брусковъ остается тѣмъ же самодуромъ съ его восклицаніями: «не смѣйте

со мною разговаривать» и «я приказываю»,—но это показываетъ только, что мысли человѣка мѣняются скорѣе, чѣмъ привычки, привитыя воспитаніемъ. Довольно и нравственнаго перелома, который заставляетъ Брускова отдѣлать сына и требовать, чтобъ тотъ шелъ къ Иванову и кланялся ему въ ноги, прося руки его дочери. Это уже одно примиряетъ съ Брусковымъ, и зрители выносятъ изъ пьесы нравственное удовлетвореніе и даже побѣдное ликование, соответствующее той свѣтлой и бодрой эпохѣ, въ которую была написана эта драма.

Пятнадцать лѣтъ спустя, въ 1871 году, Островскій вновь возвратился къ той же темѣ—посрамленію самодурства—въ пьесѣ *Не все кому масленица*; но мы видимъ большую разницу между этой пьесой и предыдущей. Видно, что недаромъ прошли 15 лѣтъ, и во многомъ измѣнились и эпоха, и углы зрѣнія автора. Тотъ же Брусковъ въ образѣ Ахова представленъ здѣсь уже не только патриархальнымъ самодуромъ въ нѣдрахъ семейства, а захваченъ гораздо шире, являясь наглымъ эксплуататоромъ рабочаго труда на экономической почвѣ: въ столкновеніи съ племянникомъ Ипполитомъ онъ бьетъ уже не домоостровскимъ кулакомъ, а рублемъ. Онъ попрежнему величается, говоря, что «не одни даже сотни людей въ нашихъ рукахъ, такъ, какъ намъ собой не возноситься?» и что «для нашего брата, ежели что захотѣлось, дорогого нѣтъ, а у вашей нищей братіи ничего завѣтнаго нѣтъ, все продажное». Но во всякомъ случаѣ это величіе оципанное. Аховъ уже не ждетъ, чтобы нищая братія шла къ нему, а самъ снисходитъ къ ней въ ея бѣдную хижину.

Въ то же время побѣда надъ самодурствомъ производится уже не нравственною силою безкорыстія Иванова. Видно, что въ 15 лѣтъ была утрачена уже свѣтлая вѣра во всепобѣждаемость нравственныхъ силъ, какою было преисполнено наше общество въ половинѣ пятидесятихъ годовъ. Если наивнаго дикаря Брускова можно было потрясти зрѣлищемъ человѣка, для котораго честь дороже денегъ, то смѣшно было бы предполагать возможность нравственнаго пробужденія въ Аховѣ, который при видѣ племянника, готоваго зарѣзаться, заботится лишь о томъ, что «съ двора-то его сбыть бы, а тамъ рѣжься, сколько душѣ угодно».

Поэтому и орудіями борьбы являются уже не высшаго порядка добродѣтели Иванова, а чисто боевыя силы, умъ и отвага, и Агнія возбуждаетъ своего жениха противъ Ахова, смѣясь надъ его трусостью. Возбуждаемый этими внушеніями, Ипполитъ, рѣшаясь на рискованную сцену самоубійства передъ Аховымъ, самъ считаетъ ее не чѣмъ инымъ, какъ «игрою ума». Вынудивъ «игрою ума» у Ахова заработанныя имъ 15,000, онъ въ то же время не возбуждаетъ въ дядѣ никакой нравственной реакціи: Аховъ остается Аховымъ, и лишь чувствуя себя побѣжденнымъ, видя, что его перестали и уважать, и бояться, какъ утопающій хватается за соломинку, старается удержаться въ рукахъ хотя бы внѣшнія прерогативы падшаго величія. Тѣ двѣ сцены, гдѣ Аховъ умоляетъ Ипполита почтить его старика и по родственному поклониться ему въ ноги, а затѣмъ—другая, гдѣ онъ предлагаетъ побѣдителямъ за большія деньги подвергнуться добровольному позору, чтобы хоть этимъ вознаградить себя за падшее величіе,—принадлежатъ къ величайшимъ откровеніямъ драматическаго творчества. Не менѣе глубокимъ смысломъ исполненъ послѣдній монологъ Ахова, въ которомъ самодурство поетъ свою лебединую пѣсню и хоронитъ самого себя.

„Какъ жить? Какъ жить? Родства народъ не уважаетъ, богатству грубить смѣетъ! Дадя говорить: поклонись по родственному! Не могу. Ну, поклонись ты, нищій, хоть за деньги! Не хочу. Умереть ужъ лучше поскорѣй, загодя. Все равно, вѣдь, развѣ свѣтъ-то на такихъ порядкахъ долго прстоитъ? А какъ отцы-то жили? Куда они дѣлись, тѣ порядки старые, крѣпкіе? Развратъ что ли въ мѣрѣ пошелъ? Такъ его и прежде, пожалуй, еще больше было! Бѣсъ что ли промежду людей ходитъ, да смущаетъ ихъ? Отчего вы не лежите въ ногахъ у меня постарому, а я же стою предъ вами весь обруганный безъ всякой моей вины?“

Однимъ словомъ, Аховъ—не Брусовъ, котораго можно было пронять зрѣлищемъ нравственной доблести и довести до сознанія, что деньги—тлѣнъ, металлъ звенящій; это—представитель закоренѣлаго самодурства, неспособнаго ни на одну іоту поступиться своимъ ореоломъ, и ему остается лишь величественно удалиться со сцены, сѣтуя на общее развращеніе, предрекая гибель и проклиная всѣхъ окружающихъ, переставшихъ преклоняться и трепетать передъ нимъ.

Похоронивши самодурство, Островскій не замедлил въ лучшей своей драмѣ *Гроза* обрушиться на домостроевскіе идеалы въ ихъ принципиальномъ смыслѣ. Драма *Гроза* представляетъ полный контрастъ сравнительно съ драмою *Не такъ живи, какъ хочется*. Тамъ людей губитъ отступленіе отъ домостроевскихъ принциповъ, ведетъ въ пропасть своя воля дурацкая:—здѣсь наоборотъ раскрывается вся гибельность самихъ этихъ принциповъ: люди погибаютъ оттого, что ихъ воля скована тяжелыми оковами семейнаго деспотизма, ихъ душитъ вѣчная опека надъ ихъ нравственностью и каждымъ шагомъ.

Кабанова является въ этой драмѣ такою же представительницею домостроевскихъ принциповъ, какъ Илья или Агаѣонъ въ драмѣ *Не такъ живи, какъ хочется*. Ее отнюдь нельзя ставить въ одну категорію съ Дикимъ или Брусовымъ. У тѣхъ самодурство исходитъ изъ мѣшка съ деньгами, не имѣя никакихъ нравственныхъ основаній, и выражается безсмысленнымъ афоризмомъ: «Я такъ хочу, кто я? и моему ндраву не прещяетствуи!..» По существу же они люди совершенно безхарактерные, способные поддаваться порой и великодушнымъ порывамъ, и къ довершенію всего они трусы и тотчасъ же дѣлаются тише воды, ниже травы, едва встрѣчаютъ мужественный отпоръ или призракъ опасности.

Совершенно не такова Кабанова. У нея постоянно на устахъ нравственные сентенціи. Всѣ ея сужденія исполнены строгой логики. Она не развратничаетъ, не самодурствуетъ, а строго блюдетъ домъ свой и держитъ домоладцевъ въ страхъ, потому что такъ подобаешь по стародавнимъ праотеческимъ завѣтамъ. Она фанатично вѣритъ въ этотъ страхъ не ради самоуслажденія имъ, а потому, что по ея незыблемому убѣжденію безъ этого страха всѣ сейчасъ же совратятся съ пути и все развалится, и, когда сынъ замѣчаетъ ей, что зачѣмъ же Катеринѣ бояться его, довольно, что она его любитъ, Кабановой кажется, что сынъ ея совсѣмъ съ ума спятилъ.

„Какъ зачѣмъ бояться?—говоритъ она,—какъ зачѣмъ бояться? Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станеть бояться, меня и подавно. Какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ? Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али по вашему законъ ничего не значить? Да ужъ коли ты такіа дурацкіа мысли въ головѣ держишь, ты бы при ней-то, по крайней мѣрѣ, не болтаешь, да при сестрѣ при дѣвкѣ; ей тоже замужъ идти: этакъ она твоей болтовни заслушается, такъ послѣ мужъ-то намъ спасибо скажетъ за науку. Видишь ты, какой еще умъ-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.“

И до конца драмы Кабанова осталась вѣрна своей безопадной ло-

гикѣ, ни на минуту не поколебалась, не раскаялась, и все развернувшіяся событія еще болѣе утвердили ее въ ея убѣжденіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ невѣстка своей измѣной мужу не осрамила ея дома и не оправдала ея ненависти къ ней?—«Что, сынокъ,—обратилась она къ Кабанову:—куда воля-то ведетъ! Говорила я тебѣ, такъ ты слушать не хотѣлъ. Вотъ и дождался!» Развѣ не тѣми же глазами смотрѣли бы на поступокъ Катерины Илья и Агаѳонъ и не тѣми словами осудили бы ее?

Но въ то же время какая пропасть раздѣляетъ драмы *Не такъ живи и Грозу!* Въ первой—Илья и Агаѳонъ являются положительными типами, нравственными устоями, устраивающими счастье своихъ дѣтей силою тѣхъ самыхъ принциповъ, во имя которыхъ Кабанова губитъ своихъ домочадцевъ. Въ *Грозѣ* положительнымъ началомъ является семья Катерины, воспитавшая дѣвушку въ духѣ любви, гуманности и полной свободы.

„Такая ли я была!—вспоминаетъ Катерина:—я жила, ни о чемъ не тужила, точно птичка на волѣ. Маменька во мнѣ души не чаяла, наряжала какъ куклу, работать не принуждала, что хочу бывало, то и дѣлаю. Знаешь, какъ я жила въ дѣвушкахъ? Вотъ я тебѣ сейчасъ расскажу. Встану я бывало рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключокъ, умоюсь, принесу съ собой водицы и все, все цвѣты въ домъ полью. У меня цвѣтовъ много, много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церковь, все, и странницы,—у насъ полонъ домъ былъ странницъ да богомолковъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую-нибудь работу, больше по бархату золотомъ, а странницы станутъ рассказывать: гдѣ онъ былъ, что видѣли, житія разные, либо стихи поютъ. Такъ до обѣда время и пройдетъ. Тутъ старухи уснуть могутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечеру, а вечеромъ опять рассказы да пѣніе. Таково хорошо было!...“

Не менѣе положительнымъ началомъ драмы является самоучка-часовщикъ Кулигинъ, опять-таки разночинецъ съ порывами къ знанію, свѣту, кроткимъ, гуманнымъ, свободолюбивымъ и любвеобильнымъ сердцемъ. Онъ играетъ въ драмѣ роль хора древнихъ трагедій, выражая и общественное мнѣніе, и взгляды самого автора на представляемые явленія жизни. Это одинъ изъ немногихъ случаевъ въ дѣятельности Островскаго, что онъ самъ является на сцену, произнося устами Кулигина свой судъ надъ дѣйствующими лицами драмы.

II.

Все вышесказанное приводитъ насъ къ окончательному убѣжденію, что въ основѣ пьесъ Островскаго лежатъ демократическіе идеалы, принимая слово это не въ политическомъ смыслѣ приверженности къ общественнымъ формамъ, свойственнымъ демократическимъ принципамъ, а въ смыслѣ индивидуально-нравственномъ, бытовомъ. Вездѣ противопоставляются простота, незлобіе, честность, правдивость, отвага въ борьбѣ со зломъ и неусыпное трудолюбіе—лѣни, распущенности, сластолюбію, безхарактерности, внѣшнему блеску, рисовкѣ, наконецъ, необузданному своеволію и самодурству, какія гнѣзятся тамъ, гдѣ основой жизни являются не трудъ, а «бѣшенныя деньги», какъ мѣтко окрестилъ Островскій готовые ресурсы, которые словно съ неба сваливаются счастливымъ міра въ видѣ то наслѣдства, то даровыхъ наживъ всякаго рода.

Передъ нами проходитъ рядъ личностей глубоко-симпатичныхъ, заставляющихъ васъ отдыхать душою и мириться съ жизнью. Но это не

воплощенные идеалы и не представители одной какой-либо излюбленной авторомъ среды. Мы видимъ людей разнородныхъ слоевъ общества, далекихъ отъ безусловнаго совершенства, иногда крайне смѣшныхъ и неуклюжихъ. Рядомъ съ сильными духомъ и волею личностями, въ которыхъ жажда добра и свѣта преобладаетъ надо всѣмъ и которыя каждую минуту готовы пожертвовать жизнью за ближнихъ,—каковы, на примѣръ: Марья Андреевна Незабудкина (*Бѣдная невѣста*), Анна Павловна Оброшенина (*Шутники*), Агнія Крутлова (*Не все коту масленица*), Параша Куролѣпова (*Горячее сердце*), Геннадій Несчастливцевъ (*Лясъ*) и пр., къ этой же категоріи относятся и такія загнанныя, забытыя, ничтожныя и въ высшей степени комическія личности, какъ: Иванъ Ксенофоновичъ Ивановъ (*Въ чужомъ тиру похмелье*), Павелъ Прохоровичъ Оброшенинъ (*Шутники*), этотъ московскій Трибуле, подобно герою В. Гюго, скрывающій подъ личиною униженнаго шутства гордость, чувство человѣческаго достоинства и нѣжное, любвеобильное сердце; наконецъ, Іосифъ Наумичъ Коршловъ съ своимъ оптимизмомъ нищеты и Любимъ Торцовъ, просвѣтленный горькимъ опытомъ безпутной жизни. Всѣ эти герои, требующіе отъ актера тщательнаго грима, чтобы при одномъ появленіи ихъ на сцену публика расхохоталась или ахнула отъ ужаса и состраданія къ ихъ убожеству,—глубоко трогаютъ зрителей своимъ душевнымъ величіемъ и посрамляютъ сильныхъ міра, глумящихся надъ ними и величающихся въ гордомъ высокомеріи и закорузлой черствости сердца.

Островскій не ограничивается и этими смѣшными, но въ то же время въ высшей степени трогательными личностями, а идетъ далѣе, доходитъ до такой поразительной смѣлости въ безпристрастномъ реализмѣ, взвѣшивающемъ явленія жизни не въ безусловномъ совершенствѣ, а въ отношеніи другъ къ другу, что для него достаточно бываетъ одного положительнаго качества, въ родѣ крупницы здраваго смысла, энергіи или стойкости, для того, чтобы личность, сама по себѣ вовсе несимпатичная, составляла противовѣсъ ряду отрицательныхъ явленій, изображаемыхъ въ пьесѣ.

Таковъ, на примѣръ, Ник. Борисовичъ Неуѣденовъ (*Праздничный сонъ до обѣда*). Передъ вами сидитъ грубый, неотесанный купчина въ простой русской рубахѣ и грызетъ орѣхи, разбивая ихъ булыжникомъ, который ему принесли со двора; говоритъ всѣмъ напрямки, что про кого думаетъ, такъ и сыплетъ грубостями направо и налево. Въ семьѣ онъ, навѣрное, крутой самодуръ, въ родѣ Кита Китыча Брускова. Но это не мѣшаетъ ему разыгрывать роль Правдина, и устами его говорить самъ авторъ, когда Неуѣденовъ резонируетъ по поводу прожившихся дворянчиковъ и всякаго рода стрекулистовъ, которые мечтаютъ поправить состояніе женитьбою на богатыхъ купчихахъ. Рѣчи его, полныя глубокой и мѣткой правды, заслоняютъ антипатичныя стороны и дѣлаютъ его самымъ привлекательнымъ лицомъ пьесы.

Еще болѣе рѣзкій примѣръ представляетъ собою Савва Геннадіевичъ Васильковъ въ комедіи *Бѣшенныя деньги*. Типъ совершенно новый въ нашей жизни, онъ самъ по себѣ еще болѣе антипатиченъ, чѣмъ всѣ самодуры пьесъ Островскаго, вмѣстѣ взятые. Съ самодурами насъ могла мирить до нѣкоторой степени широта русской натуры и способность въ роковой моментъ вдругъ очнуться отъ всѣхъ мерзостей, просвѣтлѣть и

блеснуть великодушнымъ поступкомъ. Васильковъ—закаленный буржуа въ европейскомъ духѣ; у него каждый шагъ разсчитанъ въ видахъ наживы; никакое чувство не заставитъ его выйти изъ бюджета. Онъ влюбляется въ Лидію не иначе, какъ разсчитывая, что у него особаго рода дѣла и ему необходима такая жена, блестящая и съ хорошимъ тономъ; въ самомъ разгарѣ увлеченія онъ разсуждаетъ: «хорошо еще, что у меня воля твердая, и я, какъ бы ни увлекался, изъ бюджета не выйду. Ни, Боже мой! Эта строгая подчиненность бюджету не разъ спасала меня въ жизни». Лидія прямо объявляетъ ему, что не любитъ его, а онъ все-таки женится на ней, въ тѣхъ же практическихъ расчетахъ, и, наконецъ, покоряетъ ее своей власти, пользуясь разореніемъ, до какого доводитъ дѣвушку безпутное мотовство, дѣлаетъ ее своей рабой, заставляя измѣнить образъ жизни, и служить его финансовымъ цѣлямъ. Страшное впечатлѣніе производятъ на васъ этотъ представитель нарождающейся силы, съ которой придется мѣряться не однѣмъ Лидіямъ; но въ то же время такое отвратительное зрѣлище представляютъ Телятевы, Кучумовы, Глумовы, Чебоксаровы и прочіе герои среды, дошедшей до крайняго разложенія нравовъ, что Васильковъ кажется героемъ среди этихъ господъ,—своего рода солью земли.

III.

Мы говорили выше, что Островскій приписываетъ пороки той порчѣ нравовъ, какая является на почвѣ даровыхъ хлѣбовъ. Какъ стремленіе захватить въ свои руки помимо труда «бѣшенныя деньги», такъ и долгое пользованіе этими «бѣшенными деньгами» влекутъ за собой въ равной степени разнообразныя искаженія человѣческой природы. Купеческое самодурство является однимъ изъ наиболѣе грубыхъ, элементарныхъ, примитивныхъ видовъ нравственной порчи; это—первый шагъ на скользкомъ пути только-что успѣвшаго разбогатѣть простаго русскаго деревенскаго человѣка. Самодуръ—дикарь, невзыскательный въ привычкахъ и требованіяхъ; все тщеславіе богатствомъ заключается у него въ томъ, что онъ бросаетъ деньги зря, направо и налево.

Въ иномъ видѣ рисуются въ пьесахъ Островскаго культурные люди, въ которыхъ нравственная порча глубоко внѣдрилась, до мозга костей, хотя и скрывается подъ блестящею внѣшностью поверхностной образованности, утонченныхъ вкусовъ и изящныхъ манеръ. Здѣсь кишатъ несмѣтныя гниды отвратительныхъ пороковъ, передъ которыми купеческія безобразія кажутся лишь глупыми шалостями дурно-воспитанныхъ дѣтей. Поэтому и отношеніе Островскаго къ отрицательнымъ типамъ культурной среды не въ примѣръ безпощаднѣе. Не говоря о благодушномъ Русаковѣ, даже и такіе безобразники, какъ Большовъ или Брусковъ, могутъ казаться невинными ангелами сравнительно съ Уланбековой, съ ея жаднымъ и безпощаднымъ тиранствомъ подъ личиною лицемѣрнаго пуризма; Мурзавецкой, готовой во имя Господне снять съ ближняго послѣднюю рубашку; Надеждой Антоновной Чебоксаровой, ради снисканія благъ земныхъ открыто и беззастѣнчиво торгующей честью своей дочери; наконецъ, Всеволодомъ Вячеславичемъ Гнѣвышевымъ, которому ничего

не стоитъ, несмотря на почтенныя сѣдины и высокое положеніе въ обществѣ, обезчестить сироту, опекаемую имъ родственницу, и обратить ее въ содержанку. Въ культурной средѣ даже люди, повидимому чистые, безкорыстные и полные высокихъ стремленій, въ концѣ концовъ оказываются никуда не годными тряпками по крайнему слабодушію, безхарактерности, нервной развинченности. Таковъ Жадовъ, въ лицѣ котораго Островскій предсказалъ грядущую судьбу молодыхъ тогда еще прогрессистовъ, которые въ 1856 году,—когда была написана комедія *Доходное мѣсто*,—выступали впередъ съ рьяными обличеніями взяточничества и казнокрадства, громкими криками о наступленіи новой эры въ общественной жизни, о возрожденіи, пробужденіи и т. п. Островскій своею комедіею словно напутствовалъ ихъ, говоря: «Потише, друзья, не бѣснуйтесь, не храбритесь и не геройствуйте; все это, вѣдь, однѣ громкія фразы, отъ которыхъ до дѣла очень еще далеко. Чтобы быть истинными героями, необходимъ такой нравственный закалъ, котораго вы не имѣете, необходимо быть готову отказаться отъ всѣхъ земныхъ благъ, а вы, если не честолюбивы и не сластолюбивы, то навѣрно женолюбивы; у васъ нѣжное сердце, готовое растаять при видѣ перваго смазливенькаго личика, и вы способны беззавѣтно увлечься этимъ личикомъ, не входя въ тщательный анализъ, что заключается подъ нимъ, и есть ли тамъ какое-нибудь содержаніе. Если вы не уступите ни на іоту Юсовымъ и Бѣлогубовымъ по собственной инициативѣ, то подъ вліяніемъ предмета страсти не замедлите войти въ цѣлый рядъ сдѣлокъ съ совѣстью,—и Вишневыскіе, Юсовы и Бѣлогубовы скоро убѣдятся, что вы вовсе не такъ страшны, какъ кажется, что вы—ихъ же поля ягода».

Что касается внѣшняго содержанія пьесъ Островскаго, то, когда мы будемъ перечитывать ихъ подъ-рядъ, насъ поразитъ необъятная широта захвата Островскимъ русской жизни въ ея настоящемъ и прошломъ. До такой универсальности не доходилъ еще ни одинъ изъ нашихъ писателей, кромѣ развѣ Пушкина и графа Л. Толстого. Захотите вы отрѣшиться отъ настоящаго времени въ глубь прошлаго,—и передъ вами встаетъ древняя Русь, начиная съ до-историческихъ мифическихъ временъ (*Снѣгурочка*) и кончая смутною эпохою междуцарствія; вы видите и грозную личность Іоанна съ его свирѣпыми казнями и женолюбіемъ; и безпечнаго, легкомысленнаго Дмитрія; и хитраго, злопамятнаго Шуйскаго; передъ вами развертываются интриги и казни бояръ, мятежные крики разсвирѣпѣвшей московской черни, взрывъ народнаго энтузіазма, возбужденнаго великимъ нижегородскимъ мясникомъ, и всеобщее шатаніе и разложеніе нравовъ, какое предшествовало петровской реформѣ (*Воевода*).

Обратитесь къ современной жизни,—здѣсь поразятъ васъ еще большія пестрота и разнообразіе образовъ: какихъ только людей, характеровъ, нравовъ не встрѣтите вы въ десяти томахъ сочиненій Островскаго: тутъ дворяне важивающіеся и дворяне разоряющіеся, проматывающіе послѣднія крохи; помѣщицы-тиранки на почвѣ крѣпостного права; купцы-самодуры, напивающіеся до чортиковъ; благодушные или суровые хранители домостроевскихъ завѣтовъ; безсердечные, черствые столичные бюрократы, одѣтые съ иголки и тщеславящіеся своей строгой порядочностью, и грязные подъячіе, играющіе роль купеческихъ шутовъ; дѣльцы, прожигатели жизни—столичные и провинціальныя, скряги, моты, странствующие ак-

теры, нищѣ-мѣщане, едва не умирающіе съ голоду,—словомъ, передъ вами современная жизнь, во всемъ ея пестромъ разнообразіи и безобразіи. Единственно, чего не достаетъ въ пьесахъ Островскаго, — крестьянъ въ ихъ сельскомъ бытѣ. Это обуславливается, конечно, тѣмъ, что, проживъ большую часть жизни въ городѣ, Островскій мало былъ знакомъ съ деревенской жизнью.

Наконецъ, поражаетъ въ пьесахъ Островскаго и языкъ, какимъ говорятъ дѣйствующія лица. Мало сказать, что это языкъ естественный и соответствующій выводимымъ личностямъ: по народности, образности, мѣткому неподражаемому юмору и соли онъ представляетъ богатѣйшую сокровищницу русской рѣчи. Мы можемъ въ этомъ отношеніи поставить въ одинъ рядъ лишь трехъ писателей: Крылова, Пушкина и Островскаго. Глубокую истину сказалъ Пушкинъ, что русскому языку слѣдуетъ учиться у московскихъ просвиренъ. Островскій на своемъ примѣрѣ какъ нельзя болѣе подтвердилъ это изреченіе, потому что у кого же именно выучился онъ неподражаемому языку своихъ пьесъ, какъ не у московскихъ просвиренъ?

IV.

Къ величайшему сожалѣнію, неблагоприятныя и стѣснительныя условія, въ какія была поставлена русская сцена въ продолженіе всего разсматриваемаго нами періода, были главною причиною, что она не могла удержаться на высотѣ, на которую пытался вознести ее покойный драматургъ своей плодотворной дѣятельностью. Лучшія литературныя силы отвлекались отъ работы для театра, и влѣдствіе этого весьма много появилось въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ пьесъ, которыя могли бы соперничать съ произведеніями Островскаго, и это немногое принадлежитъ перу писателей, которые лишь мимоходомъ заплатили свою лепту театру.

Такъ, изъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ наиболѣе потрудился для сцены И. С. Тургеневъ, пьесы котораго составляютъ томъ въ собраніи его сочиненій. И хотя онъ далеко не представляются лучшими его произведеніями и въ дѣятельности его занимаютъ самое скромное мѣсто, это не мѣшаетъ многимъ изъ нихъ стоять въ первомъ ряду послѣ пьесъ Островскаго въ современномъ репертуарѣ. Такія пьесы, какъ *Нахлебникъ* (1848 г.), *Завтракъ у предводителя* (1849 г.), *Холостякъ* (1849 г.), *Мѣсяць въ деревнѣ* (1850 г.), *Провинціалка* (1851 г.), до сихъ поръ не сходятъ со сцены, доставляя актерамъ благодарныя роли для выставленія талантовъ, а публикѣ—по тонкой художественности, сценичности и занимательности—самыя пріятныя и привлекательныя зрѣлища.

Писемскій въ свою очередь доставилъ русской сценѣ такую классическую пьесу, какъ *Горькая судьбина*. Это была первая пьеса на русской сценѣ изъ крестьянскаго быта, въ которой русскій мужикъ вышелъ на сцену въ натуральномъ видѣ, безъ идеализаціи и какихъ-либо подкрашиваній. Послѣдній періодъ дѣятельности Писемскаго былъ ознаменованъ нѣсколькими комедіями, въ которыхъ Писемскій казнилъ современныхъ дѣльцовъ и героевъ легкой наживы; но эти пьесы, обнару-

живши въ дѣятельности автора *Тысячи душъ* оскудѣніе таланта, недолго удерживались на сценѣ.

Далѣе затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе извѣстная трилогія А. К. Толстого: *Смерть Иоанна Грознаго*, напечатанная въ № 1 *Отеч. Зап.* за 1866 г., *Царь Федоръ Иоанновичъ* (*В. Евр.* № 5, 1868 г.) и *Царь Борисъ* (*В. Евр.* № 3, 1870 г.). Трагедіи эти были поставлены на сцену—*Смерть Иоанна Грознаго* въ 1876 году, остальные двѣ въ 1899 г. Пьесы А. К. Толстого, обнаруживая глубокое изученіе изображаемой эпохи и ту внѣшнюю живописную художественность, какою славится А. К. Толстой, страдают тѣми недостатками, какіе мы можемъ замѣтить во всѣхъ русскихъ историческихъ драмахъ, не исключая *Борисъ Годуновъ* Пушкина и хроникъ Островскаго: эпическая сторона преобладаетъ въ нихъ надъ драматическою; вмѣсто потрясающихъ драматическихъ коллизій и дѣйствія, захватывающаго вниманіе зрителей и быстро развивающагося, передъ вами проходитъ рядъ бытовыхъ сценъ съ длинными разговорами. Вслѣдствіе этого отъ нихъ вѣетъ архіологическимъ и этнографическимъ холодомъ; ихъ пріятнѣе читать, чѣмъ видѣть на сценѣ.

Однимъ изъ лучшихъ драматурговъ является Александръ Ивановичъ Пальмъ, примыкающій къ беллетристамъ сороковыхъ годовъ. Онъ родился въ 1823 году и въ концѣ сороковыхъ годовъ выступилъ на литературное поприще небольшими рассказами и стихотвореніями въ духѣ натуральной школы. Замѣшанный въ дѣло петрашевцевъ, Пальмъ былъ заключенъ въ крѣпость, и хотя судъ констатировалъ, что онъ участія въ разговорахъ не принималъ, тѣмъ не менѣе послѣ продолжительнаго содержанія въ казематѣ Пальмъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи въ армію безъ заслуги, и кара эта была снята съ него лишь въ концѣ пятидесятихъ годовъ по ходатайству одного высокопоставленнаго лица.

Къ прерванной въ юности литературной дѣятельности А. И. Пальмъ возвратился лишь въ началѣ семидесятихъ годовъ и непрерывно продолжалъ ее до самой смерти, 10-го ноября 1885 года. Къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ его принадлежитъ романъ *Слободинъ*, напечатанный въ *Вѣстникѣ Европы*, изображающій петербургскіе литературно-политическіе кружки сороковыхъ годовъ. Изъ комедій же наибольшимъ успѣхомъ пользовались пьесы: *Старый баринъ* и *Нашъ другъ Неклюжевъ*; менѣе извѣстны—*Больные люди*, *Гражданка*, *Петербургская саранча*. Какъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ, такъ и въ комедіяхъ Пальмъ оставался вѣрнымъ традиціямъ школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ и, являясь знатокомъ старинной, дореформенной помѣщичьей жизни, не безъ мастерства выводилъ тѣ же рыхлые и изнѣженные барскіе типы, изображеніемъ которыхъ занималась и вся школа, къ которой онъ принадлежалъ.

Первымъ прямымъ послѣдователемъ Островскаго является Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ. Онъ родился въ Кинешмѣ, Костромской губерніи, 1-го іюля 1829 г. Литературная дѣятельность его началась въ 1851 году статью *О бенефисѣ актера московскаго театра Шумскаго*. Первая журнальная статья появилась въ *Современникѣ* 1852 года—*Забавы и удовольствія въ городкѣ*. Затѣмъ онъ началъ печататься во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ—*Современникѣ*, *Отечественныхъ Запискахъ*, *Библио-*

текст для Чтенія, *Москвитянинъ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Русскомъ Словѣ*, *Современномъ Обзорѣннн*, *Вѣкѣ*, *Русскомъ Мирѣ*. Изъ беллетристическихъ произведеній его извѣстны: *Казанская крестьянка*, *Братъ и сестра*, *Бурмистръ*, романы:—*Крушинскій*, *Бѣдные дворяне* и *Около денегъ*.

Романъ *Бѣдные дворяне*, мастерски изображающій старинный помѣщичій бытъ и положеніе приживальщиковъ и шутовъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, представляется лучшимъ изъ всего написаннаго Потѣхинымъ. По объективности и глубокой реальной правдѣ онъ ни мало не уступаетъ *Проселочнымъ дорогамъ*, Григоровича, съ которыми много имѣетъ общаго по содержанію. Менѣе удачны романы Потѣхина изъ народнаго быта по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Участіе Потѣхина въ экспедиціи литераторовъ къ окраинамъ, принятой морскимъ министерствомъ въ 1856 году, о которой намъ неоднократно уже приходилось говорить, имѣло результатомъ нѣсколько этнографическихъ статей, каковы: *Рѣка Керженецъ*, *Ловля красной рыбы въ Саратовской губерніи* и пр.

Первое драматическое сочиненіе А. А. Потѣхина была драма *Судъ лодской—не Божій*, поставленная на петербургской сценѣ 29-го апрѣля 1854 года. Слѣдующая затѣмъ драма *Шуба овечья—душа человѣчья*, передѣланная изъ повѣсти *Братъ и сестра*, напечатанная въ 1854 году, была дозволена для представленія на сценѣ черезъ 12 или 13 лѣтъ, въ 1866 или 1867 году. Комедія *Мишура*, напечатанная въ 1858 году, находилась подъ запрещеніемъ для постановки на сценѣ четыре года. Комедія *Отрѣзанный ломоть* была дозволена для представленія на сценѣ въ 1865 году и послѣ тринадцати представленій запрещена. Комедія *Вакантное мѣсто*, напечатанная въ 1870 году, вовсе не была допущена на сцену. Комедія *Въ мутной водѣ* была дозволена къ представленію лишь подъ условіемъ многихъ выпускковъ и измѣненія нѣмецкихъ именъ и фамилій дѣйствующихъ лицъ русскими.

По количеству написаннаго А. А. Потѣхинымъ изъ народнаго быта, какъ въ беллетристической, такъ и въ драматической формахъ, его можно было бы считать народникомъ. Къ сожалѣнію, знаніе его народной жизни имѣетъ поверхностный характеръ; онъ отличный знатокъ внѣшнихъ подробностей народнаго быта: характеры, изображаемые имъ, вѣрны дѣйствительности, вышуклы и чужды стереотипности, дѣйствующія лица говорятъ натуральнымъ народнымъ говоромъ. Но вы не найдете у Потѣхина глубокаго проникновенія во внутреннія основы народной жизни. Напротивъ того, васъ поражаетъ странная двойственность во всѣхъ его произведеніяхъ. Съ одной стороны, въ нихъ, повидимому, преобладаютъ тенденціи демократическія; образованные слои общества обрисовываются съ тѣхъ отрицательныхъ сторонъ, съ какихъ изображала ихъ вся беллетристика разсматриваемаго нами періода; положительные типы онъ ищетъ преимущественно въ народѣ. Но взгляните пристальнѣе и вдумайтесь, какіе нравственные идеалы навязываетъ Потѣхинъ народу, и вы увидите, что они мало того, что въ духѣ прописной морали и молчалинскаго смиренномудрія, но зачастую въ узкословномъ духѣ, т. е. Потѣхинъ представляетъ себѣ идеальныхъ крестьянъ въ такомъ видѣ, въ какомъ было бы желательно, чтобы они были съ помѣщичьей точки зрѣнія.

V.

Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ обратилъ на себя вниманіе Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ. Онъ родился около 1820 г. въ богатой дворянской московской семьѣ. Въ сороковыхъ годахъ учился въ Московскомъ университетѣ, гдѣ пристрастился къ философіи Гегеля и увлекался ею всю жизнь. Много путешествовалъ и во время пребыванія въ Парижѣ познакомился съ нѣкою французенкой Диманшъ, которую привезъ въ Москву. Диманшъ эта была неизвѣстно кѣмъ убита. Заподозрѣнный въ этомъ преступленіи, Сухово-Кобылинъ, при старыхъ деревенныхъ судахъ, едва не заплатилъ каторгою. Будучи въ тюрьмѣ, онъ написалъ первую свою комедію *Свадьба Кречинскаго*, которая была поставлена на сценѣ Московскаго театра въ 1856 г. въ бенефисъ Шумскаго. Колоссальному успѣху своему пьеса была обязана не столько художественности, идеѣ и содержанію, заключающемуся въ ходившемъ въ то время въ Москвѣ анекдоту о продѣлкѣ одного свѣтскаго шулера, сколько благодаря двумъ выставленнымъ въ ней типамъ—Кречинскаго и Расплюева, весьма благодарнымъ для эффектнаго выставленія артистическихъ достоинствъ талантливыхъ актеровъ; поэтому ихъ олицетворяли по очереди всѣ первостепенные артисты послѣднихъ 40 лѣтъ: Щепкинъ, Шумскій, Самойловъ, Мартыновъ, Васильевъ и пр. Благодаря этому, пьеса удержалась на сценѣ до нашего времени. Кромѣ того Сухово-Кобылинъ написалъ еще двѣ пьесы: *Дѣло* и *Смерть Тарелкина*. Изъ нихъ на сцену была допущена лишь послѣдняя подъ заглавіемъ *Веселые дни Расплюева* (1899), но успѣха не имѣла. Сухово-Кобылинъ умеръ 11 марта 1903 г.

Затѣмъ считаемъ не лишнимъ указать на драматурга и вмѣстѣ съ тѣмъ бывшаго артиста императорскихъ петербургскихъ театровъ И. Е. Чернышева. Онъ выступилъ на литературное поприще въ 1858 году, когда на казенной сценѣ была поставлена первая пьеса его *Женихъ изъ долгового отдѣленія*, имѣвшая крупный успѣхъ, благодаря превосходной игрѣ Мартынова въ роли Ладыжкина. Не меньшимъ успѣхомъ пользовались пьесы его: *Не въ деньгахъ счастье*, поставленная на сценѣ Александринскаго театра въ 1859 году, и *Испорченная жизнь*, произведшая не малую сенсацію въ публикѣ въ 1861—62 годахъ, такъ какъ въ ней былъ затронутъ жгучій вопросъ того времени—женскій.

Но начатая столь блистательно литературная дѣятельность, подававшая благія надежды, прекратилась въ самомъ началѣ. Въ слѣдующемъ же, 1863, году 16-го ноября Чернышева не стало, онъ умеръ всего лишь 30 лѣтъ. Написанная имъ передъ смертію пьеса *Чернышкіе и Бѣленькіе* поставлена была много позже по смерти автора. Кромѣ указанныхъ пьесъ, Чернышевымъ были написаны также пьесы: *Комедія изъ-за драмы*, *Отецъ семейства* (поставленная въ Александринскомъ театрѣ въ 1860 году въ бенефисъ Мартынова) и комедія *Зачастую*.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ Николай Яковлевичъ Соловьевъ. Онъ родился въ 1845 году въ Казани. Отецъ его, архитекторъ, умеръ, когда мальчику было 7 лѣтъ. Въ 1861 году онъ кончилъ курсъ къ Казанской гимназійи и началъ слушать лекціи въ Московскомъ универси-

тетъ, но за немѣннѣемъ средствъ долженъ былъ прекратить. Борясь съ горькой нуждой, единственную отраду онъ находилъ въ томъ, чтобы изрѣдка попасть въ театръ, гдѣ знаменитые актеры того времени—Садовскій, Шумскій и Самаринъ—производили на юношу такое потрясающее впечатлѣніе, что тогда уже онъ началъ слагать въ своемъ воображеніи пьесы, кое-что уже и писать, но нужда продолжала преслѣдовать его, и онъ былъ принужденъ взять мѣсто учителя въ Калужской губерніи, и въ продолженіе шести лѣтъ пришлось ему тянуть учительскую лямку. Онъ такъ и заглохъ бы въ глуши, если бы не встрѣтился съ К. Н. Леонтьевымъ, который принялъ въ немъ участіе. Въ это время у Соловьева была уже напечатана вчернѣ комедія *Женитьба Бѣлугина*. Она понравилась Леонтьеву, и онъ передалъ ее Островскому, который въ свою очередь пришелъ отъ нея въ восхищеніе и, значительно передѣлавъ, содѣйствовалъ постановкѣ ея на сцену. Соловьевъ пріѣхалъ въ Москву, и сближеніе его съ Островскимъ было настолько тѣсно, что онъ удостоился исключительной чести: написать нѣсколько пьесъ совместно съ Островскимъ. Таковы были, кромѣ *Женитьбы Бѣлугина*,—*Счастливыи день*, *Дикарка*, *Свѣтитъ, да не грѣетъ*. Самостоятельно были написаны Соловьевымъ: *На порогахъ къ дѣлу*, *Прославилась* и *Медовой мляцъ*. Вѣрныя школы Островскаго, изображающія по большей части провинціальныи бытъ средняго дворянства, комедіи Соловьева не имѣютъ выдающагося литературнаго значенія, но не лишены сценичности и смѣются съ удовольствіемъ.

Особенное, самостоятельное значеніе въ современномъ репертуарѣ имѣетъ Викторъ Александровичъ Крыловъ, болѣе извѣстный публикѣ подъ псевдонимомъ В. Александрова. Писатель, обладающій несомнѣннымъ талантомъ, онъ выступилъ на литературное поприще въ 1862 году нѣсколькими пьесами, исполненными широкаго захвата и общественнаго значенія, потерпѣлъ даже административную кару за безпощадную рѣзкость обличеній нѣкоторыхъ провинціальныи тузовъ. Такія произведенія его, какъ *Столбы*, *Земцы* и *Не ко двору*, доставили ему почтенную репутацію, и конечно, навсегда сохраняютъ значеніе въ исторіи нашей литературы, какъ лучшіе памятники обличительнаго жара, какимъ въ пятидесяте и шестидесяте годы отличалась наша только-что возникшая гласность. Кромѣ этихъ пьесъ, Крыловъ подарилъ нашей литературѣ прекрасный переводъ *Натана Мудраго* Лессинга, добросовѣстно и съ научной обстоятельностью изданный съ комментаріями и библиографическими указаніями.

Къ сожалѣнію, В. А. Крыловъ не удержался на высотѣ, на которую поставили его первыи пьесы, и выступилъ на скользкій путь театральнаго ремесленничества, начавши поставлять на сцену по три, по четыре пьесы ежегодно, такъ что въ теченіе 30-ти лѣтъ количество пьесъ его, подвизавшихся на театральныи подмосткахъ, превышаетъ сотню. При такомъ скороспѣломъ производствѣ пьесъ нечего, конечно, и ожидать отъ нихъ серьезныхъ литературныхъ достоинствъ. Въ большинствѣ ихъ В. А. Крыловъ является даже не сочинителемъ, а просто-на-просто передѣльвателемъ французскихъ пьесъ на русскіи нравы. Многіи пьесы страдаютъ другимъ недостаткомъ: онѣ пишутся спеціально для любимыхъ публикою актеровъ, при чемъ умышленно сочиняются такъ, чтобы въ нихъ были

роли, благодарныя для этихъ корифеевъ, и вслѣдствіе этого пьесы долѣе удержались бы на сценѣ. Изъ подобныхъ ремесленныхъ произведеній наиболѣе выдаются по сценичности и успѣху такія пьесы, какъ *Въ дужь времени*, *Въ осадномъ положеніи*, *На хлѣбахъ изъ милости*, *Къ мировому*. По духовному завѣщанію и проч. Преслѣдуя такимъ образомъ чисто спекулятивные пѣли, В. А. Крыловъ дописался, наконецъ, до *Контрабандистовъ*, пошлой юдофобской пьесы, встрѣчавшейся публикою взрываминегодованія всюду, гдѣ она ставилась на сцену. Онъ умеръ въ 1906 г.

Считаемъ не лишнимъ упомянуть еще объ одномъ драматическомъ писателѣ, нѣкоторыя пьесы котораго, не отличаясь высокими литературными достоинствами, тѣмъ не менѣе, при низменности вкусовъ нашей публики, имѣли успѣхъ. Это именно Дмитрій Васильевичъ Аверкіевъ. Онъ родился 30-го сентября 1836 г. въ Екатеринодарѣ, въ купеческомъ семействѣ, и дѣтство провелъ до 9-ти лѣтъ въ домѣ одного дѣда въ Екатеринодарѣ, а потомъ—у другого дѣда въ Петербургѣ. Учился Аверкіевъ въ Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, по окончаніи курса котораго, въ 1854 г., поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на естественно-научный факультетъ, откуда вышелъ въ 1859 г. со степенью кандидата. Уже съ дѣтства Аверкіевъ возымѣлъ страсть къ театру, подѣ влияніемъ дѣда, который отпускалъ даже даромъ лѣсъ на постройку екатеринодарскаго театра. Затѣмъ въ университетѣ онъ писалъ комедіи, драмы и стихи; въ печати же появился впервые въ началѣ 1860 г. въ качествѣ фельетониста подѣ псевдонимомъ Рьянова въ *Русскомъ Инвалидѣ*, затѣмъ въ *Сѣверной Дчелѣ* писалъ театральныя рецензіи и о журналахъ. Первое драматическое произведеніе его, *Мамаево Побоище*, появилось въ *Эпохѣ* 1864 г. Къ тому же времени относится его либретто оперы Сѣрова *Рогняда*, ознаменовавшееся въ 1868 г. скандальнымъ процессомъ, такъ какъ Аверкіевъ требовалъ, чтобы Сѣровъ дѣлилъ съ нимъ перспективную плату.

Въ 1867 и 1868 годахъ появились: трагедія *Слобода Неволья*, комедія въ стихахъ *Лѣшій* и другая, тоже стихотворная комедія—*Терентій мужъ Данильевичъ*. Въ томъ же, 1868, году въ бенефисѣ Самойлова была поставлена его комедія *Фролъ Скобтѣвъ*. Наибольшій же успѣхъ имѣла драма *Каширская Старина*: поставленная въ 1872 году на московской и петербургской сценахъ, она обошла все провинціальныя театры и до сихъ поръ дается по нѣскольку разъ въ зиму.

Принадлежа къ реакціонному лагерю, Аверкіевъ отличается крайнимъ фанатизмомъ и нетерпимостью. Слѣпая, ожесточенная ненависть ко всему, на чемъ лежитъ малѣйшій отпечатокъ европейской образованности и прогресса, унаслѣдованная, по всей вѣроятности, отъ семьи, вышедшей изъ раскольничьей среды, соединяется въ немъ съ узкимъ патріотизмомъ официальнаго характера и благоговѣніемъ передъ такъ называемою «священною стариною». Онъ считаетъ себя въ своемъ родѣ народникомъ, но народничество это исчерпывается археологическою страстью къ допетровскому быту, народнымъ пѣснямъ и обрядамъ и всему, что носитъ печать такъ называемой «самобытности».

Драмы его подкупаютъ грубые вкусы толпы мелодраматическими трескучими эффектами, народными пѣснями и хороводами, но въ чтеніи лишены всякой художественности и снотворны, а мѣстами и курьезны вслѣдствіе того, что авторъ, увлекаясь археологическими пѣлями, за-

ставляетъ своихъ героевъ говорить невообразимо исковерканнымъ языкомъ, которымъ, якобы, говорили наши предки. Вообще произведенія Аверкіева представляютъ собою нѣчто дѣланное, сочиненное; отъ нихъ пахнетъ потомъ усиленнаго труда, а мѣстами авторъ впадаетъ и въ смѣшное юродство.

Въ заключеніе, какъ на болѣе или менѣе талантливыхъ и усердныхъ поставщиковъ пьесъ на казенныя и частныя сцены, укажемъ на слѣдующія личности: Петра Михайловича Невѣжина, Ипполита Васильевича Шпажинскаго, Владиміра Ивановича Немировича-Данченко, Евт. Пав. Карпова, князя Александра Ивановича Сумбатова и пр.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

I. Дѣтство и юность Николая Алексѣевича Некрасова.—II. Послѣдующіе факты его жизни.—III. Два элемента творчества Некрасова. Характеръ рефлексивнаго элемента.—IV. Характеръ разночленно-народнаго элемента.—V. Присутствіе обоихъ элементовъ въ стихотвореніяхъ изъ народнаго быта. Общій выводъ.

I.

Стихотворная поэзія разсматриваемаго періода хотя и не имѣла такихъ геніальныхъ представителей, какъ гиганты предшествовавшей эпохи, Пушкинъ и Лермонтовъ, зато обильна крупными и сильными талантами разнороднаго характера. Всѣ направленія, лагеря и вѣянія отразились въ поэзіи послѣднихъ сорока лѣтъ и выставили своихъ пѣвцовъ. Но прежде всего пѣвцы эти раздѣляются на двѣ обширныя группы, сообразно двумъ эстетическимъ доктринамъ, завѣщаннымъ сороковыми годами: на группу пѣвцовъ жизни и служителей чистаго искусства.

Во главѣ пѣвцовъ жизни первое мѣсто, какъ властитель думъ и чувствъ своей эпохи, занимаетъ Николай Алексѣевичъ Некрасовъ, съ котораго мы и начнемъ разсмотрѣніе современной поэзіи.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ принадлежитъ къ помѣщичьему роду Ярославской губерніи, нѣкогда очень богатому, но потомъ обѣднѣвшему. Отецъ поэта, Алексѣй Сергѣевичъ, служилъ въ арміи и не отличался большимъ образованіемъ. Большую часть службы онъ состоялъ въ адъютантскихъ должностяхъ, постоянно разъѣзжая по имперіи и бывая часто то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, то въ Варшавѣ. Во время этихъ разъѣздовъ онъ случайно познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната, Андрея Закревскаго, и женился на старшей дочери его, Александрѣ, противъ воли ея родителей. Жизнь изнѣженной польской панны потянулася среди лишеній и дрязгъ походной жизни. Пространствовалъ еще нѣсколько лѣтъ съ полкомъ, дослужившись до чина капитана, Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Ярославской губерніи и уѣзда, въ сельцѣ Грешневѣ, на почтовомъ трактѣ по Владимірской дорогѣ.

Н. А. Некрасовъ родился въ 1821 г., 22-го ноября въ Подольской губерніи, въ Винницкомъ уѣздѣ, въ какомъ-то еврейскомъ мѣстечкѣ. Онъ очень рано началъ помнить себя. Но невеселыя картины дѣтства сохранились въ памяти его. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, каковы, напр., *Родина* и поэма *Несчастныя*, поэтъ даетъ намъ ясное представленіе о грустныхъ картинахъ, вынесенныхъ имъ изъ родительскаго дома.

Началомъ умственнаго развитія Некрасовъ былъ обязанъ матери. Съ семилѣтняго возраста онъ началъ писать стихи. Отъ матери онъ перешелъ къ учителямъ-семинаристамъ, а въ 1832 году былъ опредѣленъ въ Ярославскую гимназію. Изъ-подъ суроваго гнета родительскаго дома одиннадцатилѣтній мальчикъ попалъ въ безграничную свободу. Учене шло незавидно. Особенно не удавались Некрасову древніе языки. Въ теченіе шести лѣтъ съ трудомъ дотянулъ онъ до пятаго класса, а тутъ еще примѣшались натянутыя отношенія къ начальству. Продолжая писать стихи, Некрасовъ написалъ нѣсколько сатиръ на товарищей и гимназическое начальство. Онѣ дошли до послѣдняго, и оставаться долѣе въ гимназіи было немыслимо.

Тогда отецъ рѣшился послать сына (въ 1839 году) доканчивать ученіе въ Петербургъ, въ Дворянскій полкъ (одинъ изъ тогдашнихъ корпусовъ). По прибытіи въ столицу Некрасовъ явился къ начальнику III корпуса жандармовъ, генералу Полозову, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ пріятеля отца, ярославскаго прокурора, Полозова же; имъ онъ былъ представленъ Я. И. Ростовцеву, и дѣло было почти рѣшено. Но случайно онъ встрѣтился съ ярославскимъ товарищемъ, студентомъ Андреемъ Глушицкимъ, и тотъ, вмѣстѣ съ двумя другими студентами, Ильенковымъ и Косовымъ, отговорили Некрасова отъ поступленія въ корпусъ и увлекли его поступить въ университетъ. Остановка была за вступительными экзаменами, такъ какъ Некрасовъ былъ слабъ въ древнихъ языкахъ и математикѣ; но Глушицкій познакомилъ его съ профессоромъ духовной семинаріи Д. И. Успенскимъ, и они вдвоемъ взялись приготовить Некрасова въ университетъ. Когда объ этомъ узналъ отецъ Некрасова, онъ воспыпалъ сильнымъ гнѣвомъ и отписалъ сыну, что, если онъ не отложитъ намѣренія идти въ университетъ, пусть не рассчитываетъ ни на одну копейку родительской помощи.

И вотъ шестнадцатилѣтній мальчикъ очутился безъ всякихъ средствъ и положенія, съ 150 рублями въ карманѣ и съ паспортомъ «недоросля изъ дворянъ», по которому Некрасовъ жилъ до конца дней. Онъ поселился съ какимъ-то неизвѣстнымъ товарищемъ на Малой Охтѣ; довольствоваться имъ приходилось не болѣе какъ 15 коп. въ сутки на брата, обѣдая въ ужасающей кухмистерской, о которой Некрасовъ съ ужасомъ вспоминалъ всю жизнь. Затѣмъ онъ переселился къ проф. Успенскому. Пріемнаго экзамена въ университетъ онъ не выдержалъ, срѣзавшись изъ географіи, и былъ принужденъ поступить въ университетъ на филологическій факультетъ вольнослушателемъ.

Университетская жизнь Некрасова продолжалась съ 1839 по 1841 годъ. Матеріальное положеніе его во все это время было самое отчаянное: приходилось перебиваться грошовыми уроками и случайными журнальными работами. «Ровно три года—говорилъ Некрасовъ,—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ въ Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь бывало для виду газету, а самъ пододвинешь себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь»... Силы Некрасова постоянно истощались, и наконецъ онъ сильно заболѣлъ. Докторъ, объясняя его болѣзнь голоданіемъ, приговорилъ его уже къ

смерти. Но молодой организм вынесъ болѣзнь, оставившую все-таки слѣды на всю жизнь.

Матеріальное положеніе Некрасова еще болѣе было подорвано этой болѣзью. Приходилось пользоваться милостью квартирныхъ хозяевъ, отставного унтеръ-офицера съ женою, у которыхъ онъ нанималъ квартиру по Развѣзжей. Задолжалъ имъ Некрасовъ во время болѣзни рублей сорокъ.

„Хозяинъ,—рассказываетъ онъ,—еще ничего, но хозяйка сильно беспокоилась, что я умру и деньги пропадутъ. За перегородкой постоянно слышались разговоры по этому поводу. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день ко мнѣ явился хозяинъ и объяснилъ свои опасенія съ полною откровенностью и просилъ меня написать ему росписку въ томъ, что я оставляю ему за долгъ свой чемоданъ, книги и остальные вещицы. Я написалъ. Думаю: чего добраго, не стану и хоронить, да и люди они были дѣйствительно бѣдные. Черезъ нѣсколько времени мнѣ стало однако лучше; и я вскорѣ настолько уже оправился, что рѣшился пойти съ Развѣзжей на Выборгскую сторону къ одному знакомому студенту-медику. Добравшись кой-какъ до него, я тамъ засидѣлся до поздняго вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью—въ октябрѣ или ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускаютъ,—говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился уже другой жилецъ. Что же касается до моего долга, то хозяева считаютъ себя вполне удовлетворенными моимъ имуществомъ, которое я имъ оставилъ за долгъ, въ чемъ и выдалъ росписку. Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ въ осеннюю холодную ночь. Побрелъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая, куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей. Прозабъ. Чувствовалъ сильную усталость и упадокъ силъ. Наконецъ уснулъ. Разбудилъ меня какой-то старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сказался надо мной и пригласилъ меня съ собой куда-то ночевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій островъ, въ 15-ю линію. Тамъ, въ самомъ концѣ улицы, стоялъ деревянный полуразвалившійся домикъ, въ который мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались здѣсь ночевать. Не помню я всѣхъ разговоровъ, которые велись здѣсь, помню только, что я написалъ кому-то прошеніе и получилъ за это 15 коп.“

Рядомъ съ этой страшной нищетой и труппными сценами Некрасовъ видѣлъ картины сытой роскоши, и самъ порою участвовалъ въ ея утонченныхъ пирахъ.

„Въ тѣ времена,—читаемъ мы въ биографіи Некрасова, помѣщенной въ VII т. *Русской Библиотеки* Стасюлевича,—преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодежь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки смѣшивали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой человекъ, съ бюджетомъ чуть не въ нѣсколько копеекъ въ день, легко сблизался съ юношами высшихъ и богатыхъ классовъ,—и не только сблизался, но, благодаря своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время на подобіе нѣмецкихъ вейповъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше дрался на эскадронахъ и раширѣ, кто былъ мужественнѣе и физически ловчѣе. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульныхъ товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальный юноша, возросшій въ деревнѣ, и тутъ-то ознакомился впервые съ обыденною жизнью и нравами другихъ общественныхъ классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему извѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя деревенская, не осталась безъ вліянія въ будущемъ на поэзію Некрасова и на самый его характеръ, а также на условія дальнѣйшей жизни: завязанныя имъ тогда связи сохранились и впоследствии; недостатки и слабыя стороны жизни высшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ—и хорошо знакомы.“

При столь тяжелой борьбѣ за существованіе нечего было и думать о правильномъ развитіи таланта. Почти сразу по пріѣздѣ въ Петербургъ, пятнадцати лѣтъ Некрасовъ долженъ былъ приняться за черныя литературный трудъ въ видѣ случайныхъ мелкихъ срочныхъ статей въ *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Инвалиду* и *Литературной Газетѣ* А. Краевского, *Сынъ Отечества* Н. А. Полевого, въ *Пантеонѣ*, *Отечественныхъ Запискахъ*; писалъ водевили для Александринскаго театра, былъ поставщикомъ у книгопродавца Полякова азбукъ и сказокъ (таковы, напримѣръ, сказка *Баба-Яга*, лѣтъ черезъ тридцать вновь изданная по какому-то праву Печаткинымъ съ громкимъ именемъ автора). По соб-

ственнымъ словамъ, онъ написалъ въ своей жизни до трехсотъ печатныхъ листовъ прозы.

Особенно помогъ ему встать на ноги и избавиться отъ нищеты Григорій Францовичъ Венецкій, наставникъ-наблюдатель въ Пажескомъ корпусѣ и преподаватель въ Дворянскомъ полку. Онъ содержалъ приготовительный пансіонъ для поступающихъ въ корпуса и, познакомившись съ Некрасовымъ, предоставилъ ему занятія при своемъ пансіонѣ по всѣмъ русскимъ предметамъ. Это избавило юношу отъ прелестей ночлеговъ подъ открытымъ небомъ. Венецкому же былъ обязанъ Некрасовъ появленіемъ изданія своихъ дѣтскихъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Мечты и звуки*. Матеріальное положеніе его въ 1840 году настолько улучшилось, что онъ могъ даже скопить нѣсколько деньжонокъ на это изданіе. Къ тому же Венецкій склонилъ его приступить къ печатанію, обязавшись продать по билетамъ заранѣе рублей на пятьсотъ. Некрасовъ все-таки колебался, но было поздно отказываться отъ дѣла: Венецкій успѣлъ продать до сотни билетовъ, и деньги были прожиты. Некрасовъ обратился за совѣтомъ къ Жуковскому, который не совѣтовалъ ему выпускать изданіе, говоря, что онъ потомъ будетъ жалѣть объ этомъ; но такъ какъ было поздно, то Жуковскій посоветовалъ ему, по крайней мѣрѣ, снять съ книги имя. Некрасовъ такъ и сдѣлалъ, и книга вышла лишь съ заглавными буквами его имени—Н. Н.

Изданіе Некрасова встрѣтило безпощадный отзывъ Бѣлинскаго въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Это былъ одинъ изъ тѣхъ краткихъ отзывовъ, какіе можно встрѣтить въ каждой книжкѣ тогдашнихъ журналовъ по поводу безпрестанно появлявшихся начинаній юныхъ поэтовъ, претендовавшихъ на славу Пушкина. Бѣлинскій въ своей реценціи не входилъ вовсе и въ разборъ стиховъ Некрасова, а ограничивался нѣсколькими бѣглыми мыслями о томъ, какой промахъ дѣлаютъ люди, не одаренные поэтическимъ талантомъ, выступая на литературное поприще со стихами; проза для нихъ благодарнѣе стиховъ. Впрочемъ въ *Сѣверной Пчелѣ*, *Библиотекѣ для Чтенія* и *Современникѣ* Плетнева Некрасовъ прочелъ болѣе лестныя для себя рецензіи, находившія въ его стихахъ проблески таланта и возлагавшія на него надежды. Книга, розданная на комиссію въ разные магазины, не пошла, и впоследствии Некрасовъ самъ ее скупалъ и истреблялъ подобно Гоголю, поступившему такимъ образомъ со своимъ *Гансомъ Кюхельгартеномъ*.

II.

Съ 1841 по 1845 годъ слѣдуетъ важнѣйшій періодъ въ жизни Некрасова, потому что въ продолженіе его окончательно сформировались его умственные и нравственные силы, и онъ является подъ конецъ его такимъ, какимъ оставался во всю послѣдующую жизнь. Къ сожалѣнію, періодъ этотъ—самый темный въ біографическомъ отношеніи. Намъ извѣстно лишь, что, продолжая жить литературнымъ трудомъ, Некрасовъ вращался въ разнообразныхъ кружкахъ, великосвѣтскихъ, чиновныхъ, литературныхъ, театральныхъ, студенческихъ и пр. Къ этому же времени относится и знакомство его съ кружкомъ Бѣлинскаго, который, конечно, былъ главнымъ двигателемъ умственного развитія Некрасова, опредѣливши всю его дальнѣйшую литературную дѣятельность.

„Въ началѣ сороковыхъ годовъ,—говоритъ объ этомъ И. Панаевъ въ своихъ Воспоминаніяхъ,—къ числу сотрудниковъ *Отечественныхъ Записокъ* присоединился Некрасовъ; нѣкоторыя его рецензіи обратили на него вниманіе Бѣлинскаго, и онъ познакомился съ нимъ.

„Литературная дѣятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особеннаго. Бѣлинскій понималъ, что Некрасовъ навсегда останется не болѣе, какъ полезнымъ журнальнымъ сотрудникомъ; но когда онъ прочелъ ему свое стихотвореніе *На дорогѣ*, у Бѣлинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ:

— Да знаете ли вы, что вы поэтъ—и поэтъ истинный?

„Съ этой минуты Некрасовъ еще болѣе возвысился въ глазахъ его... Его стихотвореніе *Къ родинѣ* привело Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ выучилъ его наизусть и послалъ его въ Москву къ своимъ друзьямъ... У Бѣлинскаго были эпохи, какъ я уже говорилъ, когда онъ особенно увлекался кѣмъ-нибудь изъ друзей своихъ... Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ о немъ. Некрасовъ съ этихъ поръ сдѣлался постояннымъ членомъ нашего кружка“.

Къ этому времени относится изданіе литературныхъ сборниковъ, которые представляются какъ бы подготовленіемъ Некрасова къ издательско-журнальной дѣятельности. Таковы были: *Статьи въ стихахъ безъ картинокъ*, изд. въ 1843

году, *Физиологія Петербурга*, изд. въ 1845 году, *Первое апрѣля*, изд. въ 1846 году, и *Петербургскій Сборникъ*, тоже въ 1846 году. Наконецъ, въ 1846 году Некрасовъ въ компаніи съ Панаевымъ купилъ у Никитенко Пушкинскій *Современникъ* и началъ издавать его съ 1-го января 1847 г. подъ своею редакціею.

Журнальную дѣятельность Некрасова можно раздѣлить на три періода: первый періодъ—отъ 1847 по 1855 годъ—представляется тяжелой эпохой въ его жизни. Бѣлинскій умеръ въ 1848 г. Наступили годы реакціи. Ко всему этому присоединилась тяжкая болѣзнь, которая была слѣдствіемъ какъ

Н. А. Некрасовъ.

ненормальной жизни въ молодости, такъ и неустанной, изнурительной работы, потому что въ это время весь журналъ лежалъ на плечахъ Некрасова. Лучшіе доктора, русскіе и иностранные, опредѣлили горловую чахотку и присудили его къ неизбѣжной смерти. Но все это оказалось лож-

ною тревогою. Профессоръ медико-хирургической академіи, Шипулинскій, объяснилъ болѣзнь совѣмъ иначе и предписалъ леченіе, шедшее въ полный разрѣзъ съ мнѣніями знаменитостей. Выздоровленіе Некрасова, тщетно проведеннаго передъ тѣмъ зиму въ Римъ и заблудшаго тамъ немилосердно въ холодныхъ отеляхъ, пошло такъ быстро, что отъ мнимой чахотки не осталось и слѣда, кромѣ нѣкоторой слабости голоса. Затѣмъ кончилась крымская война, началась эпоха либерализма и реформъ. *Современникъ* ожилъ: къ нему начали приливать новыя могучія литературныя силы, и количество подписчиковъ съ каждымъ годомъ начало возрастать тысячами.

Второй періодъ журнальной дѣятельности, съ 1856 по 1866 г.—былъ періодомъ наибольшаго развитія силъ и дѣятельности Некрасова. Умственный и нравственный горизонты поэта значительно раздвинулись подъ вліяніемъ движенія, какое началось въ обществѣ, и людей, которые окружали поэта.

Прежніе идеалы оттѣняются новыми, и подобно тому, какъ Бѣлинскій не любилъ, когда ему напоминали о *Бородинской годовщинѣ* или *Менцель*, такъ и Некрасовъ неохотно вспоминалъ о грѣхахъ юности, въ родѣ романа *Три страны свѣта*. Это просвѣтленіе отразилось и въ творчествѣ поэта. Отъ горячаго, но неопредѣленнаго протеста противъ пошлости, насилія и рабства онъ обращается теперь къ народному горю въ широкомъ и глубокомъ смыслѣ. Все лучшее и наиболѣе сильное написано имъ въ этотъ второй періодъ его журнальной дѣятельности: *Размышленіе у параднаго подъязда*, *Морозъ-Красный носъ*, *Коробейники*, *Железная дорога*, *Крестьянскія дѣти* и пр. Въ то же время не перестаетъ онъ принимать дѣятельное участіе и въ изданіи журнала, и своимъ руководствомъ, и практическими совѣтами, и связями, и наконецъ личными трудами. Такъ, между прочимъ, ему принадлежитъ мысль о приложеніи *Свистка* къ *Современнику*. Мысль эта явилась у него еще во время пребыванія въ Римѣ въ 1856 году. Ему тамъ часто попадалась въ руки одна изъ мѣстныхъ сатирическихъ газетъ, и подъ впечатлѣніемъ ея онъ вознамѣрился завести *Свистокъ* при *Современникѣ*. Въ *Свисткѣ* этомъ было помѣщено не мало его сатирическихъ куплетовъ, въ томъ числѣ *Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ*, приписанная Добролюбову, которому принадлежать лишь примѣчанія къ этимъ куплетамъ. Въ то же время и матеріальное благосостояніе Некрасова окончательно упрочилось лишь въ этотъ второй періодъ его жизни. Кромѣ успѣха *Современника*, Некрасовъ не мало былъ обязанъ этимъ и изданію своихъ стихотвореній, которое было разрѣшено ему въ 1860 году по ходатайству графа А. В. Адлерберга.

Прекащеніемъ *Современника* въ 1866 году кончается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, и затѣмъ слѣдуютъ два года переходнаго состоянія, весьма тяжелаго. Съ 1868 года начинается третій періодъ, въ которомъ Некрасовъ является уже во главѣ *Отечественныхъ Записокъ*, и періодъ этотъ длится до его смерти.

Въ эти послѣднія десять лѣтъ своей жизни Некрасовъ былъ все такъ же дѣятеленъ и бодръ духомъ; талантъ его стоялъ на той же высотѣ и творчество его ознаменовалось рядомъ произведеній, не уступающихъ прежнимъ, каковы: *Русскія женщины*, *Кому на Руси жить*

хорошо и пр.; но въ то-же время физическія силы начали измѣнять ему съ каждымъ годомъ, онъ замѣтно старѣлъ, хилѣлъ, а въ послѣднія пять лѣтъ часто началъ и прихварывать.

Жизнь въ послѣдніе годы вель онъ однообразною. Зимы проводилъ въ городской квартирѣ на Литейной въ домѣ Краевского, въ которой прожилъ лѣтъ двадцать. Зимой писалъ онъ весьма мало. Лѣтомъ уѣзжалъ или къ брату, въ ярославское имѣніе послѣдняго, или въ Чудово, гдѣ онъ имѣлъ охотничью дачу. Тутъ, среди сельской обстановки и природы, возбуждалось въ немъ поэтическое творчество, и рѣдкая осень обходилась безъ того, чтобы, по возвращеніи въ городъ, не привозилъ онъ чего-нибудь новаго, чтò читалъ друзьямъ и обрабатывалъ для печати, пока столичная жизнь не втягивала его въ свое колесо. Большое вліяніе на его творчество имѣла врожденная и унаслѣдованная отъ отца страсть къ охотѣ.

Первые признаки болѣзни, сведшей Некрасова въ могилу, появились въ началѣ 1875 года, но Некрасовъ перемогался больше года, продолжая вести прежнюю жизнь и не обращая особеннаго вниманія на болѣзнь, которую приписывалъ геморoidalнымъ припадкамъ, будучи увѣренъ, что они не представляютъ никакой серьезной опасности. Но къ веснѣ 1876 года болѣзнь начала заявлять себя такъ сильно и мучительно, что потребовала серьезнаго леченія. Лѣто провелъ Некрасовъ въ Гатчинѣ, въ упорной борьбѣ съ болѣзью, а осенью долженъ былъ ѣхать въ Крымъ, сильно уже ослабѣвшій и изнемогшій. Возвратился онъ изъ Крыма, гдѣ пользовалъ его докторъ Воткинъ, зимою въ Петербургъ и почти не вставалъ съ постели, изрѣдка только прогуливаясь по комнатѣ. Жестокія нервныя боли, увеличиваясь день ото дня, къ веснѣ 1877 года дошли до нестерпимыхъ, адскихъ мукъ. Въ рѣдкія минуты успокоенія Некрасовъ не переставалъ слѣдить за литературою и жизнью, читалъ газеты, корректуры, писалъ свои послѣднія пѣсни. Единственнымъ отраднымъ утѣшеніемъ для него въ это время было скорбное участіе въ его болѣзни всего русскаго общества. Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ дальнихъ ея участковъ, стекались къ нему письма, стихотворенія, телеграммы, выражавшія глубокое, искреннее сочувствіе къ нему, какъ къ поэту народной скорби, вмѣстѣ съ пожеланіями избавленія отъ болѣзни и долготѣйшей жизни.

Около 20-го ноября стали появляться признаки изнурительной лихорадки, вслѣдствіе которой исхуданіе и слабость еще болѣе увеличились, и 14-го декабря онъ сталъ уже несвязно говорить, лишился употребленія правой руки и ноги; 27-го же началась агонія, и вечеромъ, въ тотъ же день, въ 40 минутъ восьмого, его не стало.

Похороны происходили 30-го декабря въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Несмотря на большой морозъ, толпа въ четыре тысячи человекъ шла за гробомъ, и похороны Некрасова представляли собою видъ торжественной и трогательной оваціи въ память почившаго поэта. Послѣ отпѣванія въ церкви Новодѣвичьяго монастыря было произнесено протоіереемъ Горчаковымъ надгробное слово съ глубокимъ чувствомъ и умомъ. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу и зарытъ, было произнесено еще нѣсколько теплыхъ словъ надъ могилою поэта, и затѣмъ толпа тихо разошлась, унося въ сердцахъ глубокую скорбь и вѣчную память о своемъ дорогомъ поэтѣ.

III.

Ни объ одномъ писателѣ не составлялось столько одностороннихъ, предрасудочныхъ взглядовъ, какъ о Некрасовѣ. Брали одинъ изъ элементовъ его поэзіи, и по немъ судили обо всей дѣятельности. Такъ, напримѣръ, въ массѣ его произведеній вы, конечно, найдете нѣсколько написанныхъ съ предвзятыми тенденціозными цѣлями: таковы, напримѣръ, сатирическіе куплеты, напечатанные въ *Свисткѣ*, и въ другихъ изданіяхъ; но эти куплеты составляютъ такое незначительное меньшинство сравнительно со всѣмъ написаннымъ Некрасовымъ, что было бы въ высшей степени несправедливо по нимъ судить обо всей дѣятельности поэта. А между тѣмъ до сихъ поръ въ значительной массѣ публики сохраняется о Некрасовѣ мнѣніе, какъ о чемъ-то въ родѣ русскаго Ювенала. Нѣтъ основанія отрицать сатирической элементъ поэзіи Некрасова. Въ значительной дозѣ входитъ онъ въ массу произведеній, но все-таки это лишь элементъ, и вполнину не исчерпывающій всей поэзіи Некрасова.

Если же, откинувъ предвзятыя сужденія, вы начнете перебирать подрядъ всѣ стихотворенія Некрасова,—вы убѣдитесь, что передъ вами поэтъ-лирикъ въ истинномъ и буквальномъ смыслѣ этого слова, который въ большинствѣ случаевъ пѣлъ безхитростно, повинуваясь лишь творческой фантазіи или накупѣвшему чувству, мало заботясь о выдержкѣ и систематичности своихъ произведеній или о томъ, въ какой степени они выйдутъ содержательны и какое произведутъ впечатлѣніе. Сегодня его поразили размышленія у параднаго подѣзда,—онъ пишетъ сатиру, исполненную гражданской скорби, а завтра онъ способенъ тѣмъ же перомъ рассказывать о томъ, какъ «долго не сдавалась Любушка-сосѣдка». Сегодня, подъ гнетомъ столичной суеты, онъ передаетъ скорбныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ ненастнаго осенняго дня, а завтра, подъ обаяніемъ сельскаго приволья, раздражается трогательною буколическою идилліею о крестьянскихъ дѣтяхъ, о дядѣ Мазаѣ съ зайцами или о впечатлѣніяхъ, навѣянныхъ ветхою, полуразрушенною сельскою церковью. Если большинство произведеній Некрасова однообразны по мрачному, тоскливому тону, зато по формѣ и содержанію представляютъ самое пестрое разнообразіе. Подвести ихъ подъ какія-нибудь рубрики нѣтъ никакой возможности безъ крайнихъ натяжекъ. Нѣкоторыя стихотворенія до того разнообразны по содержанію и стилю, что можно приписать ихъ разнымъ поэтамъ. Такъ, напримѣръ, статочное ли дѣло, чтобы одному и тому же писателю могла принадлежать поэма *Русскія женщины* и дума *Сторона наша убогая*, элегантныя элегіи въ пушкинскомъ стилѣ, въ родѣ *Да, наша жизнь текла мятешно*, и рядомъ съ нимъ пѣсня въ родѣ *У людей-то въ дому чистота, лѣпота*. Можно положительно сказать, что вся русская жизнь отразилась въ стихотвореніяхъ Некрасова въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, начиная великосѣтскими салонами и клубами и кончая чердакомъ труженика, интеллигентнаго пролетарія, или подваломъ мастерового, начиная барскою усадьбою и кончая полуразвалившеюся хатою тетюшки Ненилы. При такомъ разнородномъ содержаніи произведеній Некрасовъ является отнюдь не пѣвцомъ одного сословія, партіи, кружка, а отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ думы

дѣлаго вѣка родной земли, слезы всѣхъ своихъ современниковъ и соплеменниковъ. Въ этомъ заключается причина популярности Некрасова не только среди людей одного съ нимъ лагеря, но и въ массѣ грамотнаго люда, чуждаго партійныхъ увлеченій.

Но этого мало, что Некрасовъ воспѣлъ всѣ слои общества, онъ отразилъ всѣ элементы, броженіе которыхъ составляетъ суть разсматриваемаго нами періода. Въ лирикѣ Некрасова, какъ поэта переходной эпохи, вы постоянно замѣчаете присутствіе двухъ челоѣкъ, которые, при всемъ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, представляютъ значительную разнородность, порою даже и полное противорѣчіе. Съ одной стороны, лирика Некрасова, повинуваясь духу времени, выражаетъ пробужденіе совѣсти въ интеллигентномъ челоѣкѣ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, отрицаніе обветшалыхъ формъ жизни во имя новыхъ идеаловъ, при горькомъ сознаніи безсилія сдѣлать хотя одинъ шагъ къ ихъ осуществленію.

Но поэзія Некрасова не исчерпывается одними рефлексивными мотивами этого рода. Взлелѣявши въ нѣдрахъ помѣщичьей среды, судьба словно преднамѣренно заставила его испытать тяжелую борьбу съ голодомъ изъ-за черстватаго куска хлѣба,—и изъ его лиры полились совершенно особенные, невѣдомые звуки, съ которыми ничего общаго не имѣетъ рефлексивная лирика сороковыхъ годовъ. Эти-то звуки и довершили значеніе Некрасова, какъ всеобъемлющаго пѣвца своего народа и вѣка.

По порядку элементовъ, обратимъ сначала вниманіе на тѣ мотивы лирики Некрасова, въ которыхъ выражается рефлексивный духъ сороковыхъ годовъ. Здѣсь мы видимъ въ Некрасовѣ мрачнаго пессимиста, и муза его вполне соответствуетъ эпитетамъ, которые онъ самъ къ ней приложилъ: является дѣйствительно музою мести и печали. Безпощадно бичуя общественные пороки, гнѣздящіеся на почвѣ старыхъ порядковъ, поэтъ ни въ чемъ не находитъ утѣшенія и не видитъ выхода изъ мрачнаго положенія вещей. Печально глядитъ онъ на свое поколѣніе и, замѣчая въ немъ полный разладъ словъ и дѣлъ, однѣ радужныя мечты при полномъ безсиліи къ осуществленію ихъ, восклицаетъ:

Покорись—о, ничтожное племя,
Неизбѣжной и горькой судьбѣ!
Захватило васъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ:
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно.
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано.

Подобный мотивъ встрѣчается во многихъ стихотвореніяхъ. Въ поэмѣ *Саша* онъ развивается въ типъ въ родѣ Рудина. Въ этой поэмѣ карается все та же раздвоенность, заключающаяся въ томъ, что

Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно, и сродно,
Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!
Любить онъ сильно, сильнѣй ненавидитъ,
А доведись—комара не обидитъ!
Да говорятъ, что ему и любовь
Голову больше волнуетъ—не кровь!

Эти качества своего поколѣнія поэтъ примѣняетъ нерѣдко къ себѣ, говоря:

Я за то глубоко презираю себя,
 Что живу, день за днемъ бесполезно губя;
 Что я, силы своей не пытавъ ни на чемъ,
 Осудилъ самъ себя безошаднымъ судомъ,
 И, лѣниво твердя: я ничтоженъ и слабъ!
 Добровольно всю жизнь пресмыкался, какъ рабъ;
 Что, доживши кой-какъ до тридцатой весны,
 Не скопилъ я себѣ хоть богатой казны,
 Чтось глупцы у монхъ пресмыкалися ногъ,
 Да и умникъ подъ часъ позавидовать могъ!
 Я за то глубоко презираю себя,
 Что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя,
 Что любить я хочу, что люблю я весь мѣръ,
 А брожу дикаремъ—безпріютенъ и сирѣ,
 И что злоба во мнѣ и сильна, и дика,
 А до дѣла дойдетъ—замираетъ рука!

Подобную нравственную несостоятельность поэтъ приписываетъ наслѣдственности и вліянію среды:

И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
 Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
 Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
 Въ мою младенческую грудь...

Или въ другомъ мѣстѣ:

Но все, что, жизнь мою окутавъ съ первыхъ лѣтъ,
 Проклятемъ на меня легко неотразимымъ,
 Всему начало здѣсь, въ праю моемъ родимомъ!..

Съ такою же скептическою проницею относится Некрасовъ и къ своей музѣ. Сначала, по его словамъ, куда ретивъ былъ его Пегасъ:

Безъ отвращенья, безъ боязни
 Я шелъ въ тюрьму и къ мѣсту казни,
 Въ суды, въ больницы я входилъ...

Но недолго продолжалась эта смѣлость:

И что жъ?.. мои послышавъ звуки,
 Сочли ихъ черной клеветой;
 Пришлось сложить смренно руки
 Иль поплатиться головой;

а поэту было тогда всего двадцать лѣтъ:

Лукаво жизнь впередъ манила,
 Какъ моря вольныя струи,
 И ласково любовь сулила
 Мнѣ блага лучшія свои—
 Душа пугливо отступала...

Съ тѣхъ поръ, по словамъ поэта, не часты были его встрѣчи съ музой:

Украдкой бѣдная придетъ,
 И шепчетъ пламенные рѣчи,
 И лѣсни гордыя поетъ,
 Зоветь то въ города, то въ степи,
 Завѣтнымъ умысломъ полна;
 Но заграмятъ внезапно цѣпи,—
 И мигомъ скроется она...
 Не вовсе я ея чуждался,
 Но какъ боялся, какъ боялся!

Когда мой ближній утопалъ
 Въ волнахъ существеннаго горя.
 То громъ небесъ, то ярость моря
 Я благодушно воспѣвалъ.
 Бичуя маленькихъ ворюшекъ,
 Для удовольствія большихъ,
 Дивилъ я дерзостью мальчишекъ
 И похвалой гордился ихъ.
 Подъ вгомъ гдѣ душа погнулась,
 Остыла ко всему она,
 И муза вовсе отвернулась,
 Презрѣнья гордаго полна!

Это рефлексивно-скептическое отношеніе къ жизни доходитъ порою до такихъ предѣловъ, что страстная любовь къ народу и вѣра въ его силы, проникающая многія стихотворенія Некрасова, словно покидаетъ его, и онъ восклицаетъ въ сокрушеніи:

Но и крестьяне съ унылыми лицами
 Не услаждаютъ очей.
 Ихъ нищета, ихъ терпѣнье безмѣрное
 Только досаду родить...
 Что же ты любишь, дитя маловѣрное?
 Гдѣ же твой идолъ сокрытъ?

Остается одна природа, и лишь на ея лонѣ ищетъ отдыха и утѣшенія измученное, истерзанное сердце поэта:

Мать-природа! Иду къ тебѣ снова
 Со всегдашнимъ желаньемъ моимъ—
 Заглуши эту музыку злости!
 Чтобъ душа ощущала покой,
 И прозрѣвшее око могло бы
 Насладиться твоей красотой!..

При этомъ особенное преимущество отдавалъ поэтъ природѣ своей родины. Она производила на него наиболѣе исцѣляющее и умиротворяющее вліяніе, и во многихъ стихотвореніяхъ онъ относится къ ней съ страстной любовью и нѣжностью. Такъ, въ стихотвореніи *Тихина* онъ прямо выражаетъ пристрастіе къ родной природѣ передъ иноземной. Припомнимъ также начало поэмы *Саша*, гдѣ отношеніе поэта къ родной природѣ выражается въ еще болѣе страстномъ порывѣ, исполненномъ любви и сокрушенія. Все это вполнѣ приравниваетъ Некрасова къ беллетристамъ сороковыхъ годовъ: тѣ же раздвоенность, пессимизмъ и любовь къ сельской природѣ, русскому ландшафту.

IV.

Но одними мотивами сороковыхъ годовъ не исчерпывается поэзія Некрасова. Не мало найдете вы стихотвореній, въ которыхъ и слѣда нѣтъ унылаго пессимизма. Напротивъ того, Некрасовъ является въ нихъ горячимъ энтузіастомъ, исполненнымъ ободряющей вѣры въ могучія силы народа и въ неизбѣжность побѣды свѣта надъ тьмою и правды надъ кривдою. Въ порывѣ подобнаго энтузіазма онъ восклицаетъ въ стихотвореніи *Школьникъ*:

Не бездарна та природа,
 Не погибъ еще тотъ край,
 Что выводитъ изъ народа
 Столько славныхъ—то и знай—
 Столько добрыхъ, благородныхъ,
 Сильныхъ любящей душой,
 Посреди тупыхъ, холодныхъ,
 И напыщенныхъ собой.

Припомните также въ *Письмѣ Еремушки* слѣдующіе стихи:

Будь счастливѣй! Силу новую
 Благородныхъ юныхъ дней
 Въ форму старую, готовую,
 Необдуманно не лей!
 Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
 Душу вольную отдай,
 Человѣческимъ стремленіямъ
 Въ ней проснуться не жѣлай.
 Съ ними ты рожденъ природою—
 Возледи ихъ, сохрани!
 Братствомъ, истиной, свободою
 Называются они.
 Возлюби ихъ! на служеніе
 Имъ отдайся до конца!
 Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
 Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца.

Подобныхъ мотивовъ вы не встрѣтите въ рефлексивной поэзіи сороковыхъ годовъ. Это—мотивы новыхъ выступившихъ на сцену людей, выражающіе ихъ святую святыхъ.

Конечно, одними бравурными мотивами необузданной вражды къ лютой подлости и жажды грянуть божьей грозой надъ лукавой неправдой не исчерпывается еще все, чѣмъ живутъ новые люди. Въ жизни ихъ вы найдете еще болѣе горя, а подчасъ и отчаянья. Но это горе носить совершенно иной характеръ и обуславливается другими причинами, чѣмъ у людей сороковыхъ годовъ. Тамъ вы видите тяжкіе укоры проснувшейся совѣсти при горькомъ сознаніи безсилія возстать духомъ и загладить вины отцовъ. Здѣсь зло лежитъ не внутри человѣка, а внѣ его, въ гнетущихъ обстоятельствахъ, борьбу съ которыми не выдерживаютъ подчасъ самыя могучія силы. Человѣкъ сороковыхъ годовъ при всѣхъ гамлетовскихъ рефлексіяхъ оставался изнѣженнымъ бариномъ, продолжая пользоваться всѣми благами жизни. Разночинецъ же подъ гнетомъ борьбы съ нищетою часто запиваетъ. Онъ опускается въ это время, повидимому, до послѣдней степени самоуниженія:

Запуганный, задавленный,
 Съ пониженой головой,
 Идешь, какъ обезславленный,
 Гнушаясь самъ собой...
 Сгораешь злобой тайною...
 На скудный твой нарядъ
 Съ насмѣшкой неслучайною
 Всѣ, кажется, глядятъ.

Но при всемъ самоуниженіи, внушаемомъ столь жалкимъ видомъ, онъ все-таки далекъ отъ гамлетовскихъ самобичеваній и того растлѣвающего пессимизма, который, внушая, что не стоитъ ни за что приниматься,

такъ какъ ничто ни къ чему не приведетъ, оправдываетъ и узаконяетъ привычную лѣнь и апатію. Напротивъ того, на самой послѣдней точкѣ паденія не перестаютъ въ немъ кипѣть силы, жаждущія благой дѣятельности, едва протрезвляется онъ.

И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.

Онъ сознаетъ въ то же время, что, если не въ силахъ ничего достигнуть, виновата въ этомъ не собственная дрянность, а безвыходное внѣшнее положеніе, нищета, заставляющая гнуть спину надъ каторжнымъ забивающимъ трудомъ, не давая возможности выбиться и приняться за любимое дѣло:

Ахъ! если бѣ часть ничтожную—
Старушку полечить,
Сестрамъ бы нероскошную,
Обновку подарить!
Стряхнуть яро тяжелого,
Гнетущаго труда,
Быть можетъ, буйну голову
Сносилъ бы я тогда.
Покинувъ путь губительный,
Нашелъ бы путь иной,
И въ трудъ иной, свѣжительный,
Поникъ бы всей душой.

Такимъ образомъ на самой послѣдней ступени безвыходнаго отчаянья въ разночинцѣ продолжаетъ жить тотъ же энтузіазмъ святого, освѣжительнаго труда на общую пользу. Замѣьте въ то же время глубоко и вѣрно подмѣченную черту новаго человѣка: идущій какъ обезславленный, гнушаясь самъ себя при видѣ скуднаго наряда, на который, какъ ему кажется, всѣ пальцами показываютъ,—при мечтѣ о ничтожной части, прежде всего заботится онъ не о себѣ, а о своей старушкѣ, какъ бы хорошо было полечить ее, о сестрахъ, которыхъ слѣдовало бы пріодѣть, а потомъ уже о себѣ.

Къ числу подобныхъ же стихотвореній разночиннаго типа относится

Буря, Застѣнчивость, Бду ли ночью по улицѣ темной.

Буря и Застѣнчивость представляютъ два противоположные полюса въ жизни разночинца. Въ первомъ стихотвореніи вы видите пѣснь торжествующей любви, но страсть носитъ здѣсь совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ мы привыкли встрѣчать въ любовныхъ элегіяхъ предшествовавшей эпохи и даже въ Некрасовскихъ элегіяхъ пушкинскаго стиля. Тамъ въ самомъ разгарѣ страсти не перестаютъ преобладать разлагающій анализъ, унылая рефлексія, исполненная ѣдкой горечи. Здѣсь же, напротивъ того, вы видите беззащитную отдачу страсти безъ колебаній и заботъ о завтрашнемъ днѣ. Единственнымъ препятствіемъ является опять-таки внѣшнее обстоятельство, въ видѣ бури, которая грозитъ помѣшать свиданію, но и буря оказывается не по чемъ, потому что Любушка-сосѣдка въ свою очередь не отступитъ передъ препятствіями въ виду счастья любви и вовсе не такая пугливая нѣженка, чтобы въ бурю за ворота выйти ей за-диво. По своеобразности и бравурному страстному тону стихотвореніе это напоминаетъ собою пѣсни Кольцова, выражающія такую же беззащитную удалъ страсти здороваго и неискалѣченнаго русскаго простаго человѣка.

Противоположный характеръ носить стихотвореніе *Застѣнчивость*. Здѣсь воспѣвается одна изъ общераспространенныхъ и роковыхъ слабостей разночинца. Здѣсь вы не видите уже удали торжествующей страсти, а напротивъ того—унылое отчаянье вслѣдствіе невозможности избавиться отъ проклятой застѣнчивости. Но и здѣсь несчастливца не покидаетъ сознаніе, что въ сущности онъ вовсе не такой жалкій и ничтожный, какимъ представляется въ обществѣ, что въ душѣ его не мало таится могучихъ силъ, что въ божьихъ дарахъ ему не отказано и лицомъ онъ не хуже людей, что свободно и молодо въ сердцахъ его волнуется кровь и что подъ маской наружнаго холода безконечная скрыта любовь. И здѣсь источникъ зла таится не внутри, а во внѣшнихъ обстоятельствахъ:

Придавила меня бѣдность грозная,
Запугалъ меня съ дѣтства отецъ,
Безалавная долюшка-слезная
Извела, доканала въ конецъ!..

Что касается стихотворенія *Бду ли ночью*, то оно представляетъ собою ту крайнюю степень мрачнаго, трагическаго паэоса, до котораго доводитъ бѣдняковъ-разночинцевъ безысходная борьба съ нищетою.

Тому же новому духу слѣдуетъ приписать особенное свойство некрасовской лирики, на которое мало обращала вниманіе критика при жизни поэта. Ни одинъ изъ русскихъ современныхъ поэтовъ не любилъ такъ часто обращать вниманіе на свѣтлыя стороны нашей жизни, ни одинъ не изобразилъ такъ много положительныхъ, идеальныхъ, доблестныхъ типовъ, съ такимъ горячимъ, чисто шиллеровскимъ энтузіазмомъ, какъ Некрасовъ. И что всего замѣчательнѣе,—положительные типы Некрасова отнюдь не носятъ фантастически-отвлеченнаго характера, облечены въ плоть и кровь времени и среды, исполнены разнообразіемъ конкретныхъ особенностей; ни одинъ не похожъ на другого. Некрасовъ искалъ и находилъ ихъ всюду, во всѣхъ слояхъ общества.

Такъ, на самомъ верху общественной іерархіи, въ великосвѣтской средѣ, рисуются княгини Т—ая и В—ская, съ ихъ мужьями-страдальцами. Въ этихъ доблестныхъ фигурахъ, исполненныхъ граціозно-нѣжной любви и гордаго непоколебимаго самоотверженія, открывается передъ нами словно античный классическій міръ величаваго героизма. А между тѣмъ въ каждомъ ихъ душевномъ движеніи и помышленіи, въ каждомъ шагѣ, словѣ, позѣ вы видите русскую жизнь, русскую природу, русскихъ великосвѣтскихъ барынь, мирно и безопасно нѣкогда порхавшихъ по баламъ и маскарадамъ и вдругъ силою обстоятельствъ превратившихся словно въ римскихъ матронъ эпохи Коріолана и Тарквинія Гордаго. Въ этомъ соединеніи типичныхъ чертъ русской жизни съ античною величавостью доблестныхъ русскихъ женщинъ заключается главная прелесть поэмъ Некрасова. Въ то же время поэтъ съ геніальнымъ художественнымъ мастерствомъ въ особенно обольстительномъ свѣтѣ умѣлъ представить ихъ прошлую жизнь: волшебныя воспоминанія о минувшихъ годахъ любви и счастья, роскоши и нѣги, среди суровыхъ и безбрежныхъ сибирскихъ снѣговъ, при наводящемъ уныніи и ужасъ завываніи вьюги, повергаютъ читателей въ невольный трепетъ, какой способны производить лишь величайшія созданія искусства. Припомните также сцену борьбы съ родительскою властью и съ администраціей въ лицѣ губернатора,—пробу-

жденіе въ суровомъ администраторѣ чловѣка, невольныя слезы его,— художественнѣе, глубже, выше этихъ сценъ ничего еще не было въ русской литературѣ.

Идя затѣмъ по нисходящей линіи общественной іерархіи, мы видимъ рядъ тихихъ и скромныхъ тружениковъ русской мысли, мужественно и неустанно борющихся въ тиши невѣжества и сходящихся въ преждевременныя могилы; оплакиваемыхъ небольшою горстью друзей, которые одни лишь понимали, чего лишается Россія въ этихъ сподвижникахъ и мученикахъ нашего времени. Таковы были: Бѣлинскій, Вл. Милютинъ, Добролюбовъ, Писаревъ, и всѣхъ ихъ воспитѣль Некрасовъ въ восторженныхъ гимназахъ. Наибольшая доля этихъ гимновъ припала на долю Бѣлинскаго, передъ которымъ Некрасовъ въ продолженіе всей жизни не переставалъ благоговѣть не только какъ передъ великимъ чловѣкомъ своей родины, но и какъ передъ своимъ учителемъ, которому былъ обязанъ славою.

Но наиболѣе свѣтлые и положительные типы находилъ Некрасовъ въ народной средѣ; передъ нами проходитъ рядъ людей благодушныхъ, любвеобильныхъ, исполненныхъ могучей удали, но чуждыхъ гордой кичливости въ сознаніи своихъ богатыхъ силъ, добродушно смиренныхъ въ рѣдкихъ удачахъ и терпѣливо кроткихъ въ неисходномъ горѣ.

V.

Въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ народу, мы видимъ тѣ же два разнородные элемента. Одни изъ нихъ исполнены рефлексивнаго духа сороковыхъ годовъ. Отношеніе Некрасова къ народу въ нихъ гуманно, исполнено горячаго участія къ народнымъ бѣдствіямъ, но въ то же время—пессимистически-отрицательное. Поэтъ смотритъ на народъ съ интеллигентнаго высока, представляя его подавленнымъ, забытымъ, обнищальнымъ и въ то же время полудикимъ, исполненнымъ суевѣрій, бредущимъ по житейской дорогѣ—

Въ безразсвѣтной глубокой ночи,
Безъ понятія о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи.

Вы жалѣете вмѣстѣ съ поэтомъ народъ, оплакиваете его въ жалкихъ и убогихъ тетушкахъ Ненилахъ, Ванькахъ, топящихся въ винѣ свои буйныя страсти и горе, ямщикахъ, насильно ожененныхъ на барышняхъ крестьянкахъ и бьющихъ ихъ подъ пьяную руку, но тщетно стали бы вы искать чего-нибудь свѣтлаго, положительнаго, отраднаго. Многія изъ такихъ стихотвореній проникнуты страстнымъ лиризмомъ; но лиризмъ этотъ является выраженіемъ не столько чувствъ, которыя переживаютъ изображаемыя личности изъ народа, сколько личнаго скорбнаго чувства поэта. Таковы стихотворенія: *Въ дорогахъ, Тройка, Извозчикъ, На улицѣ, (Воръ, Проводы, Гробокъ, Ванька), Вино, Такъ служба, Забытая деревня, Деревенскія новости, На полѣ* и др.

Но рядомъ съ подобными стихотвореніями вы найдете другія, въ которыхъ поэтъ совершенно отрѣшается отъ себя, его я исчезаетъ, сливается съ выводимыми на сцену личностями, словно самъ народъ устами поэта выражаетъ завѣтныя думы и чувства. Самый стихъ поэта прини-

масть характеръ народныхъ пѣсенъ, а языкъ преисполненъ той богатой пластичности, образности, игривости и мѣткости, какія свойственны нашей народной рѣчи. Таковы изъ крупныхъ вещей: *Морозъ Красный носъ*, *Коробейники*, *Кому на Руси жить хорошо*; изъ мелкихъ— *Сторона наша убогая*, *Пахарь*, *Съ работы*, *Пѣсни* и пр. Въ подобныхъ вещахъ вы не найдете и тѣни чего-либо отрицательнаго, обличительнаго, пессимистическаго. Напротивъ того, народъ рисуется здѣсь какъ могучій богатырь, который самымъ своимъ непреклоннымъ терпѣніемъ въ многовѣковыхъ страданіяхъ возбуждаетъ въ поэтѣ восторженное обаяніе и ободряющую вѣру въ его великое будущее.

Чтобы понять діаметральное различіе этихъ двухъ типовъ народныхъ стихотвореній Некрасова, сравнимъ стихотвореніе *Тройка* съ поэмою *Морозъ Красный носъ*. Въ обоихъ произведеніяхъ содержаніе аналогично: и тамъ, и здѣсь оплакивается слезная доля русской крестьянки. Но въ то же время между ними лежитъ непроходимая пропасть. Въ стихотвореніи *Тройка*, представивши плѣнительный образъ деревенской дѣвушки, бѣгущей за тройкою съ проѣзжимъ корнетомъ, авторъ обращается къ ней съ слѣдующими сѣтованіями:

Поживешь и по празднишь въ волю,
 Будеть жизнь и полна, и легка...
 Да не то тебѣ пало на долю:
 За нераху пойдешь мужика.
 Завязавши подъ мышки передникъ,
 Перетянешь уродливо грудь;
 Будеть бить тебя мужъ-привередникъ
 И свекровь въ три погибели гнуть;
 Отъ работы и черной, и трудной
 Отвѣтешь, не успѣя расцвѣсть,
 Погрузишься ты въ сонъ непробудный,
 Будешь нянчить, работать и ѣсть.
 И въ лицѣ твоемъ, полною движенья,
 Полною жизни—появится вдругъ
 Выраженье тупого терпѣнья
 И безмысленный вѣчный испугъ;
 И схоронять въ сырую могилу,
 Коль пройдеши ты свой жизненный путь,
 Безполезно угасшую силу
 И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Вы видите здѣсь глубокое сочувствіе къ судьбѣ крестьянки, но оно не имѣетъ ничего общаго съ народными взглядами на жизнь и его трезвыми идеалами. Совершенно не такъ сталъ бы въ этомъ случаѣ сочувствовать самъ народъ. Передъ вами эстетикъ сороковыхъ годовъ, болѣе всего оплакивающій потерю крестьянской красоты, которая должна пропасть отъ тяжелаго труда. Ему досадно, зачѣмъ не проживетъ она въ празднои нѣгѣ, при которой красота, конечно, сохранилась бы долго, зачѣмъ выйдеть замужъ за грязнаго мужика, который окажется непремѣнно злымъ привередникомъ, только и будетъ колотить ее взапуски съ своей матерью, а главное дѣло, зачѣмъ ей только и предстоитъ, что нянчить, работать и, можете себѣ представить,—ѣсть! Но этого всего мало: всю-то жизнь проработавши, она окажется бесполезно угасшей силой, и невольно на-ртертывается вопросъ: ну, а какимъ же способомъ она могла бы оказаться не бесполезной силой? Неужели въ такомъ случаѣ, если бы удалось ей

догнать тройку съ проѣзжимъ корнетомъ и съ нимъ «попраздновать въ волю»?

Совсѣмъ не то видимъ мы въ поэмѣ *Морозъ красный носъ*. На первомъ планѣ рисуется здѣсь величавый типъ славянки, который, по словамъ поэта, до сихъ поръ не успѣлъ еще измельчать и часто встрѣчается въ русскихъ селеніяхъ:

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ,
 Съ спокойною важностью лицъ,
 Съ красивою силой въ движенъяхъ,
 Съ походной, со взглядомъ царицъ—
 Ихъ развѣ слѣпой не замѣтить,
 А зрячій о нихъ говорить:
 „Пройдетъ—словно солнце освѣтитъ!
 Посмотритъ—рублемъ подаритъ“.

Этотъ богатырскій образъ Дарьи своею величавостью придаетъ высокой трагической пафосъ всѣмъ ея горькимъ страданіямъ по случаю смерти мужа. Передъ вами не робкія слезы жалкаго безсилія, подавленности, загнанности, а могучіе стоны эпической героини, до послѣднихъ своихъ титаническихъ силъ борющейся со злой судьбой. Въ семьѣ она не бессмысленный манекень, о который всѣ пробуютъ силу, а равноправный членъ, несущій свою скорбную долю:

Лѣтомъ онъ жилъ работаючи,
 Зимѣ не видѣлъ дѣтей;
 Ночи о немъ помышляючи,
 Я не смыкала очей.
 Бѣдетъ онъ, зябнетъ... а я-то, печальная,
 Изъ воловнистаго льну,
 Словно дорога его чуждадьная,
 Долгую нитку тая,
 Веретено мое прыгаетъ, вертится,
 Въ полъ ударяется...
 Проклушка пѣшишь идетъ, въ рытвинѣ крестится,
 Къ возу на горочкѣ самъ припригается.
 Лѣто за лѣто, зима за зимой—
 Эдакъ-то мы раздобылись казной!
 Милостивъ буди къ крестьянину бѣдному,
 Господи! все отдаемъ,
 Что по копейкѣ, по грошику мѣдному
 Мы сколотили трудомъ.

Въ этихъ стихахъ обрисовывается вся доля крестьянской семьи, горькая, слезная, но исполненная высокой нравственной красоты, и особенно эпически-величаво рисуется здѣсь женщина, которая, какъ вѣрная Пенелопа, ожидаетъ со своимъ веретеномъ возвращенія мужа изъ дальнихъ и трудовыхъ странствій и, словно Парка, прядетъ нитку, такую же длинную, какъ дорога ея милаго. Сколько здѣсь глубокой, своеобразной, потрясающей поэзіи! Такою же остается героиня и до конца поэмы, когда по смерти мужа ей приходится исполнять мужичье дѣло, рубить дрова для горькихъ сиротокъ, и въ страшной истомѣ, въ приливѣ неутѣшнаго горя она величественно замерзаетъ среди грознаго лѣснаго уединенія. Поэма вполнину потеряла-бы чарующее, хватающее за душу, потрясающее обаяніе, если бы поэтъ не сумѣлъ представить свою героиню въ величаво-идеальномъ свѣтѣ, если бы она хоть чуточку вышла пошлѣе, зауряднѣе, словомъ—одною изъ тѣхъ полоумныхъ крестьянокъ

«съ, выраженіемъ тупого терпѣнья и бессмысленнаго вѣчнаго испуга», какая рисуется въ *Тройкѣ*. Но въ чемъ же заключаются идеальныя черты Дарьи? Въ какихъ особенныхъ подвигахъ, которые выдѣлили бы ее изъ всѣхъ ее окружающихъ? Въ томъ и дѣло, что ничего экстраординарнаго въ ней не видите: именно та самая работа и нянчанье дѣтей, къ которымъ поэтъ въ *Тройкѣ* относится съ эстетической брезгливостью, — они-то и дѣлаютъ Дарью героинею, обнаруживая въ ней могучую силу трудовой женщины, чарующей васъ какъ наверху безпечнаго счастья такъ и въ трагической гибели подъ ударами лихой судьбы.

При этомъ мы должны сдѣлать оговорку, что, говоря о двухъ элементахъ творчества Некрасова и обозначая стихотворенія, въ которыхъ преобладаетъ тотъ или другой элементъ, мы далеки отъ дѣленія всѣхъ стихотвореній Некрасова на двѣ рубрики. Слово «элементы» мы употребляемъ въ истинномъ и точномъ значеніи этого слова. Оба они одновременно присутствовали въ творествѣ поэта и оказывали своевліяніе. Поэтому произведеній, въ которыхъ господствуетъ одинъ элементъ, напр. *Дума (Сторона наша убогая)*, *Рыцарь на часъ*, очень мало. Въ большинствѣ же оба элемента находятся въ смѣшанномъ состояніи при преобладаніи одного. Такъ, въ поэмѣ *Морозъ красный носъ* преобладаетъ народный элементъ, но въ началѣ вы найдете слѣды и рефлексивнаго. Въ *Тройкѣ* наоборотъ: вся первая половина стихотворенія, представляющая плѣнительный образъ крестьянской дѣвушки, подходитъ болѣе къ народному элементу. Обо всей же дѣятельности Некрасова можно сказать, что рефлексивный элементъ преобладалъ въ первой ея половинѣ, что соответствуетъ господству этого элемента въ самомъ обществѣ въ сороковые и пятидесятыя годы. По мѣрѣ же того, какъ различно-народный элементъ началъ господствовать въ общественной жизни, и въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ Некрасова мы видимъ преобладаніе его.

Этотъ фактъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ приговорами критиковъ реакціоннаго лагеря, утверждавшихъ, что, подъ вліяніемъ публицистовъ шестидесятыхъ годовъ, Некрасовъ ломалъ свой талантъ во исполненіе требованій отрицательно тенденціознаго отношенія къ жизни. На дѣлѣ мы видимъ нѣчто совсѣмъ обратное. Именно, подъ вліяніемъ рефлексивнаго духа сороковыхъ годовъ, въ Некрасовѣ преобладало отрицательное, пессимистическое отношеніе ко всему окружающему, въ томъ числѣ и къ народу. Публицисты шестидесятыхъ годовъ вліяли на него совершенно обратно: возбуждали въ немъ любовь къ народу, вѣру въ его могучія силы, раскрывали ему положительныя, идеальныя стороны народа. Взгляды Некрасова на народъ подъ ихъ вліяніемъ просвѣтлѣли и расширились: въ стихотвореніяхъ его начали встрѣчаться не однѣ убогія тетушки Ненилы и пьяные Ваньки, а Прокопы, дѣдушки Савельи, Мазан, Яковы, Дарьи, Катерины и пр. Однимъ словомъ, изъ скорбнаго поэта интеллигентнаго меньшинства онъ обратился въ общенароднаго пѣвца въ самомъ обширномъ и глубокомъ смыслѣ этого слова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

I. Біографическія свѣдѣнія о жизни Тараса Григорьевича Шевченко.—II. Характеристика его произведеній.—III. Иванъ Савичъ Никитинъ. Иванъ Захаровичъ Суриковъ. Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ.—IV. Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. Л. Мельшицъ (П. Я.).—V. Развитие и процвѣтаніе въ шестидесятыя годы сатирической поэзіи. Кузьма Прутковъ и Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ. Василій Степановичъ Курочкинъ и его *Искра*. Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ.

I.

Движеніе сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ выдвинуло нѣсколькихъ поэтовъ непосредственно изъ народа. Такъ, на рубежѣ двухъ эпохъ стоитъ такой гигантъ южно-русской поэзіи, какъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, который, хотя и является болѣе современникомъ Кольцова и Бѣлинскаго, чѣмъ Некрасова и Добролюбова, тѣмъ не менѣе по содержанию и духу своихъ произведеній можетъ быть названъ представителемъ и разсматриваемаго нами періода.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, по уличному прозванію Грушевскій, сынъ крѣпостного крестьянина помѣщика Ангельгардта, родился 25-го февраля 1814 г. въ селѣ Моринцахъ, Звенигородскаго уѣзда, Киевской губерніи; дѣтство же съ трехлѣтняго возраста провелъ въ селѣ Кирилковкѣ. До восьми лѣтъ жизнь его текла тихо и мирно подъ родительской кровлей. Но въ 1823 г. умерла его мать, оставивъ пятерыхъ дѣтей, а отецъ женился на другой. Отъ нея пошли дѣти, которымъ она давала предпочтеніе передъ пасынками. «Не проходило часа,—пишетъ Шевченко въ своихъ произведеніяхъ,—безъ слезъ и драки между нами—дѣтьми, не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихой». Много вынесъ Шевченко побоевъ совершенно безвинно. Со смерти отца въ 1825 году началась скитальческая жизнь его. Сначала онъ былъ взятъ въ науку кирилловскимъ дячкомъ Петромъ Богорекимъ; въ теченіе двухъ лѣтъ прошелъ онъ азбуку, часословъ и псалтырь, учился нѣсколько времени письму у священника Григорія Коница. Убѣжавши отъ Богорскаго, обходившагося съ учениками жестоко, Шевченко, чувствуя страсть къ рисованію,—такъ какъ съ первыхъ годовъ дѣтства исчерчивалъ углемъ всѣ стѣны хаты и заборы,—пытался поступить въ ученіе къ разнымъ мѣстнымъ малярамъ-богомазамъ, но это ему не удавалось; приходилось ему въ это время заниматься и пастушествомъ, а старшій братъ Никита тщетно старался пріучить его къ хозяйству. Въ 1827 году онъ былъ взятъ въ штатъ господской прислуги, а въ 1829 году отправленъ къ помѣщику Ангельгардту въ Вильну, при чемъ на первыхъ порахъ попалъ въ поваренки, но по испытаніи отмѣченъ былъ «годнымъ на комнатнаго живописца». Тѣмъ не менѣе въ Вильнѣ онъ занималъ сначала при баринѣ мѣсто комнатнаго казачка и подавалъ ему огонь для закуриванія трубки, и лишь когда баринъ засталъ его однажды ночью за копированіемъ казачка Платова, онъ хотя и выдралъ его за ухо, надавалъ пощечинъ и велѣлъ его высѣчь, но въ то же время убѣдился, что изъ мальчика можетъ выйти домашній маляръ. Шевченко сталъ учиться у маляра въ Вильнѣ, а черезъ полгода, по совѣту учителя, признавшаго въ мальчикѣ талантъ, помѣщикъ отдалъ Шевченко къ портретисту Лампи въ Варшавѣ. Тутъ шестнадцатилѣтній Шевченко полюбилъ дѣвушку польку,

швею, которой былъ обязанъ первымъ сознаниемъ ненормальности своего крѣпостного положенія и знаніемъ польскаго языка.

Въ 1831 году Шевченко препровожденъ былъ въ Петербургъ къ своему барину по этапу пѣшкомъ, почти безъ сапогъ, и до 1833 года исправлялъ при немъ лакейскую должность. Наконецъ, баринъ внялъ неотступной его просьбѣ и законтрактовалъ его на четыре года живописныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву. Участь у него живописи, Шевченко познакомился съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенко, а черезъ него—съ писателемъ Е. Гребенкою. Гребенка близко принялъ къ сердцу жалкое положеніе юноши, сталъ приглашать его къ себѣ, давая ему для чтенія книги, сообщалъ разныя полезныя свѣдѣнія, помогалъ деньгами. Такимъ образомъ при помощи Гребенки Шевченко познакомился съ русскими и западными классиками, съ исторіей и пр. Сошенко представилъ его конференцъ-секретарю Академіи художествъ, Григоровичу, съ убѣдительною просьбою оказать свое содѣйствіе къ освобожденію его отъ невыносимаго гнета маляра Ширяева; Гребенка же познакомилъ его съ Венеціановымъ, а послѣдній представилъ его поэту Жуковскому, принявшему горячее участіе въ талантливомъ юношѣ. Вскорѣ начались хлопоты объ освобожденіи Шевченко отъ крѣпостной зависимости. Ближайшимъ толчкомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Какой-то генералъ заказалъ Шевченко портретъ за пятьдесятъ рублей. Генералу портретъ не понравился, и онъ отказался принять его. Обиженный живописецъ, намыливши генералу на портретѣ бороду мыломъ, продалъ его за безцѣнокъ цирюльнику, къ которому генералъ ходилъ бриться. Замѣтивъ на вывѣскѣ свой портретъ, генералъ пришелъ въ бѣшенство и тотчасъ же перекупилъ его для себя, а чтобы отомстить дерзкому маляру, обратился къ помѣщику Энгельгардту съ просьбою продать ему крѣпостного художника, предлагая ему большія деньги. Энгельгардтъ чуть было не согласился на выгодную сдѣлку. Пока они торговали, Шевченко, предвидя, какой ужасъ его ожидаетъ, бросился къ художнику Брюлову, умоляя спасти его. Брюловъ сообщилъ объ этомъ Жуковскому, а тотъ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ. Энгельгардту дано было знать, чтобы онъ приостановился продажей Шевченко. Въ исполненіе ходатайства за Шевченко императрица потребовала, чтобы Брюловъ кончилъ портретъ Жуковскаго, обѣщанный ей и уже начатый, но заброшенный Брюловымъ. Портретъ былъ скорѣ конченъ и разыгранъ въ лотерею между лицами императорской фамиліи, въ сумму десять тысячъ рублей ассигнаціями,—равную платѣ, предложенной генераломъ за Шевченко. Шевченко получилъ свободу 22-го апрѣля 1838 года: съ того же дня началъ посѣщать классы Академіи художествъ и скорѣ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ-товарищей Брюлова. Въ 1843 году онъ получилъ степень свободнаго художника.

Ведя во все это время разсѣянную и довольно разгульную жизнь среди товарищей-художниковъ и занимаясь живописью, Шевченко находилъ время удѣлять и поэзіи, и въ 1840 году былъ изданъ имъ *Кобзарь*, произведшій впечатлѣніе на малорусскую читающую публику и познакомившій Шевченко съ украинскими писателями: Квиткой, Я. Кухаренко и др. Въ *Маякѣ* за 1842 г. помѣщенъ былъ отрывокъ изъ его драмы *Никита Гайдай*, на русскомъ языкѣ, стихами и прозой пополамъ. Въ

томъ же 1842 году Шевченко приступилъ къ печатанію знаменитой своей поэмѣ *Гайдамаки*.

Съ половины 1843 года до своего ареста въ 1847 году Шевченко проживалъ большею частью въ Малороссіи. Это было временемъ самаго высшаго расцвѣта его таланта и появленія лучшихъ его произведеній: *Тризна*, *Наймичка*, *Сонъ*, *Невольникъ*, *Иванъ Гусь*, *Холодный яръ* и пр. Литературная слава его достигла своего апогея и доставила ему знакомство съ лучшими интеллигентными силами южной Россіи; въ то же

Т. Г. Шевченко.

время и матеріальное положеніе его было обезпечено. При помощи княжны Рѣпниной, двоюродной сестры министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, Шевченко получилъ мѣсто учителя рисованія при Кіевскомъ университетѣ. Онъ проектировалъ путешествіе за границу, когда внезапно надъ нимъ обрушилась постигшая его бѣда: 25-го декабря 1846 года происходила въ квартирѣ Н. И. Гулака извѣстная бесѣда членовъ кирилло-меоодіевскаго кружка, подслушанная и искаженная доносчиками и

имѣвшая роковое значеніе для Шевченко и его пріятелей, Н. И. Костомарова, Кулиша, Гулака, Бѣлозерскаго и другихъ. 31-го марта 1847 года онъ былъ арестованъ въ числѣ другихъ своихъ сотоварищей, препровожденъ въ Петербургъ, а 30-го мая отправленъ въ оренбургскіе линейные баталіоны рядовымъ съ воспрещеніемъ писать и рисовать.

Ссылка Шевченко продолжалась десять лѣтъ, до 21-го іюня 1857 года, когда онъ получилъ прощеніе, и 2-го августа 1857 года выѣхалъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія, а 27-го марта 1858 года, получивъ право жить въ столицахъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поселился въ Академіи художествъ, гдѣ ему дали мастерскую, какъ художнику Академіи.

Десятилѣтняя военная служба солдатомъ, прекращеніе всякаго сношенія съ міромъ, съ обществомъ, особенно же недостатокъ духовной пищи не могли не оставить своихъ послѣдствій и не повліять на духъ поэта.

Собственно поэтический элементъ въ немъ проявлялся рѣдко,—вспоминаетъ о немъ И. С. Тургеневъ.—Шевченко производилъ скорѣе впечатлѣніе грубоватаго, закаленного и обтерпѣвшагося чловѣка, съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу, съ непродолжительными просвѣтами добродушія и вспышками веселости. Теперь чаще въ немъ стали проявляться приливы чудачества и кутежа. Въ послѣдніе годы своей жизни, вращаясь въ избранномъ кружкѣ литераторовъ, читая русскіе журналы и употребляя всѣ усилія, чтобы вознаградить потерянное время, онъ успѣлъ встать въ уровень съ новыми идеями, но пробѣловъ въ его образованіи оставалось все-таки очень много. Притомъ же талантъ его великаго творчества теперь видимо началъ ослабѣвать. Тарасъ чувствовалъ это, хотя отъ страха передъ отвергающеюся пропастью хотѣлъ отвернуться и увѣрить самого себя, что нѣтъ того, что ему угрожаетъ. Читанныя имъ въ Петербургѣ въ послѣдніе годы его стихотворенія были слабѣе тѣхъ огненныхъ произведеній, которыя нѣкогда читалъ онъ въ Кіевѣ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ додумался до того, что не шутя сталъ возиться съ мыслью создать нѣчто новое, небывалое, ему одному возможное, а именно поэму на такомъ языкѣ, который былъ бы одинаково понятенъ русскому и малороссу: онъ даже принялся за эту поэму и читалъ мнѣ ея начало. Нечего говорить, что попытка Шевченко не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые изъ всѣхъ написанныхъ имъ: безцвѣтное подражаніе Пушкину“.

Послѣдніе три года жизни Шевченко были заняты тщетными поисками невѣсты, заботами объ освобожденіи родныхъ отъ крѣпостной зависимости и приобрѣтеніи на югѣ Россіи земли и мѣста для хаты. Въ ожиданіи освобожденія крестьянъ, онъ хотѣлъ ускорить облегченіе участи родныхъ и жертвовалъ для этого послѣднимъ достояніемъ. Наконецъ, при содѣйствіи уполномоченнаго отъ «общества пособія литераторамъ», Новицкаго, между помѣщикомъ и братьями Шевченками было заключено формальное условіе, напечатанное въ пятой книжкѣ *Народнаго Чтенія* за 1860 годъ. Родные Шевченко получили свободу по этому условію за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія манифеста 19-го февраля, и поэтъ спокойно закрылъ глаза, исполнивъ свой долгъ. Найдена была подходящая мѣстность и для хаты Шевченко: на крутомъ берегу Днѣпра, на горѣ, у подошвы которой ютились рыбацкія хаты, а за горою стлалась широкая вольная степь. Обрадованный поэтъ выслалъ уже и деньги за землю, но не суждено ему было умереть на родинѣ.

Уже въ концѣ 1860 года ему было очень худо: быстро развивалась водяная. Въ январѣ 1861 года онъ писалъ мрачныя письма къ друзьямъ, а въ февралѣ водяная бросилась въ легкія, и 26-го числа, въ 5 часовъ утра, поэтъ не стало. Похороны его совершились 28-го февраля, при чемъ произнесено было надъ гробомъ не мало задушевныхъ рѣчей. Весною того же года тѣло перенесено было изъ Петербурга въ Украину и, согласно завѣщанію Шевченко, написанному въ 1846 году, похоронено на высокомъ берегу Днѣпра, близъ г. Канева.

II.

Въ отличіе отъ Некрасова съ его дворянскою хандрою, равно и отъ Кольцова, Никитина и прочихъ великорусскихъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа, Шевченко—единственный русскій писатель въ истекшемъ столѣтїи, сохранившій живую и непосредственную связь съ народомъ, какъ по міросозерцанію, идеаламъ, такъ и по характеру и формамъ своей поэзіи. Въ поэзіи Шевченко не замѣчается ни той оторванности отъ народа, которая составляетъ печальный удѣлъ русскихъ интеллигентныхъ людей, ни рефлексивной раздвоенности, которою страдали всѣ современники Шевченко. Изучая поэзію его, вы имѣете возможность прослѣдить великій и таинственный актъ перехода народно-собрательнаго творчества въ личное. И характеръ лирическаго одушевленія, этой тихой, надрывающей сердце грусти, проникающей всю поэзію Шевченко, и образы, и мотивы остаются такими же, какіе вы найдете въ любой малороссійской народной думѣ. Сюжеты большинства поэмъ не выдуманы, а взяты изъ народныхъ легендъ и преданій. Личность писателя словно исчезаетъ въ морѣ чисто народной поэзіи. Но въ то же время онъ отнюдь не является рабскимъ подражателемъ этой поэзіи: все, что онъ черпалъ изъ нея, онъ перерабатывалъ, возводя въ перлъ художественнаго созданія и освѣщая зрѣлымъ сознаниемъ передовыхъ идей своего вѣка. Самый языкъ его произведеній недаромъ поражаетъ простотою и общедоступностью не только кровнымъ малороссамъ, но и людямъ, незнакомымъ съ южно-русскимъ нарѣчіемъ: читать Шевченко имъ не въ примѣръ легче, чѣмъ прочихъ малороссійскихъ писателей. Это происходитъ оттого, что послѣдніе писали и пишутъ на языкѣ искусственномъ, исполненномъ новыхъ словъ и выраженій, созданныхъ въ интеллигентныхъ слояхъ малороссійскаго общества. Для простого хохла этотъ вычурный языкъ такъ же мало понятенъ, какъ и для великоросса. Между тѣмъ Шевченко писалъ на томъ живомъ языкѣ, на какомъ говорить и поетъ самъ народъ въ Украинѣ, великороссъ же безъ труда понимаетъ рѣчь хохла, за исключеніемъ мѣстныхъ особенностей говора, какія вы можете встрѣтить въ любой деревнѣ и въ Великороссіи, и въ Малороссіи. Такимъ образомъ поэзія Шевченко является общимъ достояніемъ всего русскаго народа; произведенія его нѣтъ надобности переводить на литературный языкъ: ими могутъ въ равной степени наслаждаться и малороссы, и великороссы, и образованные, и неграмотные люди.

По содержанію произведенія Шевченко можно раздѣлить на четыре разряда. Къ первому относятся баллады и пѣсни сантиментально-романтическаго характера, чуждыя социально-политическихъ тенденцій. Таковы первые его баллады: *Причинна*, *Утоплена*, *Русалка*, *Тополя*, которыя онъ писалъ еще въ Петербургѣ, урывками, на клочкахъ бумаги, въ Лѣтнемъ саду, подъ влияніемъ поэзіи Жуковскаго и Козлова.

Но это влияніе не мѣшало быть упомянутымъ произведеніямъ народными. Въ то время какъ Жуковскій и прочіе романтики его времени пересаживали на русскую почву нѣмецкій романтизмъ, Шевченко нашелъ богатые романтическіе мотивы въ неисчерпаемомъ родникѣ народной поэзіи. Въ балладахъ его воспѣвается несчастная судьба малороссійскихъ

дѣвушекъ, то покинутыхъ милымъ казакомъ, отправившимся на войну и не возвратившимся, то тѣснимыхъ злою мачихою. Лучшимъ произведеніемъ его въ этомъ родѣ является повѣсть *Наймичка*, изображающая обманутую женщину, которая принуждена была чужимъ людямъ подбросить ребенка и, затѣмъ нанявшись къ нимъ батрачкою, воспитала его въ ихъ семействѣ и лишь передъ смертью создалась ему, что она его мать. Высокое самоотверженіе несчастной матери и все содержаніе этого безхитростнаго разсказа исполнены классически-величавой простоты и производятъ потрясающее впечатлѣніе.

Ко второму разряду относятся произведенія, въ которыхъ воспѣвается народное горе, при чемъ первое мѣсто занимаютъ страданія, которыя терпѣлъ народъ отъ крѣпостнаго права. Воспѣвая страстно-любимую Украйну краше рая земного, Шевченко оговаривается, что въ этомъ раѣ*) «снимаютъ съ калѣки заплатанную свитку для того, чтобы одѣть недорослыхъ княжичей; тамъ распинаютъ вдову за подати, берутъ въ войско единого сына, единую подпору; тамъ подъ плетнемъ умираетъ съ голоду опухшій ребенокъ, тогда какъ мать жнетъ на барщинѣ пшеницу; а тамъ опозоренная дѣвушка, шатаясь, идетъ съ незаконнымъ ребенкомъ: отецъ и мать отреклись отъ нея... чужіе не принимаютъ ея, нищіе даже отворачиваются отъ нея... а барчукъ... онъ не знаетъ ничего, онъ съ двадцатою по счету пропиваетъ души». Произволь и самодурство пановъ доходили до того, что, по словамъ Шевченко,

. . . Якъ бы разсказать
Про якого-нибудь одного магнага
Исторю-правду, то порелякати
Саме бы пекло можно; и Данта старого
Полупанкомъ нашимъ можно здыувати.

Но болѣе всего страдали отъ распущенности помѣщичьихъ нравовъ и панскаго произвола женщины, и, гуманный страдалецъ о скорбной женской долѣ, Шевченко большую часть своихъ произведеній этого рода посвятилъ оплакиванію опозоренныхъ жертвъ барской прихоти, такъ называемыхъ «покрытокъ». Самымъ лучшимъ, наиболѣе развитымъ и драматичнымъ по содержанію произведеніемъ этого рода является поэма *Катерина*, посвященная Жуковскому на память 29-го апрѣля 1838 г. (т. е. дня избавленія Шевченко отъ крѣпостной зависимости). Въ лицѣ Катерины изображается несчастная судьба «покрытки», которая полюбила паныча москаля, была имъ брошена съ ребенкомъ на рукахъ, потерпѣла страшный позоръ, была прогнана родителями изъ родимой хаты, отправилась разыскивать милого, встрѣтила его гдѣ-то на пути во главѣ коннаго отряда, но онъ не призналъ ея, закричалъ: «возьмите прочь безумную», и она утопилась въ отчаяніи, а сына ея призрѣлъ слѣпой кобзарь, и сдѣлался онъ его поводыремъ.

Къ третьему разряду относится рядъ произведеній историческаго содержанія, воспѣвающихъ времена казацкой вольности, защитниковъ народной свободы и мстителей за ея поруганіе. Таковы двѣ большія поэмы: *Гайдамаки* и *Гамалія* и нѣсколько мелкихъ рапсодій: *Никита Гайдай*, *Иванъ Пидкова*, *Тарасова нічъ*, *Невольникъ*, *Выборъ гетмана*,

*) См. *Очерки укр. лит. XIX ст.*, Н. И. Петрова, стр. 337.

Чернецъ, Разсказъ покойника, Швачка, Свача Дорошенка, Якъ-бо то ты, Богдане пьяный и друг.

Въ поэмахъ этихъ высказываются политическія и соціальныя убѣжденія поэта. Онѣ особенно высоко цѣнятся и читаются его земляками; хотя при всей страстной любви къ родной Украинѣ, столь свойственной каждому малороссу, и скорби о славномъ прошломъ Малороссіи, о незабвенной эпохѣ ея независимости и казацкихъ вольностяхъ, Шевченко былъ далекъ отъ узкой хохломаніи и въ своихъ историческихъ пѣсняхъ является истиннымъ сыномъ народа, не столько воспѣвавшимъ казацкую славу, сколько оплакивавшимъ тяжкія невзгоды, какія перенесъ народъ. Онѣ клеймятъ притѣснителей народа не только въ лицѣ исконныхъ враговъ его, ляховъ и жидовъ, но и своихъ пановъ и гетмановъ, выставя настоящей причиной политическихъ бѣдствій края ту «казацкую старшину», которая погналась за личными выгодами, забывши объ интересахъ народа. Возвышаясь надъ узкою идеею національной особенности, въ наибольше зрѣлыхъ въ политическомъ отношеніи произведеніяхъ (каковы: *Кавказъ, Невольникъ, Сонъ, Завѣщаніе, Холодный Яръ, Чигиринъ, Суботовъ, Посланіе до живыхъ и мертвыхъ и непорожденныхъ земляківъ моихъ* и поэма *Иванъ Гусъ*) Шевченко высказываетъ идею общеславянской федераціи въ духѣ полной равноправности внутренней и внѣшней, братства и единенія:

Щобъ вси славяне стали
Добрими братами,
И сынами сонця правды
И еретыками—
Оттакими, якъ Констанський
Еретькъ великій.

Это стремленіе возвыситься изъ сферы узкаго націонализма до все-славянской общности и сдѣлаться поэтомъ не только украинскимъ, но и всеславянскимъ, и побудило Шевченко написать поэму на такомъ языкѣ, который былъ-бы понятенъ для всѣхъ славянъ. Попытка эта была безуспѣшна по той простой причинѣ, что созданіе общепонятнаго языка есть дѣло вѣковъ и цѣлыхъ поколѣній, и для нея слишкомъ слабы силы одного человѣка, какъ бы ни былъ великъ его гений. То же стремленіе склонило Шевченко въ концѣ жизни и къ писанію прозаическихъ разсказовъ на великорусскомъ языкѣ. Разказы эти, составляющіе четвертый разрядъ его произведеній, написаны по большей части во время ссылки. Таковы: *Близнецы, Музыкантъ, Художникъ, Несчастный, Матросъ, Повѣсть о бѣдномъ Петрусь, Капитанша* и пр. Въ большинствѣ этихъ повѣстей мы видимъ содержаніе, подобное его стихотворнымъ поэмамъ предыдущаго времени; въ нихъ точно такъ же изображается ненормальность крѣпостного права и печальныя явленія на его почвѣ. Всѣ эти разказы не лишены литературныхъ достоинствъ; сами по себѣ они могли доставить автору почетную извѣстность. Но, конечно, они далеко уступаютъ его стихотворнымъ поэмамъ и пѣснямъ, писаннымъ на родномъ нарѣчій, и Шевченко все-таки остается великимъ украинскимъ народнымъ поэтомъ!

III.

Меньшимъ талантомъ обладалъ и меньшее значеніе имѣлъ въ литературѣ, хотя все-таки оставилъ послѣ себя довольно яркій слѣдъ, Иванъ Савичъ Никитинъ.

Онъ родился въ Воронежѣ 21-го сентября 1824 года. Отецъ его былъ духовнаго званія. Выйдя изъ него, онъ записался въ мѣщане, занялся торговлею и имѣлъ свѣчной заводъ и лавку подъ Смоленскимъ соборомъ, на самомъ бойкомъ торговомъ мѣстѣ. Одинокимъ росъ въ домѣ родителей Никитинъ, имѣя единственной подругой дѣтскихъ игръ двоюродную сестру Аннушку, съ которой часто ссорился, будучи живымъ и рѣзвымъ ребенкомъ. Первымъ учителемъ Никитина былъ сапожникъ, научившій его грамотѣ, когда ему было шесть лѣтъ. Первыми прочтенными книгами были: *Мальчикъ у ручья* Коцебу и *Луиза или Подземелье Лионскаго замка* Радклифъ. Въ 1832 году, когда мальчику было восемь лѣтъ, отецъ отдалъ его въ духовное училище, по окончаніи котораго Никитинъ поступилъ въ 1841 году въ Воронежскую семинарію. Отецъ готовилъ его къ университету, надѣясь видѣть въ немъ со временемъ лекаря. Учился Никитинъ въ семинаріи такъ же хорошо, какъ и въ духовномъ училищѣ; но особенно блестяще успѣхи оказалъ въ словесности, въ составленіи не только мелкихъ классныхъ сочиненій, но и болѣе серьезныхъ пьесъ. Въ семинаріи же онъ написалъ первое свое стихотвореніе и показалъ его профессору словесности, Чехову, который похвалилъ и совѣтовалъ продолжать.

Но не пришлось юношѣ доканчивать образованіе въ университетѣ. Отецъ разорился и запылъ; мать умерла. Въ 1843 году Никитину, бывшему въ философскомъ уже классѣ, пришлось выйти изъ семинаріи, взымаясь съ вѣчно пьянымъ отцомъ и дворничать на постояломъ дворѣ, скудными доходами котораго едва могли прокармливатьъ отецъ и сынъ.

Уединенная жизнь съ вѣчно-хмельнымъ отцомъ на концѣ города, въ совершенномъ отчужденіи отъ образованнаго общества, развила въ Никитинѣ страсть къ загороднымъ прогулкамъ и охотѣ, во время которыхъ онъ зачитывался по цѣлымъ часамъ, или, улегшись подъ деревомъ, сочинялъ стихи, которые пряталъ отъ всѣхъ, боясь насмѣшекъ невѣжественныхъ людей и дѣлясь бесѣдами съ музой лишь со сверстникомъ-другомъ, И. И. Дураковымъ, нижедѣвицкимъ мѣщаниномъ.

Не безъ вліянія и одобренія Дуракова Никитинъ послалъ нѣкоторыя стихотворенія въ редакціи тогдашнихъ журналовъ; но ихъ постигло полное невниманіе, и лишь въ 1853 году удалось Никитину напечатать стихотвореніе *Русь* въ *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, благодаря патріотическому содержанию, пришедшемуся кстати при разгоравшейся крымской войнѣ. Вотъ что писалъ Никитинъ редактору *Воронежскихъ Вѣдомостей*, посылая ему это стихотвореніе:

„Я—здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какая непостижимая сила влечетъ меня къ искусству, въ которомъ, можетъ быть, я ничтожный ремесленникъ! Какая непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою мое одинокое, незавидное существованіе! Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать теплаго участія? Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ ограниченъ и составляетъ со мною рѣзкій контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть можетъ, моя любовь къ поэзій и мои грустные пѣсни вы назовете пло-

домъ раздраженнаго воображенія и смѣшною претензiею выйти изъ той сферы, въ которую я поставленъ судьбою. Рѣшенiе этого вопроса я предоставляю вамъ и, скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенiя не совсѣмъ равнодушно: оно покажетъ мнѣ или мою ничтожность, или мое нравственное—быть или не быть!”

Появленiе въ печати стихотворенiй Никитина сблизило его съ воронежскимъ интеллигентнымъ кружкомъ: Второвымъ, Де-Пуле, Александровымъ-Дольникомъ и др., которые до самой смерти поэта принимали въ немъ горячее и дружеское участiе и не переставали помогать ему и совѣтами, и хлопотами по устройству матеріальнаго положенiя. Особенно же возросла популярность Никитина послѣ стихотворенiя *Моленiе о чашѣ*:

И. С. Никитинъ.

о немъ заговорили во всѣхъ, даже едва грамотныхъ слояхъ общества, стихотворенiе переписывалось и распространилось далеко за предѣлами Воронежа и губернiи.

Въ то же время нѣкоторыя газеты не замедлили перепечатать изъ *Воронежскихъ Вѣдомостей* стихотворенiе *Русь и Войну за вѣру*. Затѣмъ гр. Д. Н. Толстой принялъ живое участiе въ новомъ дарованiи и напечаталъ въ *Москвитянинѣ* нѣсколько его стихотворенiй съ письмомъ

Де-Пуле, содержащимъ свѣдѣнія о поэтѣ, и тогда же предложилъ издать на свой счетъ собраніе его стихотвореній.

Такъ какъ рекомендація публикѣ Никитина въ качествѣ новаго Кольцова появилась въ *Москвитянинѣ*, то петербургская журналистика изъ партійной вражды къ кружку *Москвитянина* долго не признавала Никитина и, когда въ 1856 году вышло въ свѣтъ изданіе его стихотвореній, отнеслась къ нему пренебрежительно, несмотря на то, что изданіе имѣло въ публикѣ успѣхъ, и черезъ три года, въ 1859 году, потребовалось новое изданіе. Впрочемъ, когда въ 1858 году Никитинъ издалъ въ Москвѣ поэму *Кулакъ*, журналы отозвались о Никитинѣ гораздо благосклоннѣе, и *Атеней* призналъ даже поэму его однимъ изъ «лучшихъ литературныхъ явленій послѣдняго времени».

Въ послѣдніе годы жизни, благодаря литературнымъ успѣхамъ, Никитину удалось настолько улучшить свои матеріальныя дѣла, что у него скопился маленькій капиталчикъ до двухъ тысячъ рублей, и на эти деньги, при содѣйствіи друзей, онъ открылъ въ Воронежѣ книжный магазинъ, положивъ на это дѣло всю душу. Но дни его были сочтены: предшествовавшія лишенія и невзгоды такъ распатали его здоровье, что 16-го октября 1861 года онъ умеръ на 37 году отъ рожденія. Тѣло было погребено на городскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилы Кольцова.

При всемъ талантѣ Никитинъ не былъ новаторомъ и не отличался такою оригинальностью, которая рѣзко выдѣляла бы его изъ прочихъ поэтовъ его времени. Въ его произведеніяхъ постоянно слышались мотивы музъ то Кольцова, то Некрасова, то Тютчева, то Фета и пр. Это не мѣшало ему быть не рабскимъ подражателемъ упомянутыхъ поэтовъ, но истиннымъ и самороднымъ поэтомъ, и нѣкоторыя произведенія его возвышаются до классическаго совершенства и недаромъ помѣщаются въ хрестоматіяхъ, на ряду съ высокими образцами русской поэзіи.

Стихотворенія его можно раздѣлить на два разряда: въ однихъ онъ подчинялся господствовавшей въ его время поэзіи пушкинской школы, поэтамъ чистаго искусства. Въ стихотвореніяхъ подобнаго рода наиболѣе проявлялась одна изъ существенныхъ особенностей его таланта: страсть изображать пейзажи изъ природы родного края.

По яркости колорита, по теплотѣ и поэтичности рисунка, по детальности, эти пейзажи отличаются первостепеннымъ мастерствомъ и производятъ чарующее впечатлѣніе. Такія вещи, какъ: *Утро, Гнѣздо ласточки, Встрѣча зимы, Зимняя ночь въ деревнѣ, 19 октября, Рассыпались звѣзды* и пр., конечно, извѣстны всѣмъ и каждому.

Ко второму разряду слѣдуетъ причислить стихотворенія изъ народнаго быта въ кольцовскомъ стилѣ. Вы не встрѣтите въ нихъ ни той страстности, ни того широкаго размаха, какими отличается муза Кольцова; они полны тихой меланхоліи, переходящей въ надрывающую грусть. Но въ нихъ болѣе политической зрѣлости и сознательнаго отношенія къ условіямъ народной жизни, чѣмъ у великаго предшественника и земляка Никитина. Эпоха успѣла наложить свою печать на поэта. Онъ является пѣвцомъ преимущественно народнаго горя, защитникомъ всѣхъ обездоленныхъ, страдающихъ и гибнущихъ подъ гнетомъ нужды, невѣжества и самодурства. Лучшими произведеніями его въ этомъ родѣ являются: *Пахарь, Соха, Жена ямщика, Ночлегъ извозчиковъ, Пѣсня бобыля, На-*

слабство и пр. Самая же крупная вещь—поэма *Кулакъ*, мрачная драма изъ жизни воронежскихъ мѣщанъ, основанная на вѣчномъ руссѣйскомъ сюжетѣ семейнаго самодурства—выдачи замужъ за стараго и немилаго изъ-за своекорыстныхъ расчетовъ. Лучшими мѣстами въ поэмѣ этой является опять-таки масса ландшафтовъ и вообще вся описательная часть. Въ цѣломъ же поэма страдаетъ растянутостью и неуклюжестью. Какъ поэтъ-самоучка, Никитинъ раздѣлялъ печальную участь всѣхъ беллетристовъ и стихотворцевъ, вышедшихъ изъ разночинной среды: отсутствіе выработанной техники и неумѣнье справляться съ формами произведеній.

Изъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа, заслуживаютъ также вниманія Иванъ Захаровичъ Суриковъ и Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ. Оба эти поэта имѣютъ много сходства между собою и по обстоятельствамъ жизни, и по характеру стихотвореній. Суриковъ родился въ 1840 году 25 марта, въ деревенькѣ Новоселово, Углицкаго уѣзда. Дрожжинъ родился 6-го декабря 1848 года, въ деревнѣ Низовкѣ, на Волгѣ, Тверской губерніи и уѣзда. Оба они, будучи крестьянскими дѣтьми, рано оставили родныя села и мыкались по столицамъ, по скуднымъ заработкамъ, терпя нужду и горе: Суриковъ торговалъ угольями, Дрожжинъ состоялъ то половымъ въ трактирѣ, то приказчикомъ у табачныхъ торговцевъ, то лакеемъ въ барскихъ домахъ. Оба выучились писать урывками, между дѣломъ, и писали въ стилѣ оплакиванія тяжелой народной доли, подражая то Кольцову, то Некрасову, то Никитину. Суриковъ умеръ 1880 года 25-го апрѣля отъ чахотки. Дрожжинъ живетъ и здравствуетъ доселѣ. Къ чести его онъ остался крестьяниномъ и, по зимамъ уѣзжая въ столицы заниматься литературнымъ трудомъ, въ видѣ отхожаго промысла, лѣтомъ занимается хлѣбопашествомъ. Односельчане, не игнорируя его литературныхъ занятій, заучиваютъ и распѣваютъ его пѣсни.

IV.

Изъ писателей интеллигентной среды, принадлежащей къ одному лагерю съ Некрасовымъ, наибольшаго вниманія заслуживаетъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. Онъ родился 22-го ноября 1825 года, въ Костромѣ, въ семьѣ стариннаго дворянскаго рода. Когда ему было два года, отецъ его поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ, найдя здѣсь служебное мѣсто. Здѣсь провелъ поэтъ все дѣтство. Въ 1838 году онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда вскорѣ вышелъ, вступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, но и здѣсь курса не кончилъ.

Рано появилась у Плещеева склонность къ литературной дѣятельности. Восемнадцати лѣтъ онъ уже вступилъ въ свѣтъ съ переводомъ стихотворенія Рюккертта *Пѣсня странника*, напечатаннымъ въ XXXI томѣ *Современника* Плетнева за 1843 годъ. До половины 1845 года продолжалъ Плещеевъ печатать стихотворенія въ *Современникѣ*, затѣмъ началъ появляться и въ другихъ журналахъ: въ *Иллюстраціи* Кукольника, въ *Репертуарѣ* и *Пантеонѣ* Межевича, а въ 1846 г. вышло въ свѣтъ первое изданіе его стихотвореній. Плещеевъ въ это время вращался въ передовыхъ кружкахъ и принималъ горячее и живое участіе въ движеніи

петрашевцевъ. Это отражается и въ его стихотвореніяхъ того времени. Молодой поэтъ въ то время былъ преисполненъ самыхъ свѣтлыхъ и радужныхъ надеждъ; все окружающее настраивало его на воинственный ладъ. Завидя «зарю святого искупленья», онъ звалъ друзей своихъ взяться за руки и смѣло двинуться «впередъ безъ страха и сомнѣнья на подвигъ доблестный», чтобы подъ знаменемъ науки союзъ ихъ крѣпнулъ и росъ, и гордо, смѣло предрекалъ имъ:

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать...

Муза, явившаяся поэту во снѣ, когда онъ спалъ на берегу моря, предрекла ему блестящую участь:

Страданьемъ и тоской твоя изрыта грудь,
А предъ тобой лежитъ еще далекій путь.
Скажу я, что тебя въ твоей отчизнѣ ждуть:
Подыметъ на тебя камень твой народъ
За то, что обличилъ могучимъ словомъ ты
Рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты.
За то, что возвѣстишь ты мщенья грозный часъ
Тому, кто въ тинѣ зла и праздности погрязъ!
Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ,
Кому закономъ былъ—отцовъ его законъ!
Но не страшиса ихъ! И знай, что я съ тобой,
И камни пролетятъ надъ гордой головой!
Въ дѣляхъ ли будешь ты,—не унывай, и вѣрь,
Я отопру сама темницы смрадной двери.
И снова ты пойдешь, избранный мой левитъ,
И въ міръ голосъ твой не даромъ прозвучитъ.
Зерно любви въ сердца глубоко западетъ:
Придетъ пора, и дастъ оно роскошный плодъ.
И человѣку той поры не долго ждать,
Недолго будетъ онъ томиться и страдать.
Воскреснетъ къ жизни міръ... Смотри, ужъ правды лучъ
Прозрѣвшимъ пламенемъ сверкаетъ изъ-за тучъ!
Иди же вѣры полнъ... И на груди моей
Ты скоро отдохнешь отъ муки и скорбей...

Вѣрный этому призванію, поэтъ объявляетъ друзьямъ, что онъ лишній на ихъ пирахъ, что «не веселитъ его разгульное похмелье и не кипитъ отвагой прежней кровь», что онъ только и могъ безопасно пировать и помышлять о счастіи, пока «въ ужасной наготѣ еще не предстали ему бѣдствія страны его родной, и муки братьевъ духъ еще не волновали». Въ свою очередь и на любовь поэтъ, несмотря на свои 20 лѣтъ, высказывалъ такой же строгій взглядъ, подчиняя ее тѣмъ же призывамъ скорбной музыки. Онъ рѣшительно отвергаетъ любовь дѣвушки, не раздѣляющей его убѣжденій, говоря, что

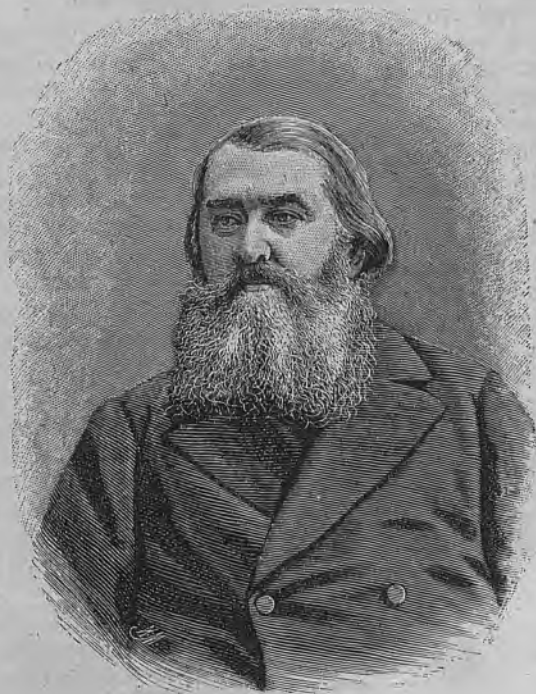
Не въ силахъ я лгать предъ тобою,
А правда страшна для тебя..
Къ чему же безплодной борьбою
Всечасно терзать намъ себя?
Въ кумирахъ мнѣ Бога не видѣть,
Предъ ними чела не склонить!
Мнѣ все суждено ненавидѣть,
Что рабски привыкла ты чтить!..

Но и въ такихъ случаяхъ, гдѣ поэтъ не встрѣчалъ подобной чуждости душъ и никакой разладъ не мѣшалъ ему любить, онъ все-таки смотрѣлъ на любовь, лишь какъ на минутный отдыхъ на тернистомъ пути, и говорилъ своей возлюбленной:

Мнѣ не дано въ удѣлъ безопасно наслаждаться,
Передо мной лежатъ тернистый, долгій путь,
И я спѣшу, дитя, тобой налюбоваться,
Хотя на мигъ душой отъ скорби отдохнуть!

Но недолго продолжался воинственно-восторженный подъемъ духа молодого поэта. Въ началѣ 1849 года Плещеевъ въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ по домашнимъ дѣламъ, былъ арестованъ по прикосновенности къ дѣлу Петрашевскаго и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. По рѣшенію военного суда онъ былъ приговоренъ вмѣстѣ съ другими двадцатью лицами къ разстрѣлянію, но Высочайшею конфирмаціею приговоръ былъ смягченъ, и

Плещеева назначили рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Послѣ девятимѣсячнаго заключенія въ крѣпости онъ былъ 24-го декабря 1849 г. отправленъ въ Оренбургскій край, гдѣ и оставался до 1858 года. Первое время Плещеевъ служилъ въ Уральскѣ, потомъ принималъ участіе въ экспедиціи, предпринятой генералъ-адъютантомъ Перовскимъ для взятія коканской крѣпости Акмечеть, нынѣ—Перовскъ, и принималъ участіе въ штурмѣ этой крѣпости, за что произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1856 году — въ прапорщики. Затѣмъ, прослуживъ еще годъ во фронтѣ, перешелъ въ гражданскую службу, въ оренбургскую пограничную комиссію, въ которой прослужилъ до выхода въ отставку

А. Н. Плещеевъ.

въ 1858 году. 17-го апрѣля 1857 года ему возвращены были права потомственного дворянства, а годъ спустя онъ получилъ разрѣшеніе жить въ столицѣ. Это обстоятельство позволило Плещееву исполнить давнишнее желаніе—поселиться въ Москвѣ, что ему и удалось осуществить въ половинѣ 1859 года. Проживъ здѣсь слишкомъ одиннадцать лѣтъ, Плещеевъ въ январѣ 1872 г. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вошелъ въ составъ редакціи

Отечественныхъ Записокъ, и до самаго закрытія этого журнала въ 1884 году завѣдывалъ въ немъ стихотворнымъ отдѣломъ. Съ прекращеніемъ *Отечественныхъ Записокъ* Плещеевъ перенесъ свою дѣятельность въ *Сѣверный Вѣстникъ*, гдѣ онъ, въ продолженіе издательства этого журнала г-жею Евреиновой, въ свою очередь, завѣдывалъ стихотворнымъ отдѣломъ, помѣщая въ то же время оригинальныя и переводныя стихотворенія. Въ 1886 году былъ торжественно отпразднованъ многочисленной семьей сотоварищей, друзей и почитателей Плещеева сорокалѣтній юбилей его дѣятельности. Но и послѣ юбилея маститый поэтъ вступилъ въ пятое десятилѣтіе своего неустаннаго труда все съ тою же бодростью и энергіею. Лишь въ послѣдніе три года передъ смертью силы начали измѣнять труженику. Но въ это время неожиданно постигло его рѣдкое въ литературной средѣ счастье: въ 1890 году онъ получилъ большое, миліонное наслѣдство отъ своего дяди. Наслѣдство это помогло ему окончить жизнь свою не такъ беспомощно, какъ оканчиваютъ его литературные труженики, лишенные возможности работать. Онъ могъ обезпечить свое семейство; могъ пожертвовать тридцать тысячъ литературному фонду. Но самому воспользоваться неожиданно свалившимся съ неба богатствомъ ему не удалось, такъ какъ въ качествѣ миліонера ему пришлось уже не жить, а лишь угасать, борясь съ старческими немощами, которыя и свели его въ могилу: 26 сентября 1893 года онъ умеръ въ Парижѣ отъ апоплексическаго удара.

По возвращеніи изъ ссылки Плещеевъ получилъ возможность возобновить свою литературную дѣятельность, «съ робостью новичка», по выраженію Добролюбова, печатая свои стихотворенія подъ фамилією А—П—ва. Многіе читатели узнали знакомый голосъ и радушно приняли «старыя пѣсни на новый ладъ», какъ назвалъ самъ Плещеевъ свои стихи, печатая ихъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

Но въ новыхъ пѣсняхъ поэта не было уже юношескихъ порывовъ и радужныхъ мечтаній, какіе мы видѣли въ первыхъ стихотвореніяхъ. Годы изгнанія и тяжелой неволи надломили юныя силы и наложили на музу поэта мрачную печаль разочарованія, тоски и унынія. Первую пѣсню послѣ столь долгаго молчанія поэтъ посвятилъ друзьямъ своей юности, которыхъ онъ призывалъ нѣкогда идти впередъ подъ знаменемъ науки, и вотъ что теперь возглашаетъ онъ имъ:

Домчатся ль къ вамъ знакомыхъ пѣсень звуки,
Друзья мои погибшихъ юныхъ лѣтъ?
И братскій вашъ услышу ли привѣтъ?
Все тѣ же ль вы, что были до разлуки?
Быть можетъ мнѣ иныхъ не досчитаться:
А тѣ—въ чужой, далекой сторонѣ,
Уже давно забыли обо мнѣ...
И некому на пѣсни отзываться!..
Но я—среди бурь, въ дни горя и печали,
Былъ вѣренъ вамъ, весны моей друзья,
И снова къ вамъ несется пѣснь моя,
Когда, какъ сонъ, невзгоды миновали..

Но хотя и миновали невзгоды, — невозвратно погибли дни юности съ ихъ жизнерадостностью и отвагою, и осталось скорбное раздумье о безотрадности и тщетѣ всей жизни:

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
 Тоски болѣзненной и безотраднѣхъ думъ
 Когда жь минуютъ? возрожденя
 Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ.
 Не вижу я вокругъ отраднато разсвѣта!
 Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
 Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта—
 Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.
 Какъ мало радости они мнѣ подарили,
 Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты,
 Морозы раннѣе безжалостно побили
 Безпечной юности любимыя цвѣты.
 И чистыхъ помысловъ, и жаркихъ упованій
 На жизненномъ пути растратилъ много я;
 Но средь неравнѣхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній
 Что жь обрѣла взаменъ всѣхъ грѣзъ душа моя?
 Увы! лишь тяжкое въ себѣ разувѣренье,
 Да убѣжденія въ бесплодности борьбы,
 Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
 Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.
 И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
 Друзей свободная и шумная семья!
 Привѣта братскаго живительная сила
 Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытій...

Даже освобожденіе изъ неволи не принесло поэту живой радости, и, ставаясь съ страной изгнанья, поэтъ какъ бы жалѣеть о ней и неохотно удаляется на просторъ свободной жизни.

Такъ скоро, можетъ быть, покуснуть долженъ я,
 О, степь унылая, просторъ твой необятный;
 Но вмѣсто радости, зачѣмъ душа моя
 Полна какою-то тревогой непонятной?
 Жалѣю ль я чего? Или въ краю иномъ
 Грядущее сулитъ мнѣ мало утѣшеня?
 И побреду я вновь знакомымъ мнѣ путемъ,
 Путемъ заботъ, печалей и лишеня... и т. д.

Сознаніе бесплодности жизни, мучительныхъ укоровъ совѣсти при видѣ своей слабости, малодушія и отсутствія дѣятельнаго добра еще рельефнѣе выражается въ слѣдующемъ стихотвореніи Плещеева:

О, если бь знали вы, друзья моей весны,
 Прекрасныхъ грѣзъ моихъ, порывовъ благородныхъ,—
 Какой мучительной тоской отравлены,
 Проходить дни мои въ сомнѣніяхъ бесплодныхъ!
 Былое предо мной какъ призракъ возстаетъ,
 И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый:
 Чего не могъ убить суровый жизни гнетъ,
 Зарылъ я въ землю самъ! Зарылъ, какъ рабъ лѣнивый!
 Душѣ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
 И отличать дано добро отъ зла умѣнье;
 На что же тратилъ я священныя сердца жаръ?
 Упорно ль къ цѣли шелъ во имя убѣжденя?
 Я заключалъ не разъ со зломъ постыднѣйшій миръ,
 Не пренебрегалъ труда спасительной дорогой,
 Не простирали руки тому, кто нагъ и сиръ,
 И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.
 О, больно, больно мнѣ... Скорбитъ душа моя,
 Казнить меня палачъ неутомимый—совѣсть,
 И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
 Погибшей безъ слѣда, бесплодной жизни повѣсть.

Таковы были мотивы пѣсенъ Плещеева по возвращеніи изъ ссылки. Онъ много переводилъ въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, и прекрасно переводилъ. Лучшіе его переводы: *Вильямъ Радклиффъ* Гейне, *Работница* Шевченко (1860), рядъ переводовъ изъ Ленау, Гервега, Роберта Прутца и др. нѣмецкихъ поэтовъ (1861), *Магдалина*, драма Геббеля въ четырехъ дѣйствіяхъ (1861), *Струензе*, трагедія Михаила Бэра въ пяти дѣйствіяхъ (1876), и пр. Вторилъ онъ порою и некрасовской музѣ, пытаясь пробуждать въ русской публикѣ сочувствіе и состраданіе къ горю русскаго народа, къ скорбной участи униженныхъ и оскорбленныхъ. Но не въ этомъ во всемъ наибольшая сила его музы, а все въ тѣхъ же субъективно-лирическихъ мотивахъ, въ которыхъ вылилось личное горе его скорбной жизни, начиная съ пѣсенъ 1858 года, затѣмъ въ сборникахъ 1861 и 1863 гг. и, наконецъ, въ послѣднемъ изданіи его стихотвореній 1887 года. Онъ имѣетъ нѣкоторое подобіе съ Полежаевымъ, значеніе котораго въ свою очередь заключается въ оплакиваніи печальной доли. Но горе Полежаева слишкомъ эксцентрично и узко, стихотворенія его односторонни, монотонны, блѣдны красками. Плещеевъ никогда не доходилъ до такихъ печальныхъ крайностей, до какихъ дошелъ Полежаевъ. Это—натура въ высшей степени гармоничная, гуманная, кроткая и поэтичная. А главное дѣло—Плещеевъ въ сто разъ образованнѣе Полежаева. Поэтому мотивы поэзіи Полежаева остались исключительно личными, субъективными; Плещеевъ же обобщилъ мотивы своего горя, сдѣлалъ ихъ мотивами горя всѣхъ интеллигентныхъ людей его времени.

Л. Мельшинъ родился 22 окт. 1860 г. въ дворянской семьѣ, въ Новгородской губ., Валдайскомъ уѣздѣ. Въ 1878 г. онъ кончилъ курсъ Новгородской гимназій, а въ 1882 г. получилъ степень кандидата филологическихъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ. Уже въ то время началъ онъ свою литературную дѣятельность печатаніемъ стихотвореній въ разныхъ журналахъ; но съ 1884 г. она на долгое время прекратилась по случаю отправленія его въ Забайкальскую область. Въ отсутствіе его лучшія стихотворенія его были изданы подъ псевдонимомъ Матвѣя Рамшева. Съ 1895 г. снова возобновилась литературная дѣятельность Мельшина; стихотворенія его начали появляться преимущественно въ *Русскомъ Богатствѣ* подъ инициалами П. Я. Въ настоящее время они вышли третьимъ изданіемъ и въ 1900 г. были удостоены Академіею Наукъ почетнаго отзыва.

Въ посвященіи своемъ къ стихотвореніямъ П. Я. говоритъ, что пѣсни его созданы *изъ слезъ и крови сердечной*, и это, по нашему мнѣнію, лучшее и наиболѣе вѣрное опредѣленіе поэзіи Мельшина... Онъ—чистокровный лирикъ, субъективнѣйшій поэтъ, какого только можно себя представить. Каждый стихъ его выливается непосредственно изъ переполненнаго сердца. Не найдете вы у него ни одного стихотворенія надуманнаго, являющагося плодомъ холоднаго, разсудочнаго мышленія, рефлексій. Каждое стихотвореніе поражаетъ прежде всего своею искренностью, живымъ и горячимъ ключомъ, непрестанно бьющимъ на васъ изъ глубины сердца поэта. Наибольшую же симпатію возбуждаетъ въ стихотвореніяхъ Мельшина то, что въ нихъ отражаются всѣ тѣ завѣтныя чувства, думы, муки и печали, которыя переживали нѣкогда лучшіе люди 70-хъ годовъ...

Дѣятельность Мельшина не ограничивается одними стихотвореніями.

Такъ, плодомъ долговременнаго пребыванія въ Забайкальской области явились очерки каторжной жизни подъ заглавіемъ: *Въ мѣръ отверженныхъ*, печатавшіеся въ *Русскомъ Богатствѣ* 1895—98 гг. и изданные затѣмъ отдѣльно. Очерки эти по въ высшей степени обстоятельному и художественному изображенію современной каторги не уступаютъ *Запискамъ изъ Мертваго дома* Достоевскаго. Кромѣ всего этого Мельшинъ помѣщаетъ время отъ времени въ *Русскомъ Богатствѣ* критическія статьи подъ псевдонимомъ Гриневича. Въмѣстѣ съ тѣмъ Мельшинъ является и прекраснымъ переводчикомъ иностранныхъ поэтовъ, въ особенности—Шарля Боделера и Фридриха Боденштедта.

V.

Сатирическая, шуточная, памфлетическая поэзія всегда имѣла видное мѣсто въ нашей литературѣ. Но никогда она не доходила до такого широкаго развитія, никогда такъ не наводняла прессу, какъ въ разсматриваемый нами періодъ пробужденія гласности, обличеній и ожесточенной полемики,—періодъ, который недаромъ недоброжелатели называли «эпохою свистопляски». Некрасовъ уже въ половинѣ сороковыхъ годовъ положилъ начало обличительно-сатирическому жанру куплетами въ своихъ сборникахъ. Въ пятидесятыхъ годахъ прославился въ этомъ родѣ поэтъ Кузьма Прутковъ, досуги котораго были печатаемы въ особенномъ приложеніи къ *Современнику* съ 1854 года — *Литературномъ Ералашѣ*, заведенномъ именно въ полемико-сатирическихъ цѣляхъ. Подъ вымышленнымъ именемъ Кузьмы Пруткова скрывались три поэта: Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, братъ его Владиміръ Михайловичъ и А. К. Толстой. Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, главный и наиболее энергичный поставщикъ шуточныхъ стиховъ подѣ этимъ псевдонимомъ,

А. М. Жемчужниковъ.

авторъ комедіи въ стихахъ *Страшная ночь* (1850 г.) и *Сумасшествіе* (1852 г.), сынъ сенатора М. Н. Жемчужникова, родился въ 1822 году. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ отца, онъ былъ отданъ на двѣнадцатомъ году въ Училище Правовѣдѣнія, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1841 году. Затѣмъ служилъ долго въ сенатѣ, а въ послѣдствіи занималъ мѣсто помощника статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ. Въ настоящее время онъ въ отставкѣ и проживаетъ за границей. Стихотворенія Кузьмы Пруткова, появившіяся въ эпоху самой крутой реакціи, когда было не до сатиры, отличаются невиннымъ юморомъ,

В. С. Курочкинъ.

чуждымъ политическаго характера, и вся соль ихъ заключается въ рядѣ остроумныхъ пародій на господствовавшія въ то время стихотворенія въ духѣ чистаго искусства, вѣчно воспѣвавшія то нравы древнихъ грековъ и римлянъ, то Испанію съ ея серенадами и кастаньетами.

Особенно начала процвѣтать и развиваться сатирическая поэзія послѣ 1856 г., когда во всѣхъ журналахъ велѣдъ за *Свисткомъ Современника* появились полемическіе фельетоны, возникъ цѣлый рой специально сати-

рическихъ листковъ съ *Искрой* во главѣ и явились писатели, всю свою дѣятельность посвятившіе обличительной поэзіи. Впереди этихъ сатириковъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ первое мѣсто занимаетъ основатель русской сатирической прессы Василій Степановичъ Курочкинъ.

В. С. Курочкинъ родился 28-го іюля 1831 г. въ Петербургѣ. Прозваніе къ литературѣ почувствовалъ онъ въ раннемъ дѣтствѣ. На седьмомъ году онъ самъ, безъ учителя, выучился читать, съ восьми проводилъ цѣлые дни за чтеніемъ, а десяти лѣтъ уже сочинялъ комедіи въ стихахъ, подражая всему, что онъ читалъ въ этомъ родѣ въ *Библиотекѣ для Чтенія* Сенковского, въ *Репертуарѣ*, *Пантеонѣ* и пр. Въ 1841 г. Курочкинъ былъ опредѣленъ въ 1-й кадетскій корпусъ; въ 1846 г. былъ переведенъ въ Дворянскій полкъ, откуда въ 1848 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Гренадерскій полкъ. Не чувствуя расположенія къ службѣ, онъ однако промыкался въ ней около трехъ лѣтъ, проведя годъ на гауптвахтѣ, куда попалъ по суду за самовольное оставленіе взвода, возвращавшагося съ парада, что было замѣчено императоромъ Николаемъ.

Къ этому времени относится сочиненіе Курочкинымъ первой сатиры *Путешествіе хромого бѣса въ Старую Руссу*, оставшейся ненапечатанною. Затѣмъ, по приговору полевого суда, онъ былъ посаженъ на мѣсяць въ крѣпость, послѣ чего попытался было вѣстовать въ военную академію, но это ему не удалось, и онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы. Не имѣя средствъ, Курочкинъ опредѣлился въ вѣдомство путей сообщенія, на жалованье въ 14 руб. въ мѣсяць которыми и довольствовался въ теченіе почти двухъ лѣтъ до полученія пятидесятирублеваго мѣста.

Съ половины 1854 года стихотворенія Курочкина стали появляться въ нѣкоторыхъ мало распространенныхъ петербургскихъ журналахъ и газетахъ, но извѣстностью онъ не пользовался и лишь съ первыхъ переводовъ его изъ Беранже былъ замѣченъ, и изъ всѣхъ редакцій посылались приглашенія о сотрудничествѣ. Этотъ успѣхъ былъ понятенъ. Въ переводахъ изъ Беранже впервые талантъ Курочкина проявляется во всей величинѣ. По сродству ли характера и духа съ знаменитымъ французскимъ поэтомъ, или просто по чуткости и богатству таланта, Курочкинъ словно воплотился въ Беранже, пережилъ каждую изъ переведенныхъ имъ пѣсенъ всѣмъ своимъ существомъ, сдѣлалъ Беранже какъ бы русскимъ народнымъ поэтомъ. Словомъ, онъ переводилъ Беранже, какъ Крыловъ Лафонтена: читая басню Крылова, вы забываете Лафонтена; такъ и читая пѣсни Беранже въ переводѣ Курочкина—забываете Беранже и видите передъ собою В. С. Курочкина. Нѣтъ ничего удивительнаго, что изданіе переводовъ Беранже В. С. Курочкина выдержало въ теченіе пяти-шести лѣтъ пять изданій, одно изъ которыхъ—именно пятое—появилось въ 1864 г., съ приложеніемъ двѣнадцати гравюръ, сдѣланныхъ по рисункамъ Бойе.

В. С. Курочкинъ былъ вполне дѣтищемъ шестидесятихъ годовъ и однимъ изъ самыхъ типическихъ представителей эпохи. Обладая сангвиническимъ темпераментомъ, художественнымъ, тонко-развитымъ вкусомъ, блестящимъ остроуміемъ и нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ, онъ былъ горячимъ энтузіастомъ во всѣхъ передовыхъ идеяхъ своего времени. Авторитеты Бѣлинскаго, Добролюбова и прочихъ дѣятелей предыдущей и со-

временной эпохѣ онъ чтилъ до конца дней своихъ и съ неподкупнымъ рыцарствомъ весь отдавался служенію ихъ идеямъ. Для него не существовало другихъ интересовъ, кромѣ литературно-общественныхъ. Въ то же время въ практической жизни это было дитя, блуждающее въ лѣсу. Не говоря о какихъ-либо своекорыстныхъ заботахъ и расчетахъ, онъ и въ дѣлѣ общественнаго служенія не помышлялъ о завтрашнемъ днѣ и, какъ истинный сынъ вѣка, жилъ увлеченіемъ сегодняшняго протеста. Это была чистая, прозрачная душа, чуждая какой-либо раздвоенности или затаенности; у Курочкина не было ничего на душѣ, чего не было бы на языкѣ. Если онъ бывалъ кѣмъ-либо недоволенъ, онъ объявлялъ объ этомъ громко, во всеуслышаніе, не стѣняясь выраженіями. Особенно строго онъ былъ къ людямъ близкимъ или одного лагеря. Малѣйшее подозрѣніе ихъ въ измѣнѣ знамени онъ принималъ весьма близко къ сердцу, скорбѣлъ, какъ мать о больномъ ребенкѣ, и болѣзненно выходилъ изъ себя, если подозрѣнія его оправдывались. Этимъ онъ нажилъ много враговъ, которые злословили его и мстили ему всю жизнь.

Этого-то безкорыстнаго энтузіаста прогрессивныхъ идей и ребенка въ практикѣ жизни волна движенія шестидесятыхъ годовъ подняла вверхъ въ качествѣ создателя сатирической прессы. Изданіе *Искры* было задумано имъ въ 1856 г.; 1-й номеръ долженъ былъ выйти еще въ 1857 г., а вышелъ лишь 1-го января 1859 г., подъ редакціею Курочкина и Н. С. Степанова, извѣстнаго карикатуриста.

Не прошло двухъ-трехъ лѣтъ послѣ начала изданія, какъ *Искра* была въ числѣ первыхъ органовъ прессы въ Россіи. Она расходилась по всѣмъ городамъ; число подписчиковъ въ счастливые годы у *Искры* насчитывалось болѣе 10,000, кромѣ того при каждомъ обличеніи провинціального скандала массы экземпляровъ выписывались городомъ, въ которомъ происходилъ скандалъ. *Искра* сдѣлалась грозой для всѣхъ, у кого не чиста совѣсть,—и попасть въ *Искру*, упечь въ *Искру* были самыми обыденными выраженіями въ жизни шестидесятыхъ годовъ. Не было ни одного крупнаго или мелкаго безобразія общественной или литературной жизни, которое не имѣло бы мѣста на страницахъ *Искры*, въ игривыхъ, полныхъ необузданнаго остроумія куплетахъ, пародіяхъ или въ прозѣ, исполненной убійственныхъ сарказмовъ; не существовало такой пошлости, которая не была бы представлена во всемъ безобразіи, и не было такого подлеца, который не увидѣлъ бы въ одинъ прекрасный день своей физиономіи въ ряду карикатуръ *Искры* съ полной подписью всѣхъ нравственныхъ качествъ. Самыя талантливыя, остроумныя и беспощадно-злыя строки въ газетѣ принадлежали самому издателю, который трудился неутомимо, писалъ куплеты, пародіи, передовыя и обличительныя статьи, изобрѣталъ карикатуры для исполненія художниками. Это была дѣятельность изумительная по своей плодовитости. Довольно сказать, что изъ 700 слишкомъ нумеровъ, составляющихъ полное изданіе *Искры* за все время ея существованія, едва ли найдется одинъ, въ которомъ не было бы помѣщено его передовой или обличительной статьи, оригинальнаго или переводнаго стихотворенія.

Въ началѣ 1864 года изданіе и редакція *Искры* перешли въ исключительное завѣдываніе Курочкина, такъ какъ Степановъ съ этого года на-

чалъ издавать свой особенный сатирическій журналъ *Будильникъ*, перенесенный имъ впоследствии въ Москву.

Но не могло долго просуществовать изданіе, подымавшее на смѣхъ всѣхъ и каждаго и никому не дававшее покоя. Едва начался отливъ движенія шестидесятыхъ годовъ и волны его покатались вспять, понесли онъ по своему обратному теченію и злосчастную *Искру*.

Уже среди шестидесятыхъ годовъ она начала слабѣть, хилѣть, блѣднѣть, но виною этого было не ослабленіе энергіи издателя. Нельзя же было пѣть однимъ тономъ объ одномъ и томъ же. Предметы, обличеніе которыхъ занимало публику въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во вто-

Д. Д. Минаевъ.

рую половину пріѣлись. Публика ждала обличеній новыхъ сторонъ жизни, но и въ прежнемъ кругѣ обличеній едва можно было держаться. Тонъ *Искры* спадалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшался и интересъ къ ней публики, уменьшалось число и подписчиковъ. Съ перерывами, вынуждаемыми денежными, цензурными и прочими затрудненіями, при содѣйствіи разныхъ болѣе или менѣе ненадежныхъ издателей, *Искра* могла просуществовать едва-едва до 1873 года, когда волны неудачъ окончательно потопили ее.

Положеніе Курочкина по прекращеніи *Искры* было поистинѣ трагическое. Оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ въ то же время схоронилъ въ любимомъ журналѣ все, чѣмъ жила душа его. При его талантѣ, трудолюбіи и почетномъ имени ему ничего не стоило зарабатывать столько, чтобы жить безбѣдно со своимъ семействомъ; но каково было человѣку, привыкшему стоять во главѣ изданія полновластнымъ хозяиномъ кровнаго дѣла, пресмыкаться по чужимъ редакціямъ, подчиняться изъ-за куска хлѣба чужимъ условіямъ и требованіямъ! При такихъ обстоятельствахъ онъ не могъ протянуть болѣе двухъ лѣтъ, при чемъ замѣтно хирѣлъ, и въ глазахъ его очень часто горѣлъ огонь мрачнаго отчаянія. Умеръ, впрочемъ, онъ случайно 15-го августа 1875 года: при леченіи отъ остраго ревматизма, приобрѣтеннаго на дачѣ въ 3-мъ Парголово, по ошибкѣ ему было сдѣлано подкожное впрыскиванье такой дозы морфія, какой было достаточно, чтобы уснуть навѣки. Похоронили его на Волковѣ, недалеко отъ могилъ Бѣлинскаго, Добролюбова и пр.

Кромѣ Беранже, изъ котораго Курочкинъ перевелъ до ста пьесъ, онъ переводилъ изъ Мольера (*Мизантропъ*), Вольтера (*Макаръ и Тэлэма*), Альфреда-де-Виньи (*Смерть волка и Гнѣвъ Самсона*), Альфреда де Мюссе (*Ночи, Ива, Пѣснь Фортуніо*), Виктора Гюго (*Грозный годъ* и др.), Барбье (*Бѣдламъ, Всемирная сила* и др.), Грессе (*Попугай*), изъ Надо, Борнса, Шиллера и пр. Замѣчательны также его передѣлки для русской сцены двухъ извѣстныхъ оперетокъ: *Фаустъ на изнанку* и *Дочь рынка*.

Однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и пользовавшихся наибольшею извѣстностью сподвижниковъ В. С. Курочкина на поприщѣ легкой сатиры и въ качествѣ постоянного сотрудника *Искры* является Дмитрій Дмитриевичъ Минаевъ.

Д. Д. Минаевъ родился 21-го октября 1835 года въ Симбирскѣ. Отецъ его, Дмитрій Ивановичъ Минаевъ, былъ тоже поэтъ, извѣстный переводчикъ *Слова о полку Игоря*. Д. Д. Минаевъ учился въ Дворянскомъ полку, по окончаніи курса въ которомъ служилъ въ Симбирской казенной палатѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ—по министерству внутреннихъ дѣлъ, въ земскомъ отдѣлѣ по крестьянскому вопросу. Выйдя въ 1857 году въ отставку, онъ посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности. Съ 1858 года стихи его начали появляться во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ, особенно въ *Искрѣ*, гдѣ онъ подвизался подъ псевдонимами Обличительный поэтъ, Темный человѣкъ, Михаилъ Бурбоновъ, Дм. Свіяжскій, Литературное Домино и пр. Съ 1860 г. онъ много занимался переводами съ французскаго и даже англійскаго, переводилъ поэмы Байрона (*Донъ-Жуанъ, Чайльдъ-Гарольдъ, Бетто, Манфредъ и Каинъ*); но такъ какъ онъ зналъ языки плохо и переводилъ на стихи подстрочные переводы другихъ лицъ, наподобіе какъ Жуковскій—«Одиссею», то вѣрность и близость его переводовъ къ подлинникамъ подвержены сомнѣніямъ.

Это былъ талантъ не столько поэтической, сколько стихотворный въ специальномъ смыслѣ этого слова. Стихомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, и даръ стихосложенія доходилъ у него до импровизаціи, причемъ онъ прославился богатѣйшими приемами, которыми онъ приводилъ въ изумленіе своихъ современниковъ; не было такого слова и сочетанія звуковъ въ русскомъ языкѣ, къ которымъ онъ не прибралъ бы созвучія.

Произведенія его мало-мальски серьезнаго содержанія не отличаются

ни глубиною, ни силою (напр. удостоившаяся уваровской преміи и напечатанная въ *Вѣстникъ Европы* 1874 года комедія *Спящая пьсня*); но за то въ шуточныхъ стихотвореніяхъ, пародіяхъ, обличеніяхъ, эпиграммахъ—онъ былъ неподражаемъ по остроумію, хотя легкому, поверхностному, но тѣмъ не менѣе порою очень мѣткому.

Умеръ онъ 10-го іюня 1889 года, 54-хъ лѣтъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

I. Школа поэтовъ чистаго искусства. Алексѣй Константиновичъ Толстой. Факты его жизни.—II. Характеристика его произведеній.—III. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.—IV. Аванасій Аванасьевичъ Шеншинъ (Фетъ).—V. Федоръ Ивановичъ Тютчевъ. Яковъ Петровичъ Полонскій.—VI. Левъ Александровичъ Мей. Николай Федоровичъ Шербина. VII. Поэты-переводчики: Николай Васильевичъ Гербель, Петръ Исавичъ Вейнбергъ. Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ.

I.

Между тѣмъ, какъ поэзія, созданная разсматриваемою нами эпохою, отражала горе народное или выражала хандру и покаяніе дворянскія,—сороковые годы завѣщали намъ особенную школу поэтовъ чистаго искусства, имѣющую въ своихъ рядахъ нѣсколько недюжинныхъ талантовъ, но, къ сожалѣнію, представляющую собою пустоцвѣтъ. Поэты этой школы считали себя прямыми послѣдователями Пушкина, претендовали на то, что они одни только являются вѣрными хранителями пушкинскихъ традицій. Но въ этомъ они жестоко ошибались. Пушкинъ хотя и завѣщаль имъ въ извѣстномъ стихотвореніи «Подите прочь, какое дѣло»—заповѣдь чистаго искусства, но самъ въ своей поэзіи былъ поэтомъ, черпавшимъ свои прекрасные образы непосредственно изъ жизни. Поэты же сороковыхъ годовъ, понявъ въ буквальномъ смыслѣ, что они рождены «не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ, а для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ», замкнулись въ эстетическія созерцанія прекрасныхъ образовъ классическаго искусства древнѣйшихъ и новѣйшихъ временъ, причемъ изолировались не отъ однихъ только злобъ дня и, такъ называемыхъ, «гражданскихъ мотивовъ», но и отъ жизни вообще, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Путемъ замкнутости въ эстетическихъ созерцаніяхъ они создали поэзію отвлеченную, кабинетную, искусственно-галантерейную, изысканно-риторичную. Главный недостатокъ этой поэзіи заключается въ ея безличности, отсутствіи такихъ красокъ, колорита, звуковъ, мотивовъ, въ которыхъ выражался бы своеобразный букетъ русской народности и жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ поэты этой школы страдаютъ отсутствіемъ и индивидуальности: все различіе ихъ одного отъ другого заключается лишь въ томъ, что одни эпичнѣе и объективнѣе, другіе—субъективнѣе и личнѣе, третьи имѣютъ пристрастіе къ изображеніямъ изъ древне-класси-

ческой жизни, четвертые предпочитаютъ воспѣвать любовь и пр. Но тщетно вы будете искать въ ихъ поэзіи рѣзко выраженныхъ чертъ ихъ духовныхъ фizioномій.

Они всѣ сливаются въ одинъ безразличный хаосъ изысканно-стереотипныхъ образовъ и звуковъ. Поэзія ихъ имѣетъ совершенно такой-же искусственно-школьный, отвлеченный характеръ, какой имѣла академическая живопись прежнихъ временъ, черпавшая свое содержаніе не прямо изъ жизни, а изъ такъ называемыхъ «великихъ образцовъ», полагая всю суть искусства въ подражаніи имъ.

Во главѣ этой школы слѣдуетъ поставить графа Алексѣя Константиновича Толстого. Онъ родился 24-го августа 1817 года въ Петербургѣ, но шести-недѣльнымъ увезли его въ Малороссію мать его и дядя съ материнской стороны, Алексѣй Перовскій, человекъ образованный, большой любитель изящныхъ искусствъ, принимавшій участіе въ литературѣ и извѣстный въ ней подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Проведя въ имѣніи родителей первыя восемь лѣтъ жизни, А. Толстой имѣлъ полное право считать своею родиною Малороссію. Дѣтство его прошло счастливо и оставило въ немъ одни свѣтлыя воспоминанія. Нѣжными попеченіями родителей онъ былъ огражденъ отъ неприятныхъ столкновеній и шероховатостей жизни, росъ въ полномъ одиночествѣ среди изящной обстановки и роскоши малороссійской природы, и при такихъ условіяхъ въ немъ рано развилась мечтательность, и воображеніе его начало создавать самыя причудливыя и фантастическія грезы.

„Съ шестилѣтняго возраста,—говоритъ гр. Толстой въ своей автобіографіи,—началь я мараť бумагу и писать стихи,—такъ было поражено мое воображеніе произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденныхъ мною въ какомъ-то толстомъ сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переплетенномъ въ грязную красную обертку. Видъ этой книги, отпечатавшейся въ моей памяти, заставлялъ биться сердце всякій разъ, когда она мнѣ снова попадалась на глаза. Я таскала ее, бывало, съ собой всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, изучать ее часами. Скоро я зналъ ее наизусть, я ушлавая музыкаю разнообразныхъ романсовъ и усвоилъ себѣ ихъ технику; какъ ни были неполны мои первые опыты, я долженъ однако сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны“.

При такихъ условіяхъ въ мальчикѣ очень рано начало обнаруживаться поэтическое призваніе.

Когда ему было восемь или девять лѣтъ, его повезли въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ представленъ ко двору и допущенъ въ число дѣтей, составляющихъ воскресное общество цесаревича (покойнаго императора Александра Николаевича). Съ слѣдующаго года начинаются странствія его съ родителями за границей, имѣвшія большое вліяніе на эстетическое развитіе его и углубленіе въ міръ прекрасныхъ образовъ искусства. Первое путешествіе было совершено въ Германію. Въ Веймарѣ дядя свелъ его къ Гёте, къ которому мальчикъ проникся величайшимъ почтеніемъ за манеру, съ которою онъ говорилъ. Отъ этого посѣщенія у Толстого сохранились въ памяти величественныя черты Гёте, и что онъ сидѣлъ у него на колѣняхъ.

Мальчику было 13 лѣтъ, когда впервые онъ посѣтилъ съ родными Италію. «Невозможно,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—изобразить силы моихъ впечатлѣній и переворота, совершившагося въ моей душѣ, когда въ первый разъ увидѣлъ я тѣ сокровища, о которыхъ имѣлъ уже смутныя понятія прежде, нежели встрѣтился съ ними». Они пріѣхали

первымъ дѣломъ въ Венецію, гдѣ дядя его сдѣлалъ большія покупки въ старомъ дворцѣ Гримани. Между прочимъ, былъ купленъ бюстъ молодого Фавна, великолѣпный экземпляръ, приписываемый Микель-Анджело. Когда статую перенесли въ ихъ отель, мальчикъ не отходилъ отъ нея, и воображеніе его мучилось нелѣпыми страхами. Онъ задавалъ себя вопросъ, что ему дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, можетъ ли унести статую въ своихъ рукахъ. Изъ Венеціи они отправились въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь. При каждомъ посѣщеніи восторгъ и любовь къ искусству возрастали въ юношѣ. Дѣло дошло до того, что по возвращеніи въ Россію онъ впалъ въ тоску по Италіи, доходившую до отчаянія, которое заставляло его днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать; сны заносили его въ потерянный рай.

Изъ всего этого мы можемъ судить, что воспитаніе Толстого систематично было направлено къ тому, чтобы отвлечь его отъ непосредственныхъ отношеній къ живой дѣйствительности и поселить его въ отвлеченно-мечтательный міръ прекрасныхъ грезъ. Онъ по всей справедливости могъ къ себѣ отнести слѣдующіе стихи повѣсти его *Портретъ*:

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна,
Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась непрерывно,
Все, что зовутъ серьезныя дѣла, —
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.

Въ то же время жизнь Толстого отличалась крайней бѣдностью событій. Семнадцати лѣтъ выдержалъ онъ выпускной экзаменъ въ Московскомъ университетѣ. Въ 1836 году, по желанію матери, былъ прикомандированъ къ русскому посольству при нѣмецкомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позже поступилъ во II отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Въ 1855 году онъ записался въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ императорской фамиліи, съ тѣмъ чтобы отправиться въ крымскую кампанію. Но полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и достигъ только Одессы, гдѣ потерялъ болѣе тысячи человекъ отъ тифа, полученнаго также и Толстымъ. Тотчасъ по заключеніи мира онъ вышелъ въ отставку и въ 1857 г. вступилъ въ должность егермейстера двора его величества, которую занималъ до смерти. Послѣдніе два года жизни Толстой провелъ по большей части въ странствованіяхъ за границей, преимущественно по разнымъ минеральнымъ водамъ Германіи, въ надеждѣ на исцѣленіе отъ снѣдавшаго его недуга. Возвратившись въ Россію, онъ, нигдѣ не останавливаясь, прямо проѣхалъ въ свое любимое черниговское имѣніе, Красный Рогъ, близъ города Почепъ, гдѣ скончался 28-го сентября 1875 года вечеромъ, на пятьдесятъ девятомъ году жизни.

II.

Дебютировалъ Толстой въ 1842 году нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 1855 году онъ отдалъ въ первый разъ свои лирическія и эпи-

ческія стихотворенія въ различные журналы, а позже помѣщалъ ихъ ежегодно въ *Вѣстникъ Европы* и *Русскомъ Вѣстникѣ*.

Въ произведеніяхъ гр. А. Толстого, при всей ихъ внѣшней красотѣ и живописной пластикѣ, напрасно вы будете искать такихъ особенностей, которыя рѣзко выдѣляли бы этого поэта и составляли бы его физиономію. Онъ напоминаетъ собою Жуковскаго въ томъ отношеніи, что самыми лучшими его произведеніями являются навѣянные иностранными или русскими поэтами; таковы, на примѣръ, стихотворенія, навѣянные Лермонтовымъ: *Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ поля таетъ, Въ советѣ искалъ я долго обвиненъ, Въ странѣ, незримой нашимъ взорамъ, Горними тихо летѣла душа небесами*. Другія напоминаютъ Гейне: *Змья, что по скаламъ влечетъ свои извивы* и многіе крымскіе очерки, на примѣръ: *Вы все любуетесь на скалы, или Какъ чудесно хороши вы, южной ночи красоты*. Драматическая поэма *Донъ-Жуанъ*, очевидно, внушена изученіемъ *Фауста* Гёте, а *Драконъ*, итальянскій рассказъ XII вѣка, носить на себѣ несомнѣнные слѣды изученія Данте.

Къ числу подобныхъ же подражательныхъ стихотвореній Толстого слѣдуетъ причислить и всѣ поддѣлки его подъ народныя пѣсни и былины, въ родѣ: *Ходитъ стѣсь надувающихся, Кабы знала я, кабы въдала, Колокольчики мои, цвѣтики степные, Не Божьимъ громомъ горе ударило, Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ, Садко, Змѣй Тугаринъ* и проч. Онѣ красивы, какъ и все, написанное Толстымъ, но въ нихъ и слѣда не найдете искренняго, неподдѣльнаго чувства, живой, горячей страсти, вдохновенія, однимъ словомъ—того, что составляетъ прелесть и силу истинной и естественной поэзіи. Напротивъ того, отъ нихъ такъ и вѣетъ холодомъ искусственнаго вымысла, тяжелыми усиліями кропотливой художественной отдѣлки. Но стихотворенія, навѣянные разными поэтами и написанныя въ духѣ различныхъ народностей, представляются все-таки лучшими и наиболѣе удачными; въ нихъ отражалась по крайней ней мѣрѣ та поэзія, подъ вліяніемъ которой онъ создавалъ. Что же касается до вполне самостоятельныхъ произведеній, то всѣ они безхарактерны, безжизненны и риторичны. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе вотъ на какое характерное явленіе. Гр. А. Толстой былъ большой любитель природы, особенно малороссійской, среди которой провелъ всю жизнь. Въ одномъ мѣстѣ автобіографіи онъ связываетъ эту страсть къ природѣ со страстью къ охотѣ, говоря, что онъ нарочно ускользалъ отъ свѣтской жизни, чтобы проводить недѣли въ лѣсахъ, иногда съ товарищами, по обыкновенію въ одиночку. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что поэзія его почти всегда писана въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ соотечественники его поютъ по большей части въ минорномъ, и что любовь его къ нашей дикой природѣ отразилась въ его поэзіи почти столько же, какъ и чувство пластической красоты.

Дѣйствительно, въ своихъ стихотвореніяхъ А. Толстой очень часто обращается къ природѣ и отличается щедростью въ описаніяхъ ея красоты. Но всѣ эти описанія составляютъ самую слабую сторону его стихотвореній. Читая ихъ, вы не чувствуете обаянія природы, какимъ проникнуты лучшія произведенія нашей литературы въ этомъ родѣ. Изъ описаній А. Толстого вы не въ силахъ бываете представить себѣ даже

того ландшафта, о которомъ идетъ рѣчь. Передъ вами не живыя, художественныя картины, а перечень предметовъ вразсыпную, при чемъ воображенію вашему предоставляется самому слагать эти предметы во что-либо цѣльное и связанное. Такъ, напримѣръ, казалось бы, какой же природѣ, какъ не малороссійской, слѣдовало-бы отражаться въ произведеніяхъ г. А. Толстого. А между тѣмъ именно ея-то вы у него и не найдете, точно будто онъ никогда не жилъ въ Малороссіи, а лишь проѣзжалъ и видѣлъ ее мелькомъ изъ оконъ вагона. Для доказательства прочтите, напримѣръ, стихотвореніе *Ты знаешь край*. Что здѣсь воспѣвается Малороссія, можно судить лишь по тому, что упоминаются названія, относящіяся къ этой странѣ, въ родѣ паробковъ, Маруси, Грицко, чубовъ, казачекъ, или историческія имена въ родѣ Кочубея, Мазепы, Палѣя, Сагайдачнаго. Что же касается колорита и характерныхъ особенностей мѣстности, ея быта и нравовъ, то вмѣсто всего этого вы найдете рядъ общихъ, стереотипныхъ чертъ, могущихъ относиться къ какой угодно мѣстности Европы, лежащей подъ одною широтой съ Малороссіей.

Но писатель, бѣдный живыми и яркими образами, можетъ быть богатъ внутреннею жизнью, можетъ отразить въ своихъ произведеніяхъ въ условныхъ символическихъ образахъ рядъ любопытныхъ и поучительныхъ психическихъ явленій или философскихъ идей. Но и этого мы не можемъ сказать о Толстомъ. По міросозерцанію онъ стоитъ въ уровнѣ велико-свѣтскаго кружка, которому принадлежалъ. Убѣжденія его поражаютъ васъ узостью формальнаго піэтизма, давящаго васъ, словно низенькій потолокъ надъ головой. Въ мистицизмѣ этомъ вы видите полное отсутствіе самостоятельной мысли. Это не тотъ мистицизмъ, который создаетъ образы, хотя и дико-фантастическіе, но не лишены своеобразной прелести, а тотъ, который, ради подобострастной вѣрности традиціямъ, лишаетъ иные образы присущей имъ поэтичности, если поэтичность эта какъ-либо не согласуется съ буквою догмата. Это мы можемъ наглядно видѣть въ драматической поэмѣ А. Толстого *Донъ-Жуанъ*, въ которой поэтъ превратилъ оболыстительнаго своимъ дерзкимъ протестомъ Донъ-

А. К. Толстой.

Жуана въ сантиментальнаго святошу, слезно оплакивающаго грѣхи молодости въ севилскомъ монастырѣ при набожныхъ хорахъ монаховъ.

О дѣятельности гр. Толстого въ области исторической драматургіи и беллетристики мы имѣли уже случай говорить въ соотвѣствующихъ главахъ.

III.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, правнукъ Василя Майкова, автора *Елистыя*, былъ сынъ извѣстнаго художника Ник. Аполл. Майкова; родился 23-го мая 1821 г. въ Москвѣ. Дѣтство провелъ въ подмосковской усадьбѣ отца, близъ Троицко-Сергіевской лавры. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ отецъ Майкова переѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ. Здѣсь Майковъ началъ учиться подъ руководствомъ дяди, занимавшагося приготовленіемъ молодыхъ людей въ военно-учебныя заведенія, при чемъ особенные успѣхи оказывалъ въ математикѣ. Болѣе же всего своимъ образованіемъ Майковъ былъ обязанъ вліянію друга отца его, Солоницына, соредактора Сенковского по изданію *Библиотеки для Чтенія*. У него была обширная бібліотека, доставившая возможность какъ Аполлону, такъ и Валеріану Майковымъ познакомиться съ капитальнѣйшими произведеніями русскихъ и западныхъ классиковъ, новѣйшихъ и древнихъ. Домъ родителей Майкова представлялъ открытый литературный салонъ, куда стекались всѣ знаменитости того времени. Словесность преподавалъ будущему поэту И. А. Гончаровъ, въ то время только-что вышедшій изъ университета молодой кандидатъ. Въ 1836 г. Майковъ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ. Но, хотя въ это время онъ писалъ уже стихи (первое стихотвореніе его *Разочарованіе* было написано 14 лѣтъ) и издавалъ домашніе рукописные журналы подъ руководствомъ Гончарова, онъ смотрѣлъ на свои литературныя занятія, какъ на нѣчто второстепенное. Наиболѣе же увлекался живописью, ободренный успѣхомъ одной изъ своихъ картинъ, — *Распятія*, — купленной въ устраивавшуюся тогда католическую капеллу для бракосочетанія В. Кн. Маріи Николаевны. Онъ и по окончаніи курса въ университетѣ продолжалъ мечтать посвятить себя живописи, и лишь близорукость и слабость зрѣнія понудили его отказаться отъ этой мысли, а успѣхъ нѣкоторыхъ изъ первыхъ стихотвореній, обратившихъ на себя вниманіе профессоровъ Плетнева и Никитенко, увлекъ его окончательно на литературное поприще. Первые стихотворенія его въ печати появились въ 1838 году, а въ 1841 году вышло первое изданіе его стихотвореній, встрѣченное обширною и обстоятельною статью Бѣлинскаго, признавшаго въ Майковѣ «дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и обѣщающее въ будущемъ». Но восторгъ Бѣлинскаго быстро охладѣлъ, и уже въ литературномъ обзорѣ за 1842 годъ, упоминая о томъ же изданіи и признавая, что антологическія стихотворенія А. Майкова не только не уступаютъ въ достоинствѣ антологическимъ стихотвореніямъ Пушкина, но едва ли не превосходятъ ихъ, Бѣлинскій въ то-же время оговаривается, что было бы жаль, если бы только на этомъ остановился

Майковъ, что исключительная преданность древнему міру (и притомъ далеко не вполне понятому), безъ всякаго живого, кровнаго сочувствія къ современному міру, не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени; всѣ же не антологическія стихотворенія поэта пока не общаются въ будущемъ ничего особеннаго.

Когда появился этотъ прощескій приговоръ Бѣлинскаго, Майковъ, по окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата, путешествовалъ за границей, посетилъ Римъ и его памятниками искусства, слушалъ лекціи Сорбонны и Collège de France, увлекался славянскимъ вопросомъ въ Прагѣ, познакомившись съ Ганкою.

По выходѣ изъ университета онъ опредѣлился въ департаментъ государственнаго казначейства, въ которомъ прослужилъ не долго, послѣ чего получилъ мѣсто бібліотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ, которое занималъ до перенесенія музея въ Москву. Наконецъ перешелъ въ комитетъ иностранной цензуры.

А. Н. Майковъ.

Литературную дѣятельность А. Майкова можно раздѣлить на три періода. Къ первому періоду принадлежатъ стихотворенія его сороковыхъ годовъ и начала пятидесятихъ. Въ этомъ періодѣ, согласно съ опредѣленіемъ Бѣлинскаго, преобладали стихотворенія антологическія, по большей части изъ древняго міра. Въ это время была задумана Майковымъ драматическая поэма *Два міра*, изображающая столкновеніе язычества и христіанства въ эпоху паденія Рима. Поэму эту онъ писалъ всю жизнь съ перерывами: прологъ ея, подъ заглавіемъ *Три смерти*, былъ написанъ имъ съ 1841 по 1852 годъ, а напечатанъ въ 1857 году въ *Библиотекѣ для Чтенія*; въ цѣломъ же видѣ поэма была окончена лишь въ 1872 году. Къ тому-же періоду относятся: поэма *Двѣ судьбы* (1845 г.), *Очерки Рима* (1847 г.), *Анакреонъ*, *Алкивиадъ* и проч.

Второй періодъ можно считать съ 1855 года, и простирается онъ до половины шестидесятихъ годовъ. Это было время полного расцвѣта таланта Майкова, когда, подъ вліяніемъ движенія шестидесятихъ годовъ и

общаго одушевленія, и онъ въ свою очередь вышелъ изъ антологическаго анахоретства и началъ увлекаться новыми вопросами времени. Къ этому періоду относятся лучшія его произведенія: *Клермонтскій соборъ*, *Савонаролла*, *Дурочка Дуня*, *Послѣдніе язычники*, *Поля*, *Картинка*, *Нива*, масса прекрасныхъ переводовъ изъ Гейне и проч.

Съ паденіемъ прогрессивной волны и съ наступленіемъ реакціи обратилась вспять и податливая муза Майкова, и послѣднія двадцать пять лѣтъ дѣятельности его представляютъ печальное паденіе таланта. Онъ проникся мистицизмомъ, славянофильскими тенденціями школы почвенниковъ и сдѣлался жрецомъ того фанатическаго обскурантизма, который гнѣзвился въ семидесятые и восьмидесятые годы вокругъ *Русскаго Вѣстника*, гдѣ преимущественно и появлялись произведенія Майкова этого періода. вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическій талантъ Майкова началъ замѣтно увядать съ каждымъ годомъ, и если прежде, при всей изысканной галантерейности и риторичности, свойственной этой школѣ, встрѣчались въ лучшихъ произведеніяхъ его проблески истинной поэзіи, то послѣднія произведенія не представляютъ собою ничего болѣе, какъ официальное приемошлетство на какіе угодно торжественные случаи.

IV.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ (Фетъ) родился 22-го ноября 1820 г. въ имѣніи отца Аѳанасья Неонитовича, сельцѣ Новоселкахъ, Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи. Получивъ первоначальное образованіе дома, онъ на четырнадцатомъ году поступилъ въ учебное заведеніе Крюмера въ городѣ Верро (Лифляндской губ.), гдѣ и оставался около четырехъ лѣтъ. Семнадцати лѣтъ онъ перешелъ въ Москву, въ частный пансіонъ М. П. Погодина, а оттуда—въ Московскій университетъ, сначала на юридическій, а затѣмъ на словесный факультетъ. При поступленіи Фета въ университетъ встрѣтились неожиданныя затрудненія въ представленіи документовъ, вслѣдствіе чего при подачѣ прошенія онъ принялъ имя своей матери, по первому браку—Фетъ, съ которымъ выступилъ въ свѣтъ и которое утвердилось за нимъ навсегда въ литературѣ. Впослѣдствіи, именно въ 1875 г., по представленіи необходимыхъ документовъ, за Фетомъ высочайшимъ указомъ была утверждена родовая фамилія его—Шеншинъ.

Въ 1844 году, по окончаніи курса, Фетъ поступилъ юнкеромъ въ орденскій Кирасирскій полкъ, стоявшій тогда въ одномъ изъ округовъ херсонскаго военнаго поселенія. Прослуживъ въ полку около десяти лѣтъ, онъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи уланскій его величества полкъ, съ которымъ сдѣлалъ походъ къ западнымъ границамъ Россіи. Въ 1856 году, по заключеніи мира, вышелъ въ отставку и, будучи за границей, въ Парижѣ женился на сестрѣ извѣстнаго врача С. П. Воткина, Марьѣ Петровнѣ.

Литературная дѣятельность Фета началась въ 1840 году, когда ему не было девятнадцати лѣтъ, выпускомъ въ свѣтъ небольшого сборника стихотвореній, подъ заглавіемъ *Лирическій Пантеонъ А. Ф.* Эти первые опыты были встрѣчены сочувственно критикой, и у юнаго поэта было признано присутствіе несомнѣннаго дарованія.

Поступленіе въ 1840 году въ университетъ на время остановило поэтическіе опыты Фета. Только начиная съ 1842 года, въ *Москвитянинѣ* и затѣмъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* стали появляться его стихотворенія, сначала по нѣскольку разъ въ годъ, а потомъ—почти ежемѣсячно. Въ *Москвитянинѣ* стихотворенія Фета печатались до конца сороковыхъ годовъ. Въ началѣ 1850 года въ Москвѣ вышло новое изданіе стихотвореній Фета, вызвавшее одобрителныя отзывы критики.

Переселившись въ Петербургъ съ переходомъ въ гвардію, Фетъ началъ помѣщать свои стихотворенія въ *Современникъ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Въ 1860 году онъ поселился въ деревнѣ, въ Орловской губерніи, Мценскомъ уѣздѣ, на хуторѣ Степановка, и посвятилъ себя сельскому хозяйству. 1863 годъ ознаменовался для Фета появленіемъ собранія его стихотвореній въ двухъ частяхъ, изданнаго въ Москвѣ Н. Т. Солдатенковымъ. Съ 1866 по 1877 годъ онъ служилъ по выборамъ участковымъ мировымъ судьей мценскаго округа, а затѣмъ состоялъ тамъ же почетнымъ мировымъ судьей. За все это время онъ почти ничего не писалъ, за исключеніемъ замѣтокъ по сельскому хозяйству, время отъ времени появлявшихся въ *Русскомъ Вѣстникѣ* подъ заглавіемъ *Изъ деревни*. Въ 1877 году Фетъ переѣхалъ жить въ Курскую губернію, и съ этого времени начинается снова его непрерывная дѣятельность, результатомъ которой явился рядъ переводовъ древнихъ классическихъ авторовъ, нѣсколько выпусковъ собственныхъ оригинальныхъ стихотвореній, переводы философскихъ сочиненій и пр. Такъ, за это время изданы: 1) *Миръ—какъ воля и представленіе* Шопенгауэра, переводъ (1880 г.); 2) *Фаустъ*, трагедія Гёте, I—II части, переводъ (1882—1883 гг.); 3) *Вечерніе огни*, сборникъ стихотвореній, вып. I (1883 г.); 4) Полный переводъ Горация (1883 г.); 5) *Вечерніе огни*, вып. II (1885 г.); 6) Сатиры Ювенала, переводъ (1885 г.); 7) Стихотворенія Катулла, переводъ (1886 г.); 8) Элегіи Тибулла, переводъ (1886 г.); 9) *О четвероякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія* А. Шопенгауэра, переводъ (1886 г.); 10) Овидія *Превращенія*, переводъ (1886 г.); 11) *Вечерніе огни*, вып. III (1888 г.); 12) *Энеида* Виргилія, переводъ (1888 г.); 13) Элегіи Проперція, переводъ (1888 г.) и пр.

А. А. Фетъ (Шеншинъ).

Умеръ Фетъ въ Москвѣ 21-го ноября 1892 года.

Уступая по талантливости А. Толстому и А. Майкову, Фетъ является въ то же время наиболѣе типическимъ представителемъ своей школы. Имя его сдѣлалось въ нашей критикѣ какъ бы нарицательнымъ для обозначенія поэта чистаго искусства. И еще бы: и А. Толстой, и А. Майковъ, и прочіе поэты этой школы изрѣдка все-таки отзывались на тѣ или другіе вопросы времени, пытались проводить тѣ или другія идеи.

Фетъ принципиально возставалъ не только противъ тенденціозности, но и какой бы то ни было идейности въ искусствѣ. Стихотворенія его, по большей части небольшихъ размѣровъ, представляютъ собою рядъ или картинокъ природы, или какихъ-либо неуловимо тонкихъ, мимолетныхъ психическихъ эмоцій. Но надо отдать справедливость имъ, они исполнены чарующей, художественной прелести. Какъ ни много, наприкладъ, смѣялись надъ его знаменитымъ стихотвореніемъ *Шопотъ, робкое дыханье*, а все-таки и до сихъ поръ, сколько бы вы ни перечитывали этотъ странный наборъ однихъ подлежащихъ безъ сказуемыхъ, у васъ кружится голова отъ обаянія свѣтлой лѣтней ночи и любовнаго свиданія при соловьиныхъ треляхъ. Краткость и сжатость картинокъ Фета еще болѣе увеличиваетъ прелесть ихъ, возбуждая воображеніе читателей и заставляя его дополнять то, чего не договорилъ художникъ. Типичность Фета заключается въ томъ, что поэзія его представляетъ собою квинтъ-эссенцію того эстетическаго сладострастія, какое развилось на почвѣ любиваго помѣщичьяго сибаритства въ кружкахъ сороковыхъ годовъ. Сладострастіе созерцательности, вѣчно млѣющая въ эстетическихъ восторгахъ, какую вы встрѣтите у всѣхъ прозаиковъ и поэтовъ сороковыхъ годовъ, — у Фета возведена въ альфу и омегу искусства, исчерпываетъ всю его поэтическую дѣятельность. Фетъ представляется въ этомъ отношеніи послѣднимъ могианомъ до-реформеннаго помѣщичьяго режима. Движеніе пятидесятихъ годовъ не задѣло его ни кончикомъ своего крыла, и, пребывая внѣ его вліянія, онъ съ самаго начала и до конца оставался непримиримымъ врагомъ его. Какъ довершеніе типичности Фета, замѣчательнъ тотъ фактъ, что, вѣчный созерцатель красоты во всѣхъ ея мимолетныхъ и неуловимо тонкихъ оттѣнкахъ, Фетъ въ то же время въ письмахъ изъ деревни поражалъ современниковъ грубымъ кулачествомъ, рассказывая о штрафахъ, налагаемыхъ имъ на крестьянъ за погравы, что въ свое время возбуждало противъ поэта не мало сатирическаго смѣха въ *Искрѣ* и прочихъ юмористическихъ листкахъ шестидесятихъ годовъ.

V.

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ является самымъ старѣйшимъ жрецомъ чистаго искусства. Онъ почти ровесникъ Пушкина, такъ какъ родился 23-го ноября 1803 года, въ родовомъ брянскомъ помѣстьѣ, селѣ Овстугѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца, подъ наблюденіемъ извѣстнаго переводчика Тасса и Аріоста, С. Н. Раича, прожившаго въ домѣ Тютчевыхъ семь лѣтъ. Учасъ серьезно и прилежно, Тютчевъ поражалъ своими блестящими дарованіями. Когда ему было четырнадцать лѣтъ, въ 1817 году, Раичъ представилъ въ общество любителей русской

словесности переводы его изъ Горація, которые оказались такими хорошими, что общество напечатало ихъ въ своихъ *Трудахъ*, а мальчика избрало въ члены-сотрудники. Пятнадцати лѣтъ Тютчевъ сталъ посѣщать университетъ, куда ѣздилъ съ Раичемъ, былъ очень любимъ Мерзляковымъ и блистательно выдержалъ экзаменъ на кандидата. Приѣхавъ въ Петербургъ, Тютчевъ поступилъ 21-го февраля 1822 года на службу въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ оставался до начала 1823 года, когда былъ причисленъ къ миссіи въ Мюнхенъ.

Возвышаясь въ чинахъ, пожалованный въ 1825 г. въ камеръ-юнкеры, а въ 1835 г.—въ камергеры, онъ оставался за границей до 1844 г., былъ обласканъ Гёте, коротокъ съ Гейне и со всеми свѣтилами мысли и науки въ Германіи. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ при дворѣ короля Сардинскаго. Уѣхавши безъ разрѣшенія изъ Турина въ Швейцарію, онъ былъ за это исключенъ со службы и лишенъ камергерскаго званія, и лишь въ 1844 году, по ходатайству Великой Княгини Маріи Николаевны, былъ прощенъ и снова принятъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ. Съ 1857 года до самой смерти онъ исправлялъ должность предсѣдателя С.-Петербургскаго комитета иностранной цензуры. 31-го декабря 1872 года его поразилъ ударъ, парализовавъ ему одну руку и ногу, послѣ чего онъ скончался 15-го іюня 1873 года въ Царскомъ Селѣ и погребенъ въ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Петербургѣ.

Первыя стихотворенія Тютчева были напечатаны въ 1826 году въ альманахѣ *Уранія*, и затѣмъ онъ печатался во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ и альманахахъ: въ *Сѣверной Лирѣ*, *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* Дельвига, *Современникѣ* Пушкина и пр. Но большою извѣстностью онъ не пользовался въ продолженіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и лишь Некрасовъ въ *Современникѣ* 1850 года, въ № 1-мъ, впервые познакомилъ публику съ Тютчевымъ въ статьѣ своей: *Русскіе второстепенные поэты*. Велѣдъ затѣмъ въ 1854 году были приложены при *Современникѣ* 96 пьесъ Тютчева, что довершило извѣстность его, особенно послѣ того, какъ въ 4-й книжкѣ того же года была помѣщена статья И. Тургенева подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева*, въ которой, назвавъ Тютчева «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, завѣщанныхъ намъ пріветомъ и одобреніемъ Пушкина», Тургеневъ между прочимъ говоритъ:

„Мы сказали сейчасъ, что Тютчевъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ; мы скажемъ болѣе: въ нашихъ глазахъ, какъ оно ни обидно для современниковъ, Ѳ. И. Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратьевъ по Аполлону. Легче указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ теперешнихъ нашихъ поэтовъ: на пылительную, хотя нѣсколько однообразную грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одномъ Тютчевѣ лежить печать той великой эпохи, къ которой онъ относится и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ; въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соответственность его съ жизнью автора—словомъ, хоть часть того, что въ полномъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій. Кругъ Тютчева не обширенъ—это правда, но въ немъ онъ дома. Талантъ его не состоитъ изъ безвязно разбросанныхъ частей; онъ замкнутъ и владѣетъ собою; въ немъ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ элементовъ чисто лирическихъ; но эти элементы опредѣлительно-ясны и срослись съ самой личностью автора; отъ его стиховъ не вѣетъ сочиненіемъ, они всѣ кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гёте; то есть они не придуманы, а выросли сами, какъ плоды на деревѣ, и по этому драгоценному качеству мы узнаемъ между прочимъ вліяніе на нихъ Пушкина, видимъ въ нихъ отблескъ его времени. Самыя короткія стихотворенія Тютчева почти всегда самыя

удачныя. Чувство природы въ немъ необыкновенно тонко, живо и вѣрно; но онъ, говоря словомъ, не со-всѣмъ принятымъ въ хорошемъ обществѣ, не выѣзжаетъ на немъ, не принимается компоновать и раскра-шивать свои фигуры. Сравненія человѣческаго міра съ родственнымъ ему міромъ природы никогда не бы-ваютъ натянуты и холодны у Тютчева, не отзываются наставническимъ тономъ, не стараются служить поясненіемъ какой-нибудь обыкновенной мысли, явившейся въ головѣ автора и принятой имъ за собствен-ное открытіе. Кромѣ всего этого, въ Тютчевѣ замѣтенъ тонкій вкусъ—плодъ многосторонняго образованія, чтенія и богатой жизненной опытности. Языкъ страсти, языкъ женскаго сердца ему знакомъ и дается ему“.

Какъ тонкому знатоку изящнаго и цѣнителю эстетическихъ красотъ, Тургеневу, конечно, и книги въ руки; намъ остается прибавить къ ха-рактеристикѣ его развѣ то соображеніе, что открытый изъ среды посред-ственности и внезапно столь возвеличенный въ мрачные годы обще-ственного безвременья пятидесятихъ годовъ, Тютчевъ во всякомъ случаѣ въ достаточной мѣрѣ скучноватъ въ своихъ безукоризненныхъ красотахъ и, исключая нѣкоторыя изъ его произведеній, помѣщаемыя въ хрестоматіяхъ, большинство ихъ читается съ трудомъ и цѣнится лишь самыми строгими и рьяными эстетиками.

Яковъ Петровичъ Полонскій родился 6-го декабря 1820 года въ Ря-зани, гдѣ провелъ дѣтство и первую молодость. Въ 1830 году умерла у него мать, а отецъ уѣхалъ на службу въ Эривань, оставивъ шестерыхъ дѣтей на попеченіи свояченицы. Въ 1832 году Полонскій поступилъ въ Рязанскую гимназію, гдѣ онъ рано началъ обнаруживать проблески по-этическаго таланта, и, будучи ученикомъ 6-го класса, за стихи, подне-стоился государю наслѣднику во время проѣзда его черезъ Рязань, удо-стоился получить отъ него въ подарокъ золотые часы. По окончаніи курса въ гимназіи Полонскій поступилъ на юридическій факультетъ Москов-скаго университета, причемъ, вслѣдствіе разстройства дѣлъ и болѣзни отца, принужденъ былъ пропитывать себя уроками. Въ 1844 году онъ кончилъ университетскій курсъ и въ концѣ того же года издалъ не-большую книжку стихотвореній, подъ заглавіемъ *Гаммы*, встрѣченную критикою, въ томъ числѣ и Бѣлинскимъ, съ похвалою. Затѣмъ начинается въ жизни Полонскаго періодъ скитальчества, полного тревогъ, тяжкаго труженичества и заботъ о кускѣ хлѣба, при чемъ обстоятельства бросаютъ его то въ Одессу, то въ Тифлисъ, то въ Петербургъ, то въ Варшаву; наконецъ, въ 1857 году за границу—въ Германію, Швейцарію, Римъ, Парижъ. Здѣсь онъ женился въ 1858 г. на дочери причетника при рус-ской церкви въ Парижѣ, Е. В. Устюжской, которую встрѣтилъ въ одномъ русскомъ семействѣ, но черезъ полтора года послѣ свадьбы имѣлъ несча-стіе лишиться ея.

Въ 1859 и 60 годахъ онъ занимался редактированіемъ *Русскаго Слова*. Въ мартъ 1860 года поступилъ на мѣсто секретаря комитета иностранной цензуры; въ 1860 г. вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Жозефиной Антоновной Рюльманъ, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Въ послѣдніе годы жизни Полонскій занималъ мѣсто члена совѣта въ комитетѣ ино-странной цензуры, не переставая участвовать во многихъ періодическихъ изданіяхъ и выпускать въ свѣтъ отдѣльными изданіями сборники своихъ стихотвореній и романы. Онъ умеръ 18 октября 1898 г.

У Полонскаго мы не видимъ того вѣрнаго и непреклоннаго служенія чистому искусству, какъ у всѣхъ вышеозначенныхъ поэтовъ размати-ваемой нами школы. Правда, большая часть его произведеній написана въ духѣ этой школы. Здѣсь вы встрѣтите и отрывки недоконченныхъ.

поэмъ, въ родѣ *Магометъ*, и картины кавказской природы, и разочарованныя элегіи, исполненныя темныхъ и туманныхъ философскихъ размышлений, обличающихъ мысль въ философскомъ отношеніи весьма незрѣлую, и альбомные стихи, и стихи на всякіе случаи, начиная со стихотворнаго письма А. Майкову изъ Баденъ-Бадена и кончая литературно-юбилейными одами. Самыми видными произведеніями его этой категоріи считаются: шуточная поэма *Кучечикъ-музыкантъ*, изданная въ 1863 г., поэмы: *Мими*, напечатанная въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1873 годъ, и *Келіотъ*—въ *Дѣль* 1874 года. Во всѣхъ подобнаго рода произведеніяхъ Полонскаго вы не найдете ничего оригинальнаго, самобытнаго, своего. Отъ нихъ такъ и вѣтъ то Пушкинымъ и Лермонтовымъ, то какимъ-нибудь иностраннымъ поэтомъ: Шиллеромъ, Гейне и пр. Но порою Полонскій выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ школы и отдается инымъ поэтическимъ вѣяніямъ своего времени. Среди стихотвореній его вы встрѣтите нѣсколько и такихъ, въ которыхъ онъ заплатилъ дань гражданско-соціальной лирикѣ Некрасова и Плещеева. Стихотворенія его

Я. П. Полонскій.

этого рода, отличаясь силою и страстностью, свидѣлствуютъ, что изъ Полонскаго могъ бы выработаться поэтъ, не уступающій означеннымъ. Таковы его: *Натурищица*, *Бѣлый*, *Литературный врачъ*, *Тяжелая минута*, *Казимиръ Великій*, *Что мнѣ она—не жена, не любовница*.

Не упустилъ изъ виду Я. Полонскій заплатить дань и самобытно-народной лирикѣ въ духѣ Кольцова, Никитина и Некрасова. Не говоря уже о томъ, что стихотворенія Полонскаго этого рода, исполненныя поэтическаго одушевленія, являются самыми цѣльными въ художественномъ отношеніи, они отличаются той безыскусственной простотой, какая свойственна русской народной лирикѣ. Таковы: *Солнце и мѣсяцъ*, *За окномъ въ тѣни мелькаетъ*, *Затворница*, *Качка въ бурю*, *Пѣсня цыганки*, *Смерть малютки*, *Колокольчикъ*, *Пѣсня*, *Подойди ко мнѣ, старушка*, *Въ глуши*, *Подсолнечное царство*, *Волшебный мѣсяцъ*, *Старая няня*.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, какъ-то: *За окномъ въ тѣни мелькаетъ*, *Подойди ко мнѣ, старушка*, *Затворница*, положенныя на музыку, проникли въ народъ и ихъ распѣваетъ вся Россія, а другія, каковы: *Солнце и мѣсяцъ*, или *Смерть*

малютки, вы найдете въ каждой христоматіи, и нѣтъ ни одного ребенка, который не зналъ бы ихъ наизусть. Это—перлы нашей лирики, которые никогда не забудутся и одни способны составить славу поэта и добрую память о немъ въ потомствѣ.

VI.

Левъ Александровичъ Мей, сынъ обрусѣвшаго чиновника нѣмецкаго происхожденія А. И. Мей и дворянки Ольги Ивановой Шлыковой, родился 13-го февраля 1822 года въ Москвѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Московскомъ Дворянскомъ институтѣ, откуда былъ переведенъ въ 1835 г. за отличные успѣхи въ Царскосельскій лицей, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1841 г. съ чиномъ X класса. По выходѣ изъ лицея Мей поступилъ на службу въ канцелярію московскаго военнаго генераль-губернатора, въ которой прослужилъ до января 1849 года. Выйдя въ отставку, Мей около полутора года оставался безъ мѣста, но въ мартѣ 1850 года снова поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія на должность инспектора 2-ой Московской гимназіи. Прослуживъ здѣсь около полутора года, онъ вторично и окончательно вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, въ которомъ прожилъ безвыѣздно до смерти.

Стихи началъ писать Мей еще въ лицей, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи лицейскихъ рукописныхъ журналовъ. Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Мея было стихотвореніе *Гваназани* въ 4-й части *Маяка* за 1840 годъ. Начиная съ 1845 г., стихотворенія его стали появляться въ *Москвитянинѣ*, а по переѣздѣ въ Петербургъ—въ *Отечественныхъ Запискахъ*, *Библиотекѣ для Чтенія* и прочихъ периодическихъ изданіяхъ.

Будучи, подобно большинству поэтовъ школы чистаго искусства, лишенъ самобытности, Мей вмѣстѣ съ тѣмъ не выражалъ своей индивидуальности хотя бы въ видѣ предпочтенія одного какого-либо поэтическаго рода.

Какъ пчела, онъ собиралъ свой медъ со всѣхъ цвѣтовъ безъ различія, и эклектизмъ его простирался до того, что онъ могъ совмѣщать въ себѣ автора классической драмы изъ древне-римской жизни *Сервилія* (1854), драмъ изъ русской старины, *Царская невеста* (1849 г.) и *Псковитянка* (1860), и поэмъ изъ библейской древности—*Юдифь*. Зная основательно языки греческій, латинскій, древне-еврейскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и польскій, онъ свободно переводилъ со всѣхъ этихъ языковъ. Особенно замѣчательны его переводъ Анакреона, девяти идиллій Теоокрита, двухъ пѣсенъ *Потеряннаго рая* Мильтона, *Лагерь Валленштейна* и *Дмитрія Самозванца* Шиллера, и масса библейскихъ переложеній, изъ которыхъ болѣе всего выдаются переложенія *Пѣсни пѣсней*.

Проживъ около десяти лѣтъ въ Петербургѣ, посвящая все свое время литературѣ, Мей умеръ 16-го мая 1862 года скоропостижно, диктуя повѣсть для *Моднаго Магазина*, издававшагося женой его, Софьей Гри-

горьевой. Тѣло его погребено на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, около самой церкви.

Николай Ѳедоровичъ Щербина родился 2-го декабря 1821 года въ Мѣусскомъ округѣ земли Войска Донского, въ поселкѣ Грузко-Елачинскомъ, лежащемъ въ 60 верстахъ отъ Таганрога. Отецъ его былъ малороссъ, мать—дочь природной гречанки. Греческій элементъ сильно отразился на ея воспитаніи, а она передала его сыну, что имѣло огромное вліяніе на эстетическое развитіе Щербины. Когда донское имѣніе, гдѣ провелъ дѣтство поэтъ, было продано, а родители его переселились въ Таганрогъ, населенный греками, вліяніе это еще болѣе усилилось и сблизило ребенка съ греческимъ бытомъ и преданіями греческой старины. По вступленіи десяти лѣтъ въ Таганрогскую гимназію Щербина такъ ревностно принялся за изученіе греческаго языка, что вскорѣ, не довольствуясь преподаваніемъ его въ гимназіи, сталъ ходить въ частную греческую школу, гдѣ прочиталъ въ первый разъ *Иліаду* Гомера и познакомился съ нѣкоторыми другими поэтами древней Греціи. Къ этому времени относится первое поэтическое произведеніе Щербины—поэма *Сафо*, написанная имъ на тринадцатомъ году, но потомъ уничтоженная, а также и первое печатное произведеніе его *Къ морю*, появившееся въ № 10 *Сына Отечества* за 1838 годъ.

Не окончивши гимназическаго курса, Щербина шестнадцати лѣтъ отправился въ Москву, съ цѣлью приготовиться къ поступленію въ университетъ, но неблагоприятныя обстоятельства заставили его возвратиться въ Таганрогъ, и лишь въ 1841 году ему удалось поступить въ Харьковскій университетъ на юридическій факультетъ. Но и на этотъ разъ онъ принужденъ былъ выйти изъ университета до окончанія курса и снискивать скудное пропитаніе уроками у окрестныхъ помѣщиковъ. Но борьба съ нищетою не мѣшала Щербинѣ посвящать часы досуга музамъ. Изъ стихотвореній, принадлежащихъ къ этому времени, заслуживаютъ наибольшаго вниманія: *Клефты*, *Ночь въ Венеціи*, *Эллада*, напечатанныя въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Въ 1849 г. Щербина отправился было посѣтить дорогую сердцу его Грецію, но и это не удалось ему: онъ засѣлъ въ Одессѣ, гдѣ прожилъ около года, издавъ здѣсь первый сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ *Греческія стихотворенія Н. Щербины*. Перебиваясь то уроками, то службою, то выгодными педагогическими изданіями (таково было: *Пчела*, *Сборникъ для народнаго чтенія*, выдержавшее съ 1865 по 1875 г. четыре изданія), Щербина былъ прикомандированъ къ главному управленію по дѣламъ печати и умеръ 10-го апрѣля 1869 г. отъ холеры въ горлѣ; похороненъ въ Александровской лаврѣ.

Щербина прославился въ русской литературѣ исключительно антологическими стихотвореніями изъ древне-греческой жизни, въ которыхъ онъ является тѣмъ болѣе побѣдоноснымъ соперникомъ А. Майкова, что въ жилахъ его текла греческая кровь, и онъ имѣлъ не въ примѣръ болѣе основательныя свѣдѣнія въ древней жизни и литературѣ, чѣмъ А. Майковъ. Но зато поэзія его еще холоднѣе, галантерейнѣе и отвлеченнѣе и никакого отношенія къ русской жизни не имѣетъ. Щербина могъ жить въ какой угодно странѣ и писать на какомъ угодно языкѣ.

Впрочемъ, подъ конецъ своей жизни заплатилъ и онъ свою дань злобѣ

дня. Не вынеся ничего изъ движенія шестидесятыхъ годовъ и не будучи въ состояннн уразумѣть его, онъ озлобился гоненіями на поэзію, послѣдовавшими со стороны Писарева, и разразился рядомъ желчныхъ пасквилей противъ литературныхъ противниковъ. Но объ этихъ гражданскихъ подвигахъ, омрачившихъ его литературную репутацію, не будемъ распространяться.

VII.

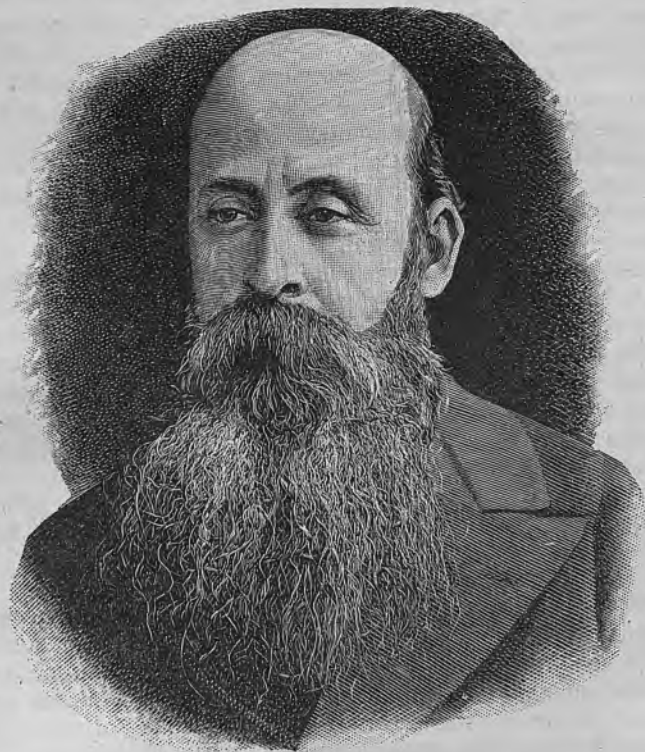
Сороковые и пятидесятые годы ознаменовались массою образцовыхъ переводовъ лучшихъ произведеній классическихъ иностранныхъ поэтовъ,—переводовъ, не уступающихъ подлинникамъ, а порою превосходящихъ ихъ.

Страсть къ стихотворнымъ переводамъ была такъ сильна, что всѣ выдающіеся таланты, исключая одного Некрасова, подвизались на этомъ поприщѣ, и кромѣ того появились поэты, которые большую часть своей литературной дѣятельности посвятили этому почетному дѣлу и составили репутацію преимущественно какъ талантливые переводчики. Таковы: Николай Васильевичъ Гербель, Петръ Исаевичъ Вейнбергъ и Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ.

Н. В. Гербель родился 26-го ноября 1827 года. Родомъ былъ изъ швейцарскаго семейства, переселившася въ Россію при Петрѣ. Прапрадѣдъ его былъ извѣстный инженеръ и архитекторъ, пользовавшійся у Петра большимъ уваженіемъ и построившій много зданій. Первое воспитаніе Гербель получилъ въ домѣ родителей. На девятомъ году онъ былъ отвезенъ въ Кіевъ и отданъ въ благородный пансіонъ при первой Кіевской гимназіи. По окончанн курса Гербель поступилъ въ Нѣжинскій лицей, въ 1844 г. Въ лицей съ самаго поступленія онъ съ особеннымъ увлеченіемъ занялся изученіемъ русской словесности и получилъ даже серебряную медаль за сочиненіе *Подробный разборъ словесныхъ произведеній Сумарокова и Ломоносова и общее заключеніе о характерѣ и состоянн русской словесности отъ Петра Великаго до Екатерины II*. Въ то же время Гербель началъ свои первыя поэтическія пробы, прославился между товарищами эпиграммами, касавшимися мѣстныхъ интересовъ и лицъ; въ 1846 же году проникъ въ печать: въ этомъ году было напечатано въ *Библіотекѣ для Чтенія* первое его стихотвореніе *Бокаль*.

По окончанн лицейскаго курса въ 1847 г. Гербель поступилъ въ военную службу юнкеромъ въ пзюмскій гусарскій полкъ, а въ 1849 г. получилъ чинъ корнета и участвовалъ въ венгерской войнѣ, отличившись храбростію. Дослужившись до чина штабсъ-ротмистра въ лейбъ-гвардіи уланскомъ полку, Гербель оставилъ службу и посвятилъ себя исключительно литературной и издательской дѣятельности. Съ начала пятидесятихъ годовъ стихотворенія его печатались во всѣхъ петербургскихъ журналахъ, причемъ особенно удачны были его переводы изъ Байрона. Въ 1854 году онъ ознаменовалъ свою дѣятельность стихотворнымъ переводомъ *Слова о полку Игоревѣ*, встрѣченнымъ большимъ сочувствіемъ публики и ученыхъ филологовъ—Срезневскаго, Максимовича, Дубенскаго и др.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ Гербель приступилъ къ грандіозному, дѣлающему честь и самому ему, и его эпохѣ, предпріятію,—изданію въ русскомъ переводѣ лучшихъ иностранныхъ поэтовъ. Сознвая невозможность выполнить такое колоссальное дѣло личными силами, Гербель раздѣлилъ трудъ между нѣсколькими современными ему поэтами и, кромѣ того, собралъ воедино все лучшіе переводы классическихъ иностранныхъ поэтовъ, разбросанные въ разныхъ журналахъ. И вотъ въ 1857 г. явилось *Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей*. Поощренный успѣхомъ этого изданія, Гербель рѣшился продолжать дѣло, и такимъ образомъ явились въ русскомъ переводѣ полныя собранія со-

П. И. Вейнбергъ.

чиненій Шекспира, Байрона, Гёте и кромѣ того хрестоматіи изъ лучшихъ произведеній нѣмецкихъ, англійскихъ и славянскихъ поэтовъ. Не былъ забытъ Гербелемъ и русскій Парнасъ: онъ издалъ сборникъ *Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ*, выдержавшій два изданія. Собственные его стихотворенія онъ издалъ въ 1858 году подъ заглавіемъ *Отголоски*. Умеръ онъ 8-го марта 1883 года отъ психической болѣзни, долгое время подтачивавшей его сильный организмъ.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ родился въ 1830 году въ Николаевѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ одесскомъ пансіонѣ Золотова, про-

должалъ его въ Одесской гимназiи, по окончанiи которой поступилъ въ Ришельевскiй лицей, а затѣмъ въ Харьковскiй университетъ на филологическiй факультетъ и въ 1855 году окончилъ курсъ со степенью кандидата. Прослуживъ около двухъ лѣтъ въ Симбирскѣ, онъ переѣхалъ въ 1858 году на жительство въ Петербургъ, а въ 1868 году получилъ мѣсто профессора всеобщей литературы въ Варшавскомъ университетѣ, и должность эту занималъ до начала 1873 года. Въ настоящее время Вейнбергъ занимается чтенiемъ лекцiй по исторiи всеобщей литературы въ качествѣ приватъ-доцента въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

На литературное поприще Вейнбергъ выступилъ въ 1854 году съ книжкой стихотворенiй, изданной въ Одессѣ. По переѣздѣ же въ 1858 году въ Петербургъ, сталъ помѣщать свои произведенiя оригинальныя и переводныя во многихъ периодическихъ изданiяхъ того времени. Въ 1860 году Вейнбергъ вмѣстѣ съ А. В. Дружининымъ, К. Д. Кавелинымъ и В. П. Безобразовымъ предпринялъ еженедѣльный журналъ *Взгъ*, продолжавшiйся одинъ годъ. Въ журналѣ этомъ Вейнбергъ помѣстилъ массу своихъ трудовъ,—стихотворныхъ, подъ вседонимомъ Гейне изъ Тамбова, и прозаическихъ, подписывая ихъ русскимъ переводомъ своего имени — Камень Виногородъ.

Въ 1864 году Вейнбергъ принялся за переводъ Шекспира и въ теченiе трехъ лѣтъ перевелъ девять его пьесъ. Кромѣ того перевелъ Байрона — *Сардананалъ*, Шелли — *Ченчи*, Гудкова — *Уриэль Акоста*, Шеридана — *Школу злословія*, Коппе — *Дѣя судьбы* и пр. Наконецъ, Вейнбергъ издалъ сочиненiя Гёте и Гейне въ русскихъ переводахъ, первыя въ шести, а вторыя въ двѣнадцати томахъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Вейнбергъ сдѣлалъ новую попытку издавать ежемѣсячный журналъ — *Изыщную литературу*, специально предназначенный для переводовъ лучшихъ произведенiй иностранной прессы, но столь же безуспѣшно и по той же причинѣ, по какой не удался ему *Взгъ*,—по недостатку матеріальныхъ средствъ, чтобы поставить изданiе на ноги и привлечь къ нему лучшия силы.

Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ родился въ 1826 году въ одномъ изъ казенныхъ заводовъ на Уралѣ. Дѣдъ Михайлова былъ дворовый челоувѣкъ Аксаковыхъ и умеръ подъ розгами, защищая свою волю, которую завѣщала ему на словахъ старая барыня, но наслѣдники этого словеснаго завѣщанiя не признавали. Исторiя его дважды была описана въ нашей литературѣ: въ *Семейной хроникѣ* Аксакова (*Михайлушка*) и въ повѣсти самого внука подъ заглавіемъ *Село Чумбурово*.

Отецъ Михайлова былъ чиновникомъ Горнаго вѣдомства, а мать киргизская княжна Уракова. Отецъ получилъ недурное образованiе и тщательно воспитывалъ дѣтей. У будущаго поэта было три гувернера: нѣмецъ, французъ и полякъ изъ ссыльныхъ.

Въ 1836 году Михайлова помѣстили въ Уфимскую гимназiю, но онъ не кончилъ въ ней курса. До 1844 года проживалъ въ Оренбургѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскiй университетъ. Въ началѣ онъ усердно посѣщалъ лекцiи, но когда въ 1845 году начали появляться въ *Иллюстраціи* и другихъ изданiяхъ стихотворенiя его (а писать ихъ онъ началъ съ дѣтства), успѣхъ вскружилъ голову девятнадцатилѣтняго юноши, и онъ бросилъ посѣщать

лекціи. Отецъ Михайлова вооружился противъ увлеченій сына стихоманіей, лишилъ его средствъ, и молодому поэту пришлось терпѣть горькую нужду. Въ 1849 году, подъ бременемъ этой нужды, Михайловъ долженъ былъ переѣхать въ Нижній-Новгородъ на службу, но продолжалъ свободные часы посвящать литературѣ, посылая свои стихотворенія теперь уже въ *Москвитянинъ*. Къ этому же времени относятся первые прозаическіе рассказы его: *Нянюшка*, *Онъ* и *Адамъ Адамовичъ*. Мало-по-малу имя его начало выдвигаться, и онъ пользовался уже почетною извѣстностью, когда съ 1852 года пріѣхалъ въ Петербургъ и принялъ дѣятельное участіе одновременно и въ *Современникъ*, и въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Въ *Современникъ* напечатаны имъ въ теченіе десятилѣтняго сотрудничества пять повѣстей: *Кружевница*, *Голубые глазки*, *Африканъ*, *Деревня* и *Городъ*, *Вольная птичка*, кромѣ того—рядъ статей публицистическаго и критическаго характера, каковы: *Джорджъ Эліотъ*, *Женщины*, *Американскіе поэты и романисты*, *Дж. Ст. Милль объ эмансипаціи женщинъ*, *Юморъ и поэзія въ Англии*, *Женщины въ университетѣ*, наконецъ—рядъ переводовъ изъ Гейне, Томаса Гуда, Ленау, Тенисона, Лонгфелло и другихъ. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* на первомъ планѣ стоитъ большой романъ его изъ быта провинціальныхъ актеровъ—*Перелетныя птицы*. Встрѣчаются повѣсти, рассказы и переводы и въ другихъ изданіяхъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, таковы напри- мѣръ: переводъ Шиллера *Коварство и любовь*, *Духовидецъ* и пр.

Въ 1858 и 1861 годахъ Михайловъ побывалъ за границей,—въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и многихъ другихъ большихъ городахъ Европы, и помѣстилъ рядъ писемъ изъ-за границы въ *Современникъ* 1858, 59 и 60 годовъ. По возвращеніи въ Россію, осенью 1861 г., онъ былъ арестованъ по политическому дѣлу, сосланъ въ Сибирь, гдѣ и скончался лѣтомъ 1865 г. на 39 году своей жизни.

Изъ всѣхъ современныхъ переводчиковъ Михайловъ считался самымъ лучшимъ и образцовымъ; объ этомъ можно судить по тому, что очень многіе его переводы до сихъ поръ помѣщаются въ дѣтскихъ христоматіяхъ, начиная съ книгъ для чтенія для дѣтей самаго младшаго возраста и кончая сборниками образцовыхъ западныхъ произведеній для учениковъ высшихъ классовъ, изучающихъ исторію литературъ. Кому не извѣстны почти наизусть такія его вещи, какъ *Сонъ Невольника* Лонгфелло, *Пѣсня о рубашкѣ* Гуда, *Скованный Прометей* Эсхила. Наибольше же прославился Михайловъ, какъ прекрасный переводчикъ Гейне. Изданныя въ 1858 г. его *Пѣсни Гейне* имѣли огромный успѣхъ, впервые познакомивши русскую публику съ великимъ нѣмецкимъ поэтомъ такъ обстоятельно и художественно точно, какъ никогда ни до того времени, ни послѣ не переводился Гейне. Вообще нѣмецкимъ поэтамъ Михайловъ отдавалъ предпочтеніе; по крайней мѣрѣ въ изданномъ въ 1890 году томѣ его переводныхъ стихотвореній три четверти книги заняты переводами нѣмецкихъ поэтовъ, и лишь одна четверть приходится на долю поэтовъ всѣхъ прочихъ странъ и временъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

I. Характеристика новыхъ скорбныхъ поэтовъ. Семень Яковлевичъ Надсонъ. Факты его жизни.—II. Причина его популярности. Его нравственная физіономія, характеръ и духъ его произведеній. Семень Григорьевичъ Фругъ.—III. Николай Максимовичъ Минскій.—IV. Дмитрій Сергѣевичъ Мережковскій. Новѣйшіе поэты чистаго искусства: Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ, Константинъ Михайловичъ Фофановъ, Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, Сергій Аркадьевичъ Андреевскій.

I.

Въ теченіе семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ русскимъ обществомъ овладѣла стихоманія, выразившаяся въ появленіи несмѣтной массы молодыхъ поэтовъ. Никакія изданія не продавались такъ ходко и быстро, какъ стихотворные сборники. Но, къ сожалѣнію, изъ всей этой толпы жаждущихъ поэтической славы весьма немного выдѣлилось талантовъ, обратившихъ на себя вниманіе общества и критики. Да и эти немногіе далеко уступаютъ поэтамъ предшествовавшей эпохи. До сихъ поръ они рабски слѣдуютъ за своими предшественниками, не имѣя силъ создать нѣчто самобытное, свою особенную школу.

На первомъ планѣ рисуется передъ нами группа поэтовъ, которые заслуживаютъ наибольшаго вниманія, такъ какъ выражаютъ въ своихъ произведеніяхъ современное настроеніе общества. Настроеніе это скорбное, унылое; поэтому и стихотворенія поэтовъ этой группы носятъ минорный характеръ. Но ошибочно видѣть въ нихъ разочарованныхъ пессимистовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе были въ нашей литературѣ въ тридцатые и сороковые годы—въ лицѣ Полежаева, Лермонтова, Огарева. Мрачные образы, какими наполнены ихъ произведенія, постоянно смѣняются у нихъ порываніями къ правдѣ и свѣту, мечтами и надеждами о близкомъ наступленіи иныхъ, болѣе отрадныхъ временъ, когда разсѣется мракъ окружающей ихъ ночи и наступитъ новый лучезарный день, полный тепла и блеска.

Существенный недостатокъ молодыхъ поэтовъ заключается въ томъ, что послѣ Некрасова, Шевченко и Никитина наша поэзія не только не сдѣлала ни одного шага впередъ по пути народной самобытности, на который пытались направить ее означенные писатели, а напротивъ того обратилась вспять, снова вступила на почву отвлеченности и стереотипности.

Самымъ талантливымъ изъ всѣхъ молодыхъ поэтовъ,—выразителемъ думъ и чувствъ, волнующихъ современное поколѣніе, является С. Я. Надсонъ.

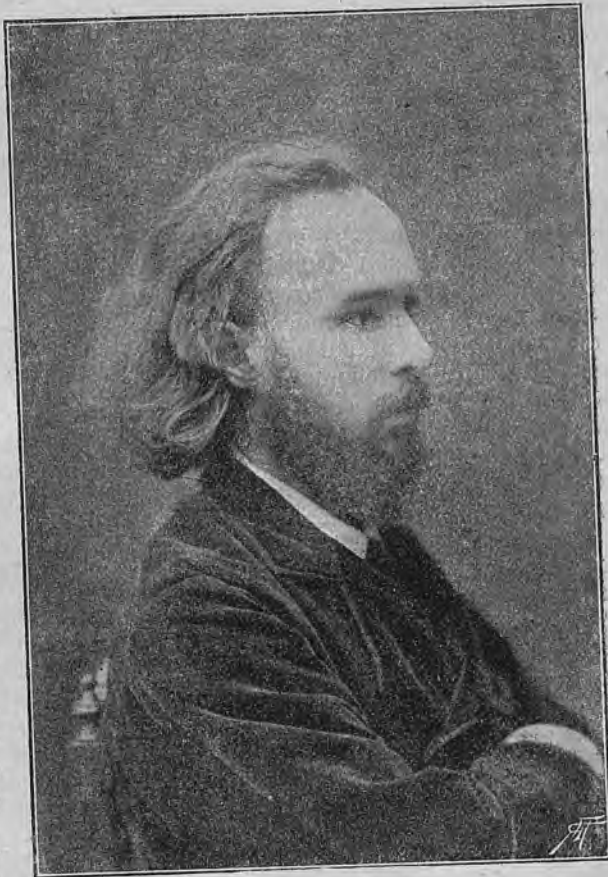
Семень Яковлевичъ Надсонъ родился въ Петербургѣ 14-го декабря 1862 г. Дѣдъ его былъ еврей, принявшій православіе, жившій въ Кіевѣ и имѣвшій тамъ недвижимую собственность, а отецъ, даровитый чело-вѣкъ и хорошій музыкантъ, умеръ еще въ молодыхъ годахъ отъ психической болѣзни. Поэту было два года, когда онъ остался на рукахъ матери, изъ русской дворянской семьи Мамонтовыхъ. Оставшись жить

въ Кіевѣ послѣ смерти мужа, она содержала себя и двухъ дѣтей собственными трудами, занимая мѣсто экономки и учительницы въ семьѣ нѣкоего Ф. Когда мальчику было приблизительно лѣтъ семь, мать уѣхала въ Петербургъ и поселилась у брата, Д. С. Мамонтова, а сынъ поступилъ въ приготовительный классъ 1-й классической гимназіи. Вскорѣ затѣмъ, уже больная, мать Надсона вышла вторично замужъ за Николая Гавриловича Оомина и уѣхала съ нимъ въ Кіевъ. Но Ооминъ, въ припадкѣ умопомѣшательства, повѣсился. Оставшись безъ всякихъ средствъ и испытавъ весь ужасъ нужды, несчастная женщина снова переѣхала съ дѣтьми въ Петербургъ и здѣсь еще молодая, 31 года, умерла отъ чахотки.

Занятія мальчика въ классической гимназіи въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ шли отлично. Въ послѣдніе же мѣсяцы жизни матери отдала его пансіонеромъ во 2-ю военную гимназію. Первое время мальчику жилось нелегко въ военной гимназіи, такъ какъ товарищи не любили его; болѣзненный, впечатлительный, не отличавшійся физическою силою и ловкостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ самолюбивый, не въ примѣръ болѣе развитой и начитанный, чѣмъ весь классъ его, онъ выдѣлялся изъ общаго уровня, что обходится недешево. Но мало-по-малу товарищи оцѣнили искренность и дѣтски-рыцарское великодушіе мальчика, оказывавшаго имъ немалыя услуги, и научились любить его.

Первое время пребыванія въ гимназіи Надсонъ занимался очень хорошо и шелъ вторымъ

ученикомъ, но въ послѣднихъ классахъ такъ увлекся литературою, что ему было не до уроковъ. Это не помѣшало ему кончить курсъ 16 лѣтъ, хотя математика давалась трудно. Всѣ свободные часы онъ посвящалъ чтенію, читая безъ разбора все, что попадалось подъ руки; страстно любилъ музыку; ему казалось даже, что онъ созданъ больше музыкан-

С. Я. Надсонъ.

томъ, чѣмъ поэтомъ, всю жизнь не разставался онъ со скрипкою, она сопровождала его всюду. Стихи началъ онъ писать съ девятилѣтняго возраста, а пятнадцати лѣтъ сознательно уже рѣшилъ посвятить себя поэзіи. Но музыка, поэзія и чтеніе не наполняли всего досуга Надсона и не исчерпывали его энергіи. По его инициативѣ устраивались у товарищей внѣ гимназіи домашніе спектакли, въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе какъ режиссеръ и актеръ. Кромѣ того, по его же инициативѣ и подъ его редакторствомъ, въ гимназіи были предпринимаемы изданія рукописныхъ журналовъ, въ которыхъ онъ самъ былъ и главнымъ сотрудникомъ. Въ то же время онъ писалъ сочиненія за всѣхъ товарищей.

1878 годъ былъ особенно знаменателенъ въ жизни Надсона. Онъ познакомился съ семействомъ одного своего товарища—Д—выми и страстно полюбилъ молодую дѣвушку, сестру своего товарища. Въ этомъ же году онъ выступилъ въ печать: въ майской книжкѣ *Свѣта* было напечатано первое стихотвореніе его *На зарѣ*. Наконецъ, тогда же началась въ поэтѣ сильная внутренняя работа: его волновали и мучили разные «проклятые вопросы», главнымъ образомъ религіозные.

Но первая любовь юноши имѣла трагическій исходъ: 31-го марта 1879 года горячо любимая имъ дѣвушка умерла отъ скоротечной чахотки. Какъ сильно поразила поэта смерть Н. М., отразившись на всей послѣдующей его жизни, видно изъ двухъ стихотвореній его, посвященныхъ ей памяти: *Любили ль вы, какъ я*, и *Я вновь одинъ*, вышедшихъ еще при жизни поэта въ изданномъ имъ сборникѣ своихъ стихотвореній, и множества посмертныхъ, написанныхъ на эту тему. Несмотря на поразившее горе, Надсонъ нашелъ въ себѣ достаточно силъ успѣшно окончить курсъ. Затѣмъ, по желанію опекуна, поступилъ въ Павловское военное училище, гдѣ на первомъ же ученіи схватилъ острый катарръ праваго легкаго и опасно заболѣлъ. Сначала онъ пролежалъ довольно долго въ лазаретѣ, а затѣмъ его отправили на казенный счетъ на Кавказъ, въ Тифлисъ, гдѣ онъ прожилъ у родственниковъ почти годъ.

Вернувшись въ Петербургъ осенью 1880 г., юноша снова поступилъ въ Павловское училище. Здѣсь онъ провелъ два года, въ теченіе которыхъ писалъ и печаталъ довольно много, сначала въ *Мысли*, *Словъ*, *Русской Рѣчи*, *Устояхъ*, а затѣмъ и въ *Отечественныхъ Запискахъ*, мало-по-малу становясь извѣстнымъ. Болѣзнь же его медленно, но упорно двигалась впередъ, чему способствовали неподходящія для больного грудью условія училищной жизни, лагеря, маневры и проч. Дѣятельный и живой юноша не умѣлъ беречь ни силъ, ни здоровья, пѣлъ въ хорѣ юнкеровъ, устраивалъ любительскіе спектакли: словомъ, велъ жизнь далеко не полезную для его расшатаннаго здоровья.

Въ сентябрѣ 1882 года онъ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ въ 148-й Каспійскій полкъ, стоящій въ Кронштадтѣ. Кронштадтскій періодъ жизни Надсона продолжался два года. Къ этому времени принадлежатъ многія изъ лучшихъ его стихотвореній: *Нѣтъ, легче мнѣ думать, что ты умерла*, *Геростратъ*, *Грезы*, *Затихъ блестящій залъ*, *Сбылося все* и др. Извѣстность Надсона быстро росла. Такъ, ему устроили овацію въ пушкинскомъ кружкѣ 30-го сентября 1883 г. Между тѣмъ болѣзнь продолжала дѣлать свои завоеванія. Лѣтомъ этого года онъ слегъ въ постель: у него открылась на ногѣ туберкулезная фистула,—явленіе,

часто предшествующее и сопровождающее чахотку. Онъ пролежалъ все лѣто въ Петербургѣ, въ маленькой комнаткѣ, выходившей на пыльный и душный дворъ. Такія условія не могли не отразиться губительно на общемъ состояннн здоровья его.

Всю зиму Надсонъ хлопоталъ объ освобожденнн отъ военной службы, подыскивая подходящее занятн, которое дало бы ему возможность существовать. Онъ собирался сдѣлаться народнымъ учителемъ, сдалъ удовлетворительно экзаменъ для этого; но, когда ему предложено было мѣсто секретаря въ редакцн *Недѣли*, Надсонъ съ радостью согласился, такъ какъ завѣтною мечтою его было стать поближе къ литературѣ и литературному мнру.

Но недолго удалось Надсону заниматься въ редакцн *Недѣли*. Осенью болѣзнь его приняла такой опасный оборотъ, что, по совѣту докторовъ, его рѣшили отправить за границу, на югъ Францн. Литературный фондъ далъ для этой цѣли 500 р. (возвращенныхъ потомъ фонду лѣтомъ 1885 г. всей чистой прибылью съ перваго изданн его стихотворенн). Затѣмъ, чрезъ посредничество г-жи А. А. Д—вой, С. П. Д—въ далъ на поѣздку Надсона за границу 1200 руб., а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ январѣ 1885 года, г-жа Д—ва устроила концертъ, давшн 1800 руб. сбора. Эти средства доставили больному возможность прожить около года за границей и пользоваться услугами лучшихъ хирурговъ для операцн фистулы на ногѣ. Операцн этой онъ подвергался два раза въ Ниццѣ и затѣмъ два раза въ Бернѣ, въ больницѣ извѣстнаго швейцарскаго хирурга Кохера.

Послѣднн два года Надсонъ провелъ частью въ деревнѣ у одного знакомаго въ Подольской губернн, частью въ Крыму, быстро угасая, свѣдаемый смертельною болѣзнью. Мысль о смерти не покидала его, и не радовала ни популярностъ стихотворенн, успѣвшихъ при жизни поэта выдержать три изданн, ни присужденная ему Академнн наукъ пушкинская премн въ 500 р. Наконецъ, 19-го января 1887 г. его не стало. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и 4-го февраля при многочисленномъ стеченн народа было погребено на Волковомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилъ Добролюбова и Бѣлинскаго.

II.

Въ продолженн пяти лѣтъ сочиненн Надсона, завѣшанныя Литературному фонду, выдержали, какъ извѣстно, десять изданн и продолжаютъ расходиться такъ же быстро, какъ и прежде. Подобную популярностъ нельзя объяснить никакими искусственными взвинчиваннн критики и случайными обстоятельствами. Успѣхъ представляется какъ нельзя болѣе естественнымъ и заслуженнымъ. Прежде всего къ Надсону привлекаетъ общество прекрасный образъ поэта, — гармоническое сочетанн въ столь рано угасшемъ юношѣ-страдальцѣ физической красоты и идеальнаго душевнаго совершенства, прозрачно яснаго, кроткаго духа, чуждаго фальши, суетности, тщеславн, рисовки и тому подобныхъ чловѣческихъ слабостей. По неподкупной честности, кристалльной искренности и цѣльности Надсонъ имѣетъ среди молодого поколѣнн лишь од-

ного подобнаго себѣ — именно Вс. Мих. Гаршина; оба они совершенно тождественны, словно сливаются въ одинъ лучезарный поэтической образъ, дѣлая великую честь поколѣнію, среди котораго они явились.

Но не одна идеально-поэтическая красота личности Надсона привлекаетъ къ нему многочисленныхъ почитателей его. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ чаруетъ своимъ звучнымъ, легкимъ, въ истинномъ смыслѣ музыкальнымъ стихомъ, изящной прелестью и граціозностью поэтическихъ образовъ и неподдѣльно искреннею задушевностью лиризма. Вы не встрѣтите въ этомъ лиризмѣ мужественно-страстныхъ, энергическихъ звуковъ; преисполненный тихой, мечтательной грусти, онъ напоминаетъ намъ не столько исполненнаго гнѣва и мести борца, сколько неутѣшныя слезы преждевременно увядающей красоты, но это усугубляетъ его очарованіе.

И вотъ этимъ-то своимъ музыкальнымъ стихомъ, этими нѣжными слезами своего женственнаго лиризма Надсонъ глубоко проникаетъ въ сердца читателей, задѣвая сокровенныя и завѣтныя струны ихъ, вторя ихъ настроенію, то скорбя о настоящемъ безвременѣ, то утѣшая свѣтымъ будущимъ, ободряя не унывать и отважно стремиться впередъ.

Однимъ словомъ, вся поэзія Надсона, словно солнце въ каплѣ воды, отражается въ извѣстномъ стихотвореніи *Другъ мой, братъ мой*, которое недаромъ считается его шедевромъ. Въ немъ дѣйствительно заключается квинтъ-эссенція всей его поэзіи. Вотъ это знаменитое стихотвореніе:

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто бь ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь: —
Вѣрь, настанетъ пора, и погибнетъ Вааль,
И вернется на землю любовь!

* * *

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ, —
Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ славы въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкrestныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

* * *

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не чужая надежда одна:
Отглянись, — зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой, —
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи, полная скорбною мольбой...

Стоитъ прочесть это стихотвореніе, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ основательны обвиненія Надсона въ пессимизмъ.

Семень Григорьевичъ Фругъ родился въ 1860 году въ еврейской земледѣльческой колоніи Бобровый Кутъ, въ Херсонскомъ уѣздѣ. Отецъ его, уроженецъ той же колоніи, всю жизнь занимался хлѣбопашествомъ.

Фругъ не былъ ни въ какомъ учебномъ заведеніи, кромѣ начальной колониальной школы, въ которой учился чтенію и письму. Развитію таланта онъ былъ обязанъ самому себѣ и является въ истинномъ смыслѣ этого слова самоучкой. До шестнадцати лѣтъ прожилъ онъ на родинѣ. Первое стихотвореніе его было напечатано въ 1880 году. Въ апрѣлѣ же 1885 года вышелъ въ свѣтъ первый сборникъ его стихотвореній; черезъ два года—второй, а въ 1890 году вышло второе изданіе его стихотвореній. Лири Фруга не громка. Онъ не займетъ виднаго мѣста въ русской поэзіи, не создастъ школы, не заставитъ современныхъ, а тѣмъ болѣе послѣдующихъ поэтовъ пѣть въ одинъ съ нимъ голосъ. Но это не мѣшаетъ ему быть однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ, искреннихъ и главное дѣло истинныхъ поэтовъ. Отсутствие претенціозности и вычурности, простота, ясность, опредѣленность и звучность смѣлаго и энергическаго стиха, богатая образность и задушевная теплота составляютъ неотъемлемыя достоинства поэзіи Фруга. Онъ не задается широкими и глубокими міровыми вопросами, философскими или политическими; въ большинствѣ стихотвореній является лишь скромнымъ пѣвцомъ своего гонимаго, угнетаемаго и обиженнаго судьбою и людьми народа. Онъ самъ говоритъ, что ничего болѣе не желаетъ, какъ лишь успѣть «хотя одну слезу тоски и горя стереть съ лица народа его и влести хоть одинъ листокъ лавровый въ его страдальческой терновый вѣнокъ».

Въ то же время Фругъ совершенно чуждъ узкаго націонализма. Дѣтство, проведенное въ земледѣльческой средѣ, наложило неизгладимую печать на міросозерцаніе поэта, печать мира, любви и братства; его волнуютъ идеалы широкіе и свѣтлые вполне земледѣльческаго характера, и во имя ихъ онъ предрекаетъ своимъ землякамъ такую рациональную и отрадную будущность, какую, конечно, дай Богъ всякому народу. Такъ, въ стихотвореніи *Грядущее* онъ говоритъ устами пророка Исаіи:

Придетъ пора—исчезнетъ злоба;
Одной ликующей семьей
Подъ знамя свѣта и свободы
Стекутся мирные народы,
И надъ воскресшею землей
Утихнетъ гулъ борьбы кровавой,
Угаснетъ пылъ вражды навѣкъ,
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человекъ:
То будетъ доблесть думъ высокихъ,
То будетъ слава добрыхъ дѣлъ,
И тамъ, гдѣ въ мракѣ смутъ жестокихъ
Сверкала сталь и щитъ звенѣлъ,—
На тучныхъ нивахъ въ чистомъ полѣ
Высокій колосъ зашумитъ,
И пѣсня пахаря на волѣ
Отрадой свѣтлой зазвучитъ!..

Принимая въ соображеніе эти свѣтлые идеалы Фруга, вы поймете, въ какомъ заблужденіи находятся критики, которые въ числѣ прочихъ молодыхъ поэтовъ заподозрѣваютъ въ пессимизмѣ и Фруга. Правда, пѣсни его полны грусти и печали, онъ называетъ свою душу больною, говоритъ, что самъ содрогается при видѣ мукъ, воспѣтыхъ имъ, называетъ себя могильщикомъ, который съ нѣжныхъ дѣтскихъ дней бродилъ

среди гробовъ, слышалъ одни стенанья, и если запоетъ порою пѣсню— въ ней звучать лишь вопли и рыданья. Но между тоской и даже отчаянiемъ и пессимизмомъ—громадная разница. Въ то время, какъ пессимисты не вѣрятъ въ самую возможность счастья и прогресса на землѣ, отчаянiе очень часто проистекаетъ изъ излишней вѣры, когда люди убѣждены, что счастье и прогрессъ должны составлять неотъемлемую суть жизни, но недостижимы лишь вслѣдствiе враждебныхъ обстоятельствъ, покорить которыя не хватаетъ силъ у современнаго поколѣнiя.

Что Фругъ вовсе не пессимистъ, что онъ вѣритъ въ побѣду добра и правды на землѣ когда бы то ни было, въ этомъ насъ можетъ убѣдить стихотворенiе его *Пѣсня жизни*. Здѣсь онъ сравниваетъ жизнь человѣческую съ тѣми сказками, которыя рассказывала ему въ дѣтствѣ на сонъ грядущiй няня. Въ этихъ сказкахъ, послѣ всевозможныхъ ужасовъ и страховъ, въ концѣ концовъ, правда, торжествуя надъ побѣжденнымъ врагомъ, гордо встала святая въ славѣ и блескѣ своемъ. Такою же сказкою представляется ему и жизнь,—сказкою, длящейся уже семнадцать вѣковъ. Поэтъ вѣритъ, что раньше или позже сказка эта, подобно няниннымъ, кончится такимъ же торжествомъ добра и гибелью зла. Его сокрушаетъ лишь то, что какъ въ дѣтствѣ ему не удавалось дослушивать нянины сказки до конца, и онъ засыпалъ раньше ихъ желанной развязки, такъ же случится и теперь: онъ не дожидется вождельнаго конца сказки и заснетъ сномъ роковымъ, непробуднымъ, во мракѣ одной изъ могилъ сотенъ замученныхъ жизней, сотенъ загубленныхъ силъ...

Такимъ является Фругъ въ самыхъ лучшихъ лирическихъ своихъ произведенiяхъ. Кромѣ того вы найдете у него нѣсколько эпическихъ произведенiй—легендъ, сказанiй и поэмъ изъ древне-еврейской жизни, но всѣ они растянуты, стереотипно-отвлеченны, риторичны. Фругъ, очевидно, лирикъ по самому своему существу. Эпосъ—не его призванiе.

III.

Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о Николаѣ Максимовичѣ Виленкинѣ, выступившемъ на литературное поприще почти одновременно съ Фругомъ, въ 1879 году, подъ псевдонимомъ Минскаго. Псевдонимъ этотъ, обозначающiй мѣсто его происхожденiя—Минскую губернiю, до такой степени утвердился за нимъ, что рѣдко кто знаетъ его настоящую фамилiю. Главное преобладающее качество музы Минскаго—спокойное, объективное раздумье и яркая образность. Этимъ онъ рѣзко отличается отъ Надсона и Фруга,—поэтовъ лирическихъ по преимуществу, субъективныхъ, главное достоинство которыхъ заключается въ силѣ и интенсивности выражаемыхъ чувствъ. Минскiй же если и имѣетъ дѣло съ тѣми или другими чувствами, то не выражаетъ ихъ, какъ музыкантъ, а изображаетъ образами, какъ художникъ. Поэтому всѣ такiя стихотворенiя кажутся намъ холодными, словно надуманными, между тѣмъ какъ это происходитъ просто потому, что Минскiй здѣсь не въ своей тарелкѣ: онъ не лирикъ, а пластикъ. Для примѣра возьмите хотя бы его стихотворенiе *Скорбь*:

Надо мной заря зарю смѣняетъ,
 Небеса темнѣютъ и горятъ,
 Мнѣ кругомъ цвѣтеть и отвѣтаетъ,
 Жизнь и смерть чредою въ немъ царятъ...
 А въ душѣ свинцовою волною
 Скорбь растеть, растеть, не зная сна,
 Шумомъ дня и ночи тишиною—
 Жадно всею питается она.
 Притаюсь у родниковъ желаній,
 Ихъ кристаллъ мутить она въ тиши,
 И толпу несмѣлыхъ упований
 Сторожитъ на всехъ путяхъ души.
 Къ небесамъ ли звѣзднымъ я взираю,
 Въ ясный день гляжу ль въ нѣмую даль,—
 На землѣ я грусть свою встрѣчаю,
 Отъ небесъ я лью свою печаль,
 И когда, волнуемый любовью,
 Я къ груди прижмуся дорогой,—
 Тутъ же Скорбь, принянувъ къ изголовью,
 Мнѣ, какъ другъ, киваетъ головой.

Согласитесь, что это вовсе не выраженіе скорби, а лишь ея описаніе совершенно въ одномъ и томъ же эпически-спокойномъ тонѣ, въ какомъ представляются вамъ первые четыре стиха, занятые описаніемъ внѣшней природы. Очень понятно, что авторъ, словно чувствуя свое безсиліе выразить чувство въ надлежащей интенсивности, прибѣгаетъ къ черезчуръ уже смѣлымъ и рискованнымъ образамъ, сравненіямъ и т. п., которые чувства все-таки не выражаютъ, а между тѣмъ придаютъ стихотворенію видъ комической утрировки. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, чтобы показать намъ, какъ велика его скорбь, поэтъ заявляетъ, что она по размѣрамъ своимъ равняется, шутка ли сказать, самому Богу:

Ты бѣ одинъ, Кто скорби чуждъ, измѣрилъ
 Скорбь мою, великую, какъ Ты...

Но если бы поэтъ увѣрилъ насъ, что скорбь его превышаетъ самого Бога, все-таки онъ не далъ бы намъ въ такой степени понятія объ этой скорби, какъ если бы выразилъ ее въ самой музыкѣ стиховъ.

По нашему мнѣнію, Минскому не для чего столь усердно и заботиться о выраженіи чувствъ. Это совсѣмъ не его область. Для возбужденія поэтического творчества Минскій нуждается непременно въ какомъ-нибудь внѣшнемъ явленіи жизни, которое поразило бы его и вокругъ котораго онъ могъ бы сгруппировать рядъ яркихъ образовъ или тихихъ меланхолическихъ раздумій.

Согласно этому, стихотворенія Минскаго можно раздѣлить на два отдѣла: къ первому принадлежатъ всѣ тѣ, въ которыхъ Минскій является вѣрнымъ призванію—художникомъ-пластикомъ, эпикомъ. Стихотворенія эти просты, естественны и въ то же время неподдѣльно-поэтичны. Таковы: *Бѣлыя ночи*, *Пѣсни о родникѣ*, *На чужомъ пиру* и проч.

Но рядомъ съ ними вы найдете у того же Минскаго массу стихотвореній холодныхъ, натянутыхъ, словно вымученныхъ, крайне вычурныхъ, ходульныхъ, съ претензіей на ложный титанизмъ, и въ которыхъ напыщенная риторика замѣняетъ истинное чувство. Особенно въ этомъ

отношеніи непривлекателенъ дѣлается Минскій, когда напускаетъ на себя міровую скорбь и начинаетъ вопить о какихъ-то очень величественныхъ, но въ то же время туманныхъ и неопредѣленныхъ началахъ...

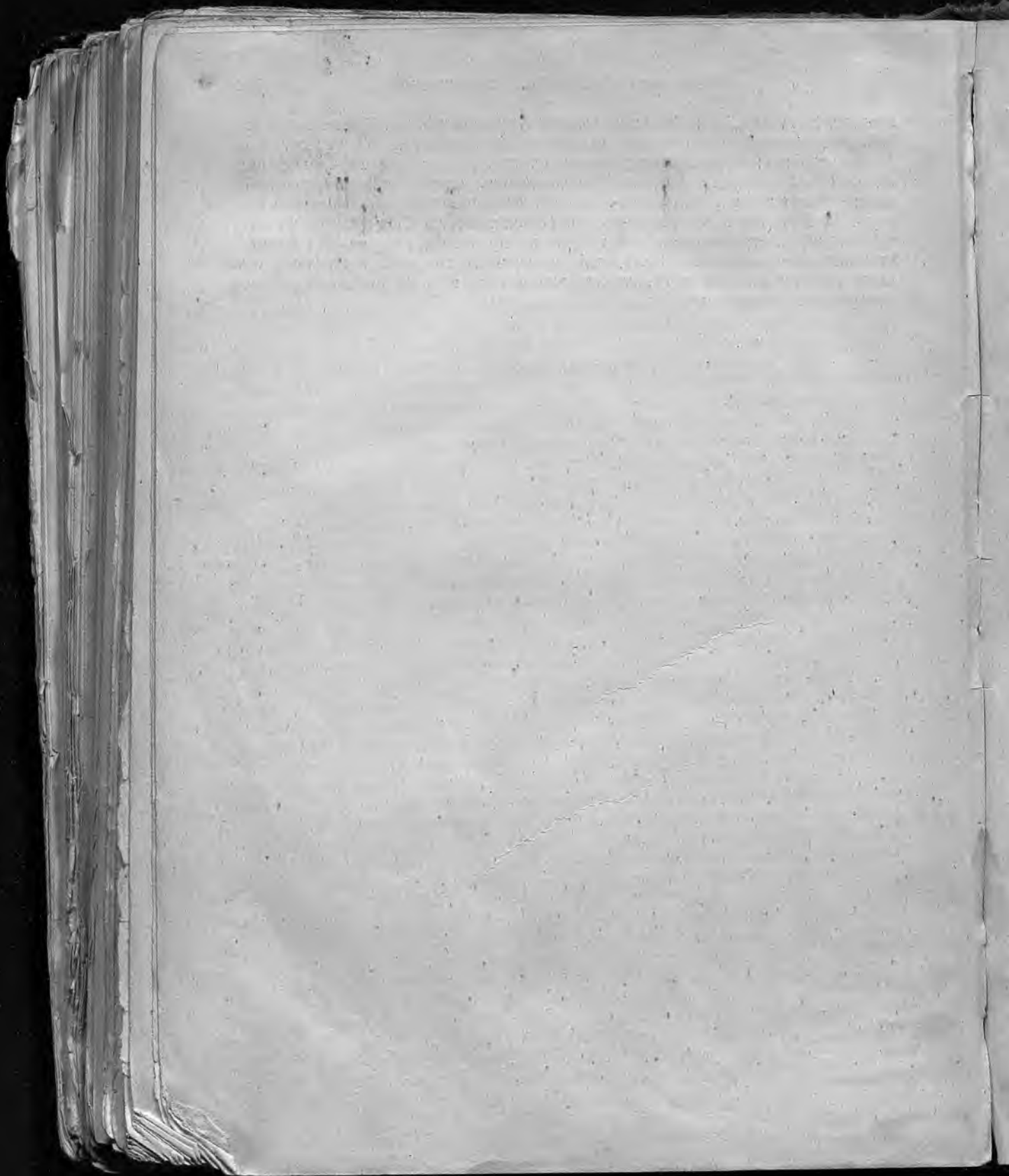
IV.

Почти то же самое слѣдуетъ сказать о Дмитріи Сергѣевичѣ Мережковомъ (родился въ 1865 г. и въ 1886 году кончилъ курсъ С.-Петербургскаго университета со степенью кандидата). Въ большинствѣ своихъ стихотвореній онъ до сихъ поръ былъ преисполненъ ходульными претензіями быть во что бы то ни стало интернаціональнымъ глашатаемъ превыспреннихъ фантазій. Всѣ эти его *Аввакумы*, *Сильвіо* и т. п. представляются исполненными банальныхъ риторическихъ фразъ, повидимому, очень красивыхъ, но такихъ же безжизненныхъ и мишурныхъ, какъ искусственные цвѣты съ проволочными стеблями, съ колениковыми листьями и батистовыми цвѣтами. Но разъ ему случилось коснуться почвы живой русской дѣйствительности, и онъ, какъ Антей, обнаружилъ сразу такія недюжинныя силы, которыхъ трудно было и ожидать отъ него, судя по предыдущимъ его произведеніямъ. Мы говоримъ о стихотворной повѣсти его *Вѣра*, напечатанной въ 1890 г. въ №№ 3 и 4 *Русской Мысли*. Нѣтъ возможности и сравнивать это произведеніе Мережковского со всѣми предыдущими,—произведеніе такое же живое, какъ сама жизнь, въ которомъ каждый стихъ трепещетъ передъ вами, задѣвая васъ за живое, и вы видите, какъ переливается въ немъ, какъ въ живомъ тѣлѣ, горячая кровь, струятся слезы, то безотрадно горькія, то утѣшительно-сладкія, и вамъ жутко становится по прочтеніи повѣсти,—точно какъ будто вы сами пережили драму, какая въ ней развернулась передъ вами. А драма, повидимому, такая простая и обыденная. Изображается юноша, замученный и озлобленный классическимъ воспитаніемъ и ввавший въ мрачный пессимизмъ и скептицизмъ, совершенно не соответствующіе его молодымъ годамъ и горячей крови, струящейся въ его жилахъ. Изъ этого нравственнаго и умственнаго маразма его избавляетъ любовь; но дорого стоило ему это возрожденіе: онъ успѣлъ погубить своимъ напускнымъ холодомъ дѣвушку, которую любилъ всей душой, и лишь дорогая память о ней возбудила силы его и направила на спасительный путь общественнаго блага и пользы. Картина увяданія и смерти дѣвушки производитъ потрясающее впечатлѣніе и представляетъ собою нѣчто давно уже небывалое въ нашей литературѣ.

Четырьмя поэтами, рассмотрѣнными нами въ этой главѣ, исчерпывается та живая струя современной поэзіи, которая имѣетъ тѣсныя точки соприкосновенія съ переживаемою нами эпохою и является ея выразительницею. Въ сторонѣ отъ этой струи стоитъ рядъ поэтовъ, которыхъ можно назвать традиціонными, такъ какъ они вѣрно и неизмѣнно слѣдуютъ традиціямъ чистаго искусства, завѣщаннымъ поэтами 40-хъ годовъ, рассмотрѣнными нами въ предыдущей главѣ. Таковъ Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ (1841—1890); таковъ Константинъ Михайловичъ Фофановъ (родился въ 1862 г. въ С.-Петербургѣ, на литературное поприщѣ выступилъ въ 1882 г.); таковы кн. Арсеній Аркадѣевичъ Голе-

нищевъ-Кутузовъ, Сергѣй Аркадьевичъ Андреевскій, кн. Цертелевъ и пр. Всѣ они одарены безспорнымъ талантомъ; произведенія ихъ читаются съ удовольствіемъ; изданія раскупаются охотно. Но всѣ они страдаютъ еще въ большей степени тѣмъ же недостаткомъ, какъ и ихъ предшественники,—отсутствіемъ самостоятельности, безличностью. Произведенія ихъ напоминаютъ вамъ то Майкова, то Полонскаго, то Тютчева, то Фета, и тотчасъ же улетучиваются изъ головы по прочтеніи, не оставляя по себѣ никакого воспоминанія. Вслѣдствіе всего этого говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности и дѣлать характеристики ихъ мы считаемъ дѣломъ совершенно излишнимъ.

К О Н Е Ц Ъ .

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Авдѣевъ, М. В.—211—213.
 Авенариусъ, В. П.—353—354.
 Аверкиевъ, Д. В.—432—433.
 Авсѣенко, В. Г.—352—353.
 Аксаковъ, И. С.—32—34.
 Аксаковъ, К. С.—30—32, 37, 39.
 Аксаковъ, С. Т.—197—201.
 Александровъ, В. см. Крыловъ.
 Альбовъ, М. Н.—381—382.
 Андреевскій, С. А.—501.
 Андреевъ, Л.—396—397.
 Анненковъ, П. В.—21—23, 26.
 Антоновичъ, М. А.—110—113.
 Апухтинъ, А. Н.—500.
 Арсеньевъ, К. К.—118.
 Атава, С., см. Терпигоревъ.
 Ахшарумовъ, Н. Д.—339.

Б.

Бажинъ, Н. О.—323.
 Баранцевичъ, К. С.—382—383.
 Безродная, Ю. см. Яковлева.
 Боборыкинъ, П. Д.—329—331.

В.

Вейнбергъ, П. И.—489—490.
 Венгеровъ, С. А.—119.
 Вербицкая, А. А.—400.
 Вересаевъ, см. Смидовскій—395—396.
 Веселитская, Л. И. (Микулчъ)—399.
 Виленкинъ, Н. М. (Минскій)—498—500.
 Виницкая, А. А.—400.
 Волларлярскій, В. А.—16—17.

Г.

Гаршинъ, В. М.—372—379.
 Гербель, Н. В.—488—489.
 Гирсъ, Д. К.—326—327.
 Гнѣдичъ, П. П.—397.
 Голицыневъ-Кутузовъ, А. А.—500—501.
 Головачева, Е. Я. (Н. Станицкая)—18.
 Голицынъ, Д. П. (Муравлинъ)—397.
 Головинъ, К. О. (Орловскій)—353.
 Гончаровъ, И. А.—140—156.
 Горькій, М., см. Пѣшковъ.
 Григоровичъ, Д. В.—201—205.
 Григорьевъ, А. А.—44—48.
 Гриневичъ, см. Мельшинъ.

Д.

Данилевскій, Г. П. (Скавронскій)—229—30,
 361—362.
 Дмитриева, В. Г.—398.
 Добролюбовъ, Н. А. 70—84.

Достоевскій, Ф. М.—178—197.
 Дрожжинъ, С. Д.—461.
 Дружининъ, А. В.—20.

Е.

Евгенія Туръ, см. Салиасъ, Е. В.
 Елпатьевскій, С. Я.—396.

Ж.

Жемчужниковъ, А. М.—467—468.
 Жемчужниковъ, В. М.—467.

З.

Засодимскій, В. П.—260—261.
 Златовратскій, Н. Н.—274—281.
 Зотовъ, В. Р.—18.

К.

Каронинъ, см. Петропавловскій.
 Карповъ, Е. П.—433.
 Кирѣевскій, И. В.—28—29, 38.
 Кирѣевскій, П. В.—28—29.
 Ключниковъ, П. В.—344—346.
 Короленко, В. Г.—384—389.
 Костомаровъ, Н. И.—357—360.
 Кохановская, см. Соханская.
 Грандѣевская, А. В.—400.
 Крестовская, М. В.—398—399.
 Крестовскій, В. В.—349—351.
 Крестовскій (псевдонимъ), см. Хвощинская.
 Крыловъ, В. А. (Александровъ, В.)—431—
 432.
 Курочкинъ, В. С.—469—472.
 Кущевскій, И. А.—327.

Л.

Лачинова, П. А.—400.
 Левитовъ, А. И.—248—256.
 Лейкинъ, П. А.—340—342.
 Лѣсковъ, Н. С. (Стебницкій)—346—349.
 Лѣткова, Е. П.—400.
 Лѣтнева, см. Лачинова.

М.

Майковъ, А. Н.—478—480.
 Майковъ, В. Н.—57—59.
 Максимовъ, С. В.—228—229.
 Маминъ, Д. Н. (Сибирякъ)—390.
 Маркевичъ, Б. М.—351—352.
 Марковичъ, М. А. (Марко-Вовчокъ)—220—
 221.
 Марковъ, Е. Л.—331—333.
 Мачтетъ, Г. А.—397.
 Мей, Л. А.—486.
 Мельниковъ, П. Н.—230—234.
 Мельшинъ, Л. (П. Я.)—466.
 Мерзляковскій, Д. С.—500.

Микуличъ, см. Веселитская.
Миллеръ, О. Ф.—49—51.
Минаевъ, Д. Д.—472—473.
Минскій, см. Виленкинъ.
— Михайловскій, Н. К.—114—116.
Михайловъ, М. И.—490—491.
Михайловъ, см. Шеллеръ.
Михѣевъ, В. М.—397.
Монтвидъ, А. С. (Шабельская)—399—400.
Мордовцевъ, Д. Л.—362—363.
Морозовъ, см. Протопоповъ.
Муравлинъ, см. Голицынъ.

Н.

— Надсонъ, С. Я.—492—496.
Назарьева, К. В.—400.
Наумовъ, Н. И.—257—260.
Невѣжинъ, П. В.—433.
— Некрасовъ, Н. А.—433—450.
— Немировичъ-Данченко, В. И.—333—335.
— Немировичъ-Данченко, Вл. И.—397, 433.
— Никитинъ, И. С.—458—461.
Никитинъ, П., см. Ткачевъ.
Николаева, М., см. Цебрикова.
Новодворскій, А. В. (А. Осиповичъ)—368—372.

О.

Омулевскій, см. Федоровъ.
Орловскій, см. Головинъ.
Осиповичъ, А., см. Новодворскій.
— Островскій, А. Н.—400—427.

П.

Пальмъ, А. И.—428.
Петропавловскій, Н. Е.—397.
Пироговъ, Н. И.—52—54.
— Писаревъ, Д. И.—94—110.
— Писемскій, А. Ф.—205—211.
— Плещеевъ, А. Н.—461—466.
Полонскій, Я. П.—484—486.
Помяловскій, Н. Г.—310—318.
Потапенко, И. Н.—389—390.
Потѣхинъ, А. А.—428—429.
Протопоповъ, М. А.—119.
Пышинъ, А. Н.—116—117.
Пѣшковъ, А. М.—391—395.

Р.

Рамшевъ, Матвѣй, см. Мельшинъ.
Ростопчина, Е. И.—17—18.
Рѣшетниковъ, Ф. М.—241—248.

С.

— Салиасъ де-Турнемиръ, Е. В. (Евгенія Туръ)—17.
Салиасъ де-Турнемиръ, Е. А.—363—366.
Саловъ, И. А.—337—339.
Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ)—282—310.
Свѣтловъ, см. Тимченко.
Сергѣенко, П. А.—397.
Скавронскій, см. Данилевскій.
Слѣпцовъ, В. А.—223—227.
Смидовскій, В. В., см. Вересаевъ.
Смирнова, С. И.—397—398.
Соловьевъ, В. С.—366.
Соловьевъ, Н. Я.—430—431.

Соханская, Н. С. (Кохановская)—217—218.
Станицкая, Н., см. Головачева.
Станюковичъ, К. М.—325—326.
Стебницкій, см. Лѣсковъ.
Страховъ, Н. Н.—48.
Сумбатовъ, А. И.—433.
Суриковъ, И. З.—461.
Сухова-Кобылинъ, А. В.—430.

Т.

Телешовъ, Н. Д.—397.
Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава)—336—337.
Тимковскій, Н. И.—397.
Тимченко, В. Я.—397.
Ткачевъ, П. Н.—118—119.
Толстой, А. К.—474—478.
Толстой, Л. Н.—157—178, 360.
— Тургеневъ, И. С.—123—140, 361.
Туръ, Евг., см. Салиасъ.
Тютчевъ, Ф. И.—482—484.

У.

— Успенскій, Г. И.—262—274.
Успенскій, Н. В.—221—223.

Ф.

Фетъ, см. Шеншинъ.
Фофановъ, К. М.—500.
Фругъ, С. Г.—496—498.

Х.

— Хвошинская, Н. Д. (В. Крестовскій—псевдонимъ)—214—217.
Хомяковъ, А. С.—29—30, 41—42.

Ц.

— Цебрикова, М. К.—117—118.
Цертелевъ, Д. Н.—501.

Ч.

— Чернышевскій, Н. Г.—60—69, 86—92.
Чернышовъ, И. Е.—430.
— Чеховъ, А. П. (Чехонте)—379—380.

Ш.

Шабельская, см. Монтвидъ.
Шапиръ, О. А.—398.
— Шевченко, Т. Г.—451—454.
Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ)—319—323.
Шеншинъ, А. А. (Фетъ)—480—482.
Шпажинскій, И. В.—433.

Щ.

— Щедринъ, см. Салтыковъ.
Щепкина-Куперникъ, Т. Л.—400.
— Щербина, Н. Ф.—487—488.

Э.

Эртель, А. И.—397.

Я.

— Яковлева, Ю. И.—400.
Я. П., см. Мельшинъ.
— Якушкинъ, П. И.—234—238.

Ф.

Федоровъ, И. В. (Омулевскій)—324—325.

